

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 1 (29)

2022

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1 (29)
2022

Научный журнал

Издаётся с 2015 года.
Выходит 4 раза в год.

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола).

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426.
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 – социологические науки; 09.00.00 – философские науки.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*.
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*.

Подписано в печать 10.06.2022. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1735.
Дата выхода в свет: 15.07.2022. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Принтекс». 424002, г. Йошкар-Ола, бульвар Победы, 14, пом. III.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дабаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1 (29)
2022

Scientific journal

Founded in 2015.
Published 4 times a year.

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor).

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014.

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola).

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426.
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 22.00.00 – sociological sciences; 09.00.00 – philosophical sciences.

Editor *N. M. Moskvicheva*.
Computer imposition *V. V. Khrenkov*.

Signed in 10.06.2022. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 1735.
Release date: 15.07.2022. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed from the original layout at LLC «Printecs». 424002, Yoshkar-Ola, room III, 14, Pobedy Boulevard.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board.

© Volga State University
of Technology, 2022.

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V. A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S. L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinchek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoiev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Атанасов П.

Микротаргетирование коммуникации и атомизация общества	9
--	---

Войцехович В. Э., Вольнов И. Н., Малинецкий Г. Г.

На пути к сильному искусственному интеллекту: социально-философские проблемы	19
--	----

Закирова Г. Ф.

Гендерный аспект категории «со-бытие» в экзистенциальной аналитике	32
--	----

Хвастунова Ю. В.

Футурологические проекты в нарративе Ника Бострома	41
--	----

СОЦИОЛОГИЯ

Данакари Л. Р.

Современная социальная реальность и психологические особенности интуитивного познания	57
---	----

Ефремова Д. В.

Пандемический фактор институционализации туризма в обществе потребления	65
---	----

Lipai T., Shen Q.

Countermeasures to improve the effectiveness of e-commerce hiring (<i>Лунай Т., Шэнь Ц.</i> Контрмеры в повышении эффективности найма в компаниях электронной коммерции)	76
---	----

Рычихина Э. Н., Зотова М. В., Прудникова О. А.

Мониторинг кадрового потенциала органа сопровождения замещающих семей... ..	86
---	----

ИСТОРИЯ

Прудникова Н. Г., Игнатенко М. Н., Дудник А. В. Культурно-исторические ресурсы города Бийска как потенциал сохранения исторической памяти и развития туризма	97
---	----

Салимгареев М. В. Понимание исторического прошлого как проблема внутренней реальности субъекта.....	107
--	-----

Подготовка и порядок приёма рукописей.....	121
--	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Atanasov P.

Microtargeting communication and atomising society	9
--	---

Voitsekhovich V. E., Volnov I. N., Malinetsky G. G.

On the way to a strong AI: socio-philosophical problems	19
---	----

Zakirova G. F.

A gender aspect of category “co-being” in existential analytic.....	32
---	----

Khvastunova J. V.

Futurological projects in Nick Bostrom’s narrative	41
--	----

SOCIOLOGY

Danakari L. R.

Modern social reality and psychological features of intuitive knowledge	57
---	----

Efremova D. V.

Pandemic 2020 as a factor of the institutionalization of tourism in the consumer society	65
--	----

Lipai T., Shen Q.

Countermeasures to improve the effectiveness of e-commerce hiring.....	76
--	----

Rychikhina E. N., Zotova M. V., Prudnikova O. A.

Monitoring of the personnel potential of the support body for substitute families.....	86
--	----

HISTORY

Prudnikova N. G., Ignatenko M. N., Dudnik A. V.

Cultural and historical resources of the city of Biysk as a potential for preserving historical memory and tourism development.....	97
---	----

Salimgareev M. V.

The historical past understanding as the subject's inner reality problem	107
--	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать девятом номере научного журнала «**Socio Time / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из различных университетов и научных центров России и зарубежных стран. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и др.

География участников данного выпуска традиционно широка и носит общероссийский и международный характер. В 29 номере журнала «**Socio Time / Социальное время**» опубликованы десять научных работ авторов, представляющих научные сообщества Москвы, Казани, Волгограда, Твери, Барнаула, Горно-Алтайска, Йошкар-Олы, Софии (Болгария), Минска и Гродно (Беларусь), Сучжоу (Китай).

В раздел «Философия» включены четыре научные работы. В статье **Атанасова П.** (*Софийский университет «Св. К. Охридского», София, Болгария*) исследуется проблема микротаргетирования коммуникации и атомизации современного общества под влиянием капитализма. В центре внимания статьи **Войцехович В. Э.** (*Тверской государственный университет, Тверь*), **Вольнова И. Н.** (*Московский политехнический университет, Москва*), **Малинецкого Г. Г.** (*Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, Москва*) – социально-философский анализ феномена искусственного интеллекта в современном обществе. В статье **Закировой Г. Ф.** (*Казанский государственный энергетический университет, Казань*) исследован гендерный аспект категории «со-бытие» в экзистенциальной аналитике. **Хвастунова Ю. В.** (*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск*) посвятила своё исследование анализу футурологических проектов в нарративе Ника Бострома.

В раздел «Социология» включены четыре работы. В статье **Данакари Л. Р.** (*Московский финансово-юридический университет (МФЮА) (Волгоградский филиал)*) исследуются современная социальная реальность и психологические особенности интуитивного познания. Автор из Йошкар-Олы **Ефремова Д. В.** (*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола*) подвергла анализу пандемический фактор институционализации туризма в обществе потребления. В коллективной статье **Липай Т.** (*Минский городской институт развития образования, Минск, Беларусь*), **Шэнь Ц.** (*Гродненский государственный*

университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь; SND Group. Suzhou SND Group CO., Ltd, Сучжоу, Китай) проведён анализ контрмер в повышении эффективности найма в компаниях электронной коммерции. В коллективной статье **Рычихиной Э. Н., Зотовой М. В., Прудниковой О. А.** (Московский городской педагогический университет, Москва) представлен анализ мониторинга кадрового потенциала органа сопровождения замещающих семей.

Третий раздел «История» включает в себя две авторские работы. В совместной статье **Прудниковой Н. Г., Игнатенко М. Н., Дудник А. В.** (Алтайский государственный университет, Барнаул) исследуются культурно-исторические ресурсы города Бийска как потенциал сохранения исторической памяти и развития туризма. В центр внимания статьи **Салимгареева М. В.** (Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань) помещена тема понимания исторического прошлого как проблема внутренней реальности субъекта.

В итоге нельзя не отметить широкую палитру представленных работ, охватывающих актуальные проблемы современного человека и общества. Атомизация общества, искусственный интеллект, интуитивное познание, общество потребления, экзистенциальная аналитика, историко-культурное наследие, организационная культура, проблемы понимания истории – такова главная лексика представленного номера журнала.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «Socio Time / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.9

МИКРОТАРГЕТИРОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ И АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

П. Атанасов

Софийский университет «Св. Климента Охридского», София (Болгария)

Введение. Современная коммуникация через интернет делает всё более заметными предпочтения и интересы личности и позволяет всё более точное вмешательство в человеческие отношения. Это распыляет общество и подрывает смысл социальных отношений. В условиях ограничений, вызванных пандемией вируса SARS-CoV-2, анализ этих противоречий приобретает всё более высокую актуальность.

Методы. Проблематика, по крайней мере, частично представлена обзором доступных сообщений в СМИ и изучена в ракурсе существующих научных разработок об отношениях в обществе и о коммуникации. Также использованы и некоторые тезисы современных философов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Перенос значительной части общения личности на социальные онлайн-платформы вызывает у корпораций, политических партий и других организаций всё большее желание избежать публичного общения и заменить его на «экзотические» способы привлечения пользователей или сторонников. Одним из этих способов является прецизионное разделение аудитории в соответствии с психологическими профилями и последующим её манипулированием. Успех такого подхода быстрый, но «скоропортящийся». За счёт этого он разделяет людей и надолго атомизирует общество. Подобные инновации препятствуют обмену, обсуждению и соглашению между людьми и поэтому затрагивают все социальные сферы повседневной жизни. Такие процессы уже визуализируются в некоторых необычных результатах обычных социологических наблюдений.

Заключение. Повседневная жизнь показывает, что благоприятная среда для социального микротаргетинга доступна через социальные онлайн-платформы. Пандемия ещё больше подталкивает людей к опосредованному компьютерами миру, где интересы большие, чем мы предполагаем. Это распыляет отношения среди людей. Пандемия пройдёт, но атомизация будет преодолена через социальные контакты и не только через осмысленную, но и через общую, транспарентную (прозрачную) активность между людьми. Достижение таких отношений – это заметная проблема, которую человечество должно решить.

Ключевые слова: психометрия; микротаргетирование; атомизация общества; интернет.

Введение. Сегодня, не без помощи интернета, общества в Европе, США, а также во многих других местах по всему миру, атомизируются, а создание единого мнения и объединение в группы с помощью знакомой публичной коммуникации (СМИ, реклама, ПР и др.) становится всё труднее. Пандемия SARS-CoV-2 и

ограничение прямых социальных контактов ещё больше катализируют возникающее затруднение.

В условиях стремления к доминированию организации «убегают» от публичного общения и проявляют всё больший интерес к «экзотическим» способам убеждения своих активных и потенциально заинтересованных публик. Такой «инновативный» подход выводит микротаргетирование из маркетинговой практики и переносит его в социальные отношения. Эффекты подобных инноваций препятствуют обмену, обсуждению и соглашению между людьми и поэтому затрагивают все социальные сферы повседневной жизни.

Методы. Коммуникационная реальность в ограничениях семантического поля частично представлена обзором доступных медиасообщений и изучена с точки зрения существующих научных разработок о взаимоотношениях в обществе и о чувствительности этих отношений от общих социальных сетей в интернете. Также применялись некоторые тезисы современных философов. В качестве подтверждающего примера был использован вторичный обзор рейтинга журнала «Форбс» самых успешных компаний за последние годы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Микротаргетирование (англ. *target* – мишень) – это деятельность, которая давно известна специалистам по маркетингу, как точное признание потенциальными покупателями и как поощрение их к покупке определённых товаров. Такие практики стимулируют развитие общества потребителей, но, похоже, сегодня это меньшая угроза.

Перенос микротаргетирования с рыночных механизмов в «битву» за получение социальной поддержки является небезобидным эффектом для общества и современного общения на социальных платформах. С точки зрения коммуникации, микротаргетирование активизируется для точного изучения коммуникаторов и для составления эффективных персонализированных сообщений по значимым для общества темам. На практике такой подход связывает общение личности с публичной коммуникацией. Массовость сохраняется, но эффекты социального взаимодействия отсутствуют.

В этом и состоит проблема. Общественная коммуникация имеет смысл только для общества, и она должна быть открытой для всех (транспарентной). Однако микротаргетирование и отправка индивидуально адресованных сообщений происходят скрыто. Эффект подобен публичному общению, но результат достигается не общим и видимым для всех комплексом сообщений, а посредством преднамеренного влияния на каждого получателя по отдельности. Таким образом, аудитория не видит сама себя.

Ещё Карл Маркс писал, что человек использует остальных как зеркало, в котором он видит себя [14]. При замене публичного общения с микротаргетингом аудитории это зеркало исчезает. Получатель не может оглянуться на окружающих,

он остаётся под единственным давлением, оказываемым эмиттером персонализированных сообщений.

Таким образом, скрытность представляет угрозу для общества в любой стране мира. Болгарский исследователь Тодор Петев пишет: *«Общественная коммуникация во всех её формах – это средство, с помощью которого организуются, координируются и интегрируются общественные взаимодействия. И наоборот, скрытое общение, секрет удаляют, изолируют, десоциализируют, разделяя сообщество на посвящённых и других»* [5, с. 17].

Рассуждая о современности, надо иметь в виду, что интернет предлагает круглосуточно интенсивную связь со всеми точками мира, где люди «говорят» постоянно и обо всём. Эта разговорчивость обеспечивает благоприятное пространство, которым некоторые организации (коммерческие структуры, избирательные штабы и т. д.) пользуются недобросовестно. Собирая данные из диалогов, лайков и т. д., они формируют общее восприятие в группе и точно определяют её активных и потенциальных членов, затем отправляют персонализированные (индивидуальные) сообщения в соответствии с особенностями характера получателя. Для реализации такой коммуникации необходимы два ресурса: данные о характере получателя, умение построения соответствующих сообщений. Тема сообщения не имеет значения. Всё поддаётся манипуляции.

Независимость от тематики обеспечивает широкий рынок для заказов. Тревожно и то, что микротаргетинговое манипулирование невидимо и блокирует общественные механизмы противодействия. Это делает его сервис востребованным. Уже известно, что существуют компании, которые специализируются на таком типе микротаргетинга и предлагают свои услуги, независимо от поручателя и доктрины, в которой они должны убедить получателей. Примером является уже закрытая компания «Кембридж Аналитика». О социальном эффекте её действий красноречиво говорит заголовок из газеты «Neue Zürcher Zeitung» – «Такие компании, как «Кембридж Аналитика» (КА), не осознают важности своих дел».

Согласно опубликованной на сайте ТАСС информации, компания повлияла на плебисциты в более чем 200 странах мира. Механизм прост: выкупаются или «захватываются» данные из профилей онлайн-коммуникаторов, а с помощью психометрии определяются соответствующие пути воздействия на решения (выбор), которые принимает личность. Нам не известно в точности, как в КА или других компаниях с аналогичной деятельностью получают доступ к данным, но подтверждено, что в избирательной кампании Трампа в 2016 г. из КА использовали данные о более 50 млн американцев. Подобные данные взяты из Facebook и в 2018 году, в связи с чем вспыхнул скандал, принесший социальной онлайн-платформе экономические потери в размере более 6 млрд долларов США [3].

Однако проблема, рассматриваемая в этой статье, заключается не в экономических, а в социальных потерях. Беспокоит лёгкость, с которой манипулируют обсуждением и соглашением людей. К примеру, в 2016 году в швейцарском журнале «Дас Магазин» рассказали, что в предвыборной гонке на пост президента США штаб Д. Трампа использовал специальный сервис Facebook (сегодня – Meta), чтобы отправлять сообщения только жителям района «Маленький Гаити» в Нью-Йорке, где живут переселенцы из одноимённого архипелага. В рассылках вместо рекламного баннера появлялся текст письма, из которого следовало, что фонд претендента Х. Клинтон отказался помочь пострадавшим и возместить ущерб от урагана, недавно прошедшего через Гаити. Получатели письма вряд ли проголосовали бы за такого конкурента и вряд ли публично ответили на вопрос «почему?».

Микротаргетирование аудитории наводит на мысль о нечестности. Замена публичного общения скрытыми персонализированными сообщениями, независимо от того, понимается ли выдвинутая доктрина как полезная для общества или нет, всегда вредна. Ущерб не только для заинтересованной публики, но и для всех граждан. Причина в том, что микротаргетинг обходит, а точнее, блокирует утверждение демократических практик, которые Юрген Хабермас связывает с коммуникативным действием: обмен, обсуждения и соглашения [11].

Психометрия, корпоративное пользование. В качестве активных факторов для развития микротаргетирования в социальных отношениях выделяются расширение связи в направлении интернета и обмен данными о внутреннем поведении коммуникаторов.

Развитие социальных платформ в интернете стимулирует микротаргетирование аудитории, связывая деятельность с психометрией. Психометрия – это раздел психологии, который занимается анализом способностей, интересов, взглядов и качеств личности [16]. В 1980 году учёные доказали, что пять показателей – открытость, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и невротизм – позволяют прогнозировать реакции личности. Открытие известно и как «Большая пятёрка» (Big Five) [12], его часто заменяют акронимом OCEAN (из английских слов *openness to experience*, *conscientiousness*, *extraversion*, *agreeableness*, *neuroticism*) [4].

Сегодня всё сложнее. Предполагается, что такие компании, как «Кембридж Аналитика» и другие подобные организации, уже создают психологические портреты на основе исследования не 5, а 5 тысяч параметров психики [3]. Социальные платформы в интернете являются подходящим местом для сбора психометрических данных. Исследователи социальных сетей обнаружили, что «Интернет понимает вас лучше, чем ваш брачный партнёр» [15]. Это название статьи из «Файнэншл Таймс». В публикации представлены исследования учёных из университетов Кембриджа и Стэнфорда, проведённые среди 86 700 добро-

вольцев. Согласно результатам, 70 отзывов достаточно, чтобы собрать больше данных, чем у друзей; 150 – чтобы знать больше, чем родители; 300 – обеспечивают информацией больше, чем знает интимный партнёр [4, 15]. В 2016 г. из швейцарского журнала «Дас Магазин» получены более конкретные данные. 68 лайков в социальных сетях достаточно, чтобы определить: цвет кожи – с 95-процентной точностью; наличие гомосексуализма – 88 %; привязанность (или склонность) к Демократической или Республиканской партии в США – 85 % и т. д. [13].

На микротаргетирование в социальном отношении полагаются не только партии во время выборов, но и всё больше корпораций, стремящихся повысить свою репутацию. Следствием этого является то, что с расширением поручителей также растёт интенсивность микротаргетирования в социальных отношениях, и это повышает риск нанесения ущерба отношениям в обществе. Корпорации используют микротаргетированную персонализированную коммуникацию, чтобы превзойти своих конкурентов не только на рынке, но и в общественной поддержке. Например, чтобы обеспечить общественное согласие на строительство нового завода или магазина, подавить сопротивление своих потенциальных противников, ввести новый продукт в эксплуатацию и т. д.

Атомизация общества. На этом фоне возникает вопрос: где остаются люди и общественные механизмы? Видно, что механизмы в обществе действуют, но это обманчиво. Такое общество не полезно для людей и вряд ли может развиваться и прогрессировать. Такое общество распадается на составляющие его личности. Происходит атомизация.

Атомизация – это термин из физики. Его перенос в социальные науки сделала Ханна Арендт [6], и в социальном аспекте «атомизация» означает прерывание реальных контактов и самоизоляцию индивидов – коллективизм скомпрометирован, исчезают общие задачи и общие дела, но люди остаются. Прогрессирование атомизации общества способствует внедрению микротаргетинга в публичное общение, а прогресс микротаргетинга в публичном общении ускоряет атомизацию. Связь двусторонняя.

Другим активным фактором является пандемия. Сегодняшняя ситуация с эпизодическими локдаунами в разных странах и ограниченными социальными контактами переносит большую часть обмена посланиями, обсуждения и соглашения в социальные группы в интернете. Этим облегчаются сбор данных, необходимых для психометрического профиля, и скрытность личного общения с отдельным человеком. Подобное развитие побуждает к микротаргетингу коммуникации и катализирует атомизацию общества. По поводу атомизации и препятствий, созданных пандемией, известный философ Ноам Хомский говорит, что современная информационная связь *«атомизирует и изолирует людей до такой степени, что общества уже не существует»*, а основная задача состоит в том, чтобы *«помочь людям воссоединиться любым возможным путём. Например,*

воссозданием социальных связей между людьми: помогая людям нуждающимся, контактируя с ними, расширяя организационные структуры, собирая людей вместе, чтобы разрешить их индивидуальные проблемы. Это может быть сделано. Это не просто, но возможно. Разумеется, после карантина» [8].

Другой американский философ Фрэнсис Фукуяма также высказал озабоченность, которую я связываю с описанными процессами вмешательства в публичное общение: после пандемии демократия пострадает, и спор будет между *«высокоэффективными автократиями против тех, у кого катастрофические последствия»*. Ф. Фукуяма предполагает, что не вид государства, а доверие к нему приобретёт первостепенное значение¹.

Однако доверие является важным фактором для общества. Общественное доверие – это социальный механизм, который снижает комплексность в публичном взаимодействии [2, с. 25]. Микротаргетинг в коммуникации определённо не уменьшает сложности в общественных отношениях. В общении он приносит маскировку в отношения. «Кембридж Аналитика» уже не существует, но она не единственная. Она является дочерней компанией британской SCL (Strategic Communications Laboratories) Group. Я допускаю, что компаний, занимающихся анализом публичных данных и использующих результаты для вмешательства в публичные коммуникации, немало, и по объяснимым причинам они не афишируют свою деятельность массам.

Судя по повседневной жизни, микротаргетирование и оптимизация психометрических вмешательств развиваются. Об этом также говорят постоянные скандалы с утечкой данных и информации о профилях пользователей. Логично ожидать, что из-за подобных вмешательств люди будут делиться сведениями о себе всё меньше и в дальнейшем станут неточно рассказывать о своих предпочтениях и интересах. Это означает, что если тенденция микротаргетинга сохранится, то наблюдение и изучение социальных процессов усложнится. Изменения начнут происходить в глубине общественных процессов, в то время как на поверхности будет видно только одно спокойствие.

Вот пример, который трудно объяснить без учёта таких эффектов, как микротаргетирование аудитории и атомизация общества. Мы уже видим, что интенсивность в отношениях уменьшилась, что мир потребительских интересов «переехал» в интернет. Даже традиционный рейтинг журнала «Форбс» показывает, что первые 10 компаний почти не меняют своё место в 2018 (за год до пандемии) и в 2019, 2020 гг. (годы пандемии). Вот данные:

- 2018 – Apple; Google; Microsoft; Facebook; Amazon; Coca-Cola; Samsung; Disney; Toyota; AT&T [9];

¹ Fukuyama F. The Thing That Determines a Country's Resistance to the Coronavirus. The Atlantic, 30 March 2020.

- 2019 – Apple; Google; Microsoft; Amazon; Facebook; Coca-Cola; Samsung; Disney; Toyota; McDonald's [1];

- 2020 – Apple; Google; Microsoft; Amazon; Facebook; Coca-Cola; Disney; Samsung; Louis Vuitton; McDonald's [7].

Пандемия SARS-CoV-2 затормозила физические встречи людей, они начали чаще обращаться в интернете, покупать товары онлайн и т. д. Однако остаётся вопрос: почему в 2018 году, когда не было ограничений, компьютерные корпорации-гиганты занимали первые места? Значит ли это, что мир не изменился после пандемии, или причиной сохранения мест являются механизмы коммуникации с аудиторией, которые полагаются на пространство в интернете и не зависят от физических ограничений? С высокой долей вероятности таким механизмом является микротаргетирование коммуникации.

Заключение. Повседневная жизнь показывает, что через общение в социальных онлайн-платформах люди создают благоприятную среду для социального микротаргетирования. Некоторые организации используют эту ситуацию и пользуются услугами, предоставляемыми компаниями, которые анализируют публичные данные и используют результаты для вмешательства в публичные коммуникации. Это способствует атомизации общества.

Пандемия ещё больше подталкивает людей к опосредованному компьютерами миру. Пандемия пройдёт, и атомизация будет преодолена через социальные контакты и не только через осмысленную, но и через общую, транспарентную (прозрачную) активность между людьми. Достижение таких отношений – это настоящая проблема, которую человечество должно решить. В противном случае люди будут воспринимать корпорации, политические партии и другие организации не в соответствии с их делами и идеями, а в соответствии с их возможностями микротарегулировать аудиторию.

Чтобы избежать такого развития, необходима толерантность. Важно общение, но не в виртуальном мире киберпространства, а в мире физической реальности, где сбор данных и преднамеренное вмешательство вполне ощутимы.

Список литературы

1. Баденхаузен К. Самые дорогие бренды мира – 2015: рейтинг Forbes. Форбс. 14.05.2015. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii-photogallery/288451-samye-dorogie-brendy-mira-2015-reiting-forbes?photo=8#gallery-block>.

2. Бентеле Г. Общественное доверие в публичната комуникация / Петев Т., Златева М. (състав.) // Пъблик рилейшънс и конфликти в демократичното общество. София: СУ «Св. Кл. Охридски». ФЖМК. 2000.

3. Громов А. Как Cambridge Analytica «взламывала выборы» по всему миру // ТАСС. 05.04.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632>.

4. Дмитричев И. Михаил Козински: не big data побеждает на выборах, а сами кандидаты

(интервью) // ТАСС. 19.12.2016. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3885594>.

5. Петев Т. Коммуникационная спираль – трансформации и конфликты. София: Аскони издат, 2018. С. 17.

6. Петрова Е. Атомизированный социум в аспекте теории солидарности Э. Дюркгейма // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ (Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск)). 2015. Т. 6, № 1. С. 27–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?>

7. Свэнт М. Самые дорогие бренды мира 2020 года по версии Forbes. Форбс. 29.07.2020. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/405947-samye-dorogie-brendy-mira-2020-goda-po-versii-forbes>.

8. Чекалин Ю. Интервью с Ноамом Хомским // Fitzroy. 01.05.2020. URL: <https://fitzroymag.com/mir/intervju-s-noamom-homskim/>.

9. Forbes назвал топ-100 самых дорогих брендов 2018 года // CoSSA. 24.05.2018. URL: <https://www.cossa.ru/news/203464/>.

10. Fukuyama F. The Thing That Determines a Country's Resistance to the Coronavirus // The Atlantic. 30 March 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/thing-determines-how-well-countries-respond-coronavirus/609025/>.

11. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, 1987. Vol. 2.

12. John O., Donahue E. M., Kentle R. L. The Big Five Inventory – versions 4a and 54. Berkeley: University of California at Berkeley. Institute of Personality and Social Research. 1991.

13. Krogerus M., Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt. Brexit Trump Le Pen Die unheimliche Macht der Firma Cambridge Analytica // Das Magazin. Dezember 2016. Vol. 48. No 3. URL: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/>.

14. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg: Otto Meissner Verlag. 1867.

15. Murad A. Facebook understands you better than your spouse // The Financial Times. 12.01.2015. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/3dfa397c-9a73-11e4-8426-00144feabdc0.html#axzz3P49GKHnj>.

16. URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/15/psihometriya/>.

Авторская справка

АТАНАСОВ Пламен, доктор философии, факультет журналистики и массовой коммуникации, Софийский университет «Св. Климента Охридского», София, Болгария.

E-mail: atanasovp@abv.bg

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.9

MICROTARGETING COMMUNICATION AND ATOMISING SOCIETY

P. Atanasov

Sofia University «St. Kliment Ohridski», Sofia (Bulgaria)

Introduction: Today's communication through the Internet makes one's preferences and interests even more accessible and allows an especially precise intervention in people's interactions. This atomises society and undermines the sense in social interactions. Under conditions of social restrictions caused by the SARS-CoV-2 virus pandemic, the analysis of the resulting contradictions becomes even more relevant than usual.

Methods: At least partially, the matter is presented via an overview of publicly accessible messages from the media and is explored in the context of existing scientific developments on the interactions in society, and on communication. Also used are opinions of modern philosophers.

Results: The transition of a significant part of the personal communication to the social online platforms presents an opportunity for corporations, political parties, and so on to seek to substitute public communication with more «exotic» means of attracting customers and supporters. One such mean is the segregation of their audience, based on their psychological profiles, followed by tailored manipulation. The success of this approach is rapid, but short-lived, as it segregates society and atomises society. The individual finds it increasingly hard to navigate the social interactions that surround them. These processes are already apparent in some unusual outcomes from standard sociological observations.

Conclusion: Everyday life shows there is a favourable environment for social microtargeting via the social online platforms. The pandemic further turns people towards the computer-mediated world, where the lingering interests are more than one can anticipate. The pandemic will pass, but the atomisation can be overcome via social contacts and not only conscious, but also shared and transparent, activity between people. Achieving such interactions is a real challenge before humanity.

Keywords: psychometry; microtargeting; social atomization; Internet.

References

1. Badenhausen K. Samye dorogie brendy mira – 2015: rejting Forbes. *Forbs*, 14.05.2015. Available at: <https://www.forbes.ru/kompanii-photogallery/288451-samye-dorogie-brendy-mira-2015-rejting-forbes?photo=8#gallery-block>.
2. Bentele Gjunter. Obshhestvenoto doverie v publichnata komunikacija [Social Trust in public communication]. *P#blik rilejsh#ns i konflikti v demokratichnoto obshhestvo* [Public relations and conflicts in the democratic society]. Sofija, SU «Sv. Kl. Ohridski», FZhMK, 2000.
3. Gromov A. Kak Cambridge Analytica «vzlamyvala vybory» po vsemu miru. *TASS*, 05.04.2018. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5048632>.
4. Dmitryachev I. Kozinski M.: ne big data pobezhdaet na vyborah, a sami kandidaty (intervyu). *TASS*, 19.12.2016. Available at: <http://tass.ru/opinions/interviews/3885594>.
5. Petev T. Komunikacionnata spirala – transformacii i konflikti. Sofiya: Askoni izdat, 2018.
6. Petrova E. Atomizirovannyi socium v aspekte teorii solidarnosti E. Dyurkgejma. *INTEREKSPLO GEO-SIBIR'* (Sibirskij gosudarstvennyj universitet geosistem i tekhnologij (Novosibirsk)), 2015. Vol. 6. No. 1. Pp. 27–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?>
7. Svent M. Samye dorogie brendy mira 2020 goda po versii Forbes. *Forbs*, 29.07.2020. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/405947-samye-dorogie-brendy-mira-2020-goda-po-versii-forbes>.
8. Chekalin Yu. Interv'yu s Noamom Homskim. *Fitzroy*, 01.05.2020. Available at: <https://fitzroymag.com/mir/intervju-s-noamom-homskim/>.
9. Forbes nazval top-100 samyh dorogih brendov 2018 goda. *CoSSA*, 24.05.2018. Available at: <https://www.cossa.ru/news/203464/>.
10. Fukuyama F. The Thing That Determines a Country's Resistance to the Coronavirus. *The Atlantic*, 30 March 2020. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/03/thing-determines-how-well-countries-respond-coronavirus/609025/>.
11. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, 1987. Vol. 2.
12. John O., Donahue E. M., Kentle R. L. The Big Five Inventory – versions 4a and 54. Berkeley, University of California at Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.

13. Krogerus M., Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt. Brexit Trump Le Pen Die unheimliche Macht der Firma Cambridge Analytica. *Das Magazin*, Dezember 2016. Vol. 48. No 3. Available at: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/>.

14. Marx K. Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Hamburg, Otto Meissner Verlag, 1867.

15. Murad A. Facebook understands you better than your spouse. *The Financial Times*, 12.01.2015. Available at: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/3dfa397c-9a73-11e4-8426-00144feabdc0.html#axzz3P49GKHnj>.

16. URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/15/psihometriya/>.

Author's Bio

ATANASOV Plamen, PhD in Public Communications and Information Sciences (Journalism – Crisis Public Relations), Sofia University «St. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria.

E-mail: atanasovp@abv.bg

Библиографическая ссылка

Атанасов П. Микротаргетирование коммуникации и атомизация общества // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 9–18. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.9

УДК 168.51: 004

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.19

НА ПУТИ К СИЛЬНОМУ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Э. Войцехович¹, И. Н. Вольнов², Г. Г. Малинецкий³

¹Тверской государственный университет, Тверь (Россия)

²Московский политехнический университет, Москва (Россия)

³Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, Москва (Россия)

Введение. В статье исследуются философские и социальные проблемы, возникающие вследствие развития искусственного интеллекта (ИИ). Рассматриваются возможные пути превращения современного слабого ИИ в сильный, сравнимый с человеком по творческим способностям, и проблемы свободы, доверия, отчуждения.

Методы. Используются общенаучные методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, интерпретация и формализация, аналогия, а также философские методы теории познания И. Канта и Г. Гегеля, в особенности диалектика содержания и формы, дискретного и непрерывного и другие.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развитие теории и практики ИИ ставит вопросы о сущности сознания, разума, рассудка, интеллекта, о влиянии техники (в особенности ИИ) на сущность человека. Задача развития современного слабого ИИ до будущего сильного ИИ ставит вопросы о преимуществах и недостатках, о сильных и слабых сторонах человеческого и искусственного интеллектов, о трудностях, которые необходимо преодолеть на пути к сильному ИИ. Закономерно возникают вопросы о свободе, доверии, отчуждении при взаимодействии человека и ИИ. Наибольшая трудность: как сделать ИИ понятным и антропоцентричным, дружелюбным к человеку и обществу?

Заключение. Главная проблема, возникающая при построении сильного ИИ, как нечеловеческое преобразовать в человеческое? Для создания сильного ИИ необходимо: организовать самостоятельное существование и эволюцию ИИ; сформировать источники случайности в субстанциональной основе ИИ; использовать теорию самоорганизации, математику и логику «мобильных» понятий в разработке теории ИИ; построить модели высших духовных ценностей человеческой культуры (истина, добро, красота, любовь...) и использовать их в функционировании ИИ.

Ключевые слова: субъект; интеллект; естественный интеллект; искусственный интеллект; алгоритм; свобода; доверие; отчуждение.

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) оказался в фокусе внимания всей современной науки и цивилизации. Ряд сложных и запутанных задач в математике, физике, биологии, медицине удалось разрешить с помощью ИИ. Экономика, управление, социальная жизнь, оборонные вопросы нуждаются в помощи ИИ. Дальнейшее развитие homo sapiens и цивилизации немыслимо без него. В то же время возникли трудности и даже риски при практическом использовании компьютерных программ с элементами «разума» в социальной жизни. Ещё более опасные противоречия между обществом и ИИ прогнозируют в будущем. Поэтому

му актуальной **задачей** современного познания является понимание социально-философских оснований и следствий развития ИИ. Базис проблемы составляют понятия сознания, разума, интеллекта, техники, информации и их использования в жизни человека и социума. **Цель статьи** – сформулировать главные философско-социальные проблемы теории ИИ.

Методы. Для достижения цели использованы общенаучные методы, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез, интерпретация и формализация, аналогия, а также философские методы теории познания И. Канта и Г. Гегеля, в особенности приёмы диалектики покоя и движения, содержания и формы, дискретного и непрерывного, меры, определённого и неопределённого, хаоса и порядка и другие. Применяются учение о поставе М. Хайдеггера, нелогические способы познания (интуитивное озарение, комбинирование, гармония, красота и им подобные).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Сознание. Источник искусственного – человек, точнее, его сознание. Существует множество разных определений сознания, иногда прямо противоположных. Обычно под сознанием понимают отражение внешнего мира (в том числе тела) в психике человека, т. е. образ внешнего мира во внутреннем [8]. Однако известны контраргументы, заставляющие сомневаться в правильности такого понимания.

1. Аргумент от виртуалистики. Сознание человека влияет на восприятие внешнего мира, т. е. внутренний мир влияет на понимание внешнего. Христианин смотрит на Луну и видит что-то похожее на зайца. Мусульманин видит профиль пророка Магомета. Знания и ценности человека существенным образом трансформируют чувственную информацию и образы внешнего мира, из-за чего понимание внешних событий у разных людей разное, а иногда прямо противоположное. Первым это объяснил И. Кант в учении о «вещи-в-себе» и «вещи-для-нас». Поэтому и внешнее влияет на внутреннее, и наоборот, или оба влияют друг на друга.

2. Аргумент от логики. Структура классического определения (согласно Аристотелю): выражение вида через род, т. е. «погружение» определяемого понятия (вида) в более общее понятие (род). Все остальные «определения» – это квазиопределения. Они являются метафорами – метафорами, интерпретациями, характеристиками и не более. Они частично выражают отдельные свойства определяемого, но обычно не главные. Наиболее общие понятия (категории) нельзя определить. Можно лишь охарактеризовать их, дать метафору. Например, сознание в гносеологии – категория, самое общее понятие, поэтому иногда говорят: «Сознание – это всё». В таком случае «сознание – бытие», а это неверно (по крайней мере для представителей классической онтологии).

3. Аргумент от будущего. Если бы удалось открыть более общее понятие (образ), чем «сознание», например, «сверхсознание», тогда можно определить сознание как частный случай сверхсознания. Именно таким образом рассуждал И. Г. Фихте, вводя лестницу: «Я» – «сверх-Я» – «сверхсверх-Я»... В психологии упрощённый вариант учения Фихте ввёл З. Фрейд, разделивший психику на 3 уровня: подсознание – сознание – сверхсознание.

4. Аргумент от нового. Главные свойства сознания – свобода и творчество. Именно творчество, основанное на воображении и фантазии, и есть создание нового – того, что ранее не было известно субъекту. Человек способен создать то, чего нет во внешнем мире, природе. Поэтому сознание имеет внеприродные основания. Отсюда, в частности, следует: сущность искусства вне естественного.

Таким образом, сознание невозможно определить через сознание. Но возможно предложить метафору: сознание есть свойство духа человека (и существ, сходных с ним). Главные свойства сознания: 1) понимание «*Я есть*»; 2) *рефлексия* – способность отражения внешнего мира (того, что вне существа) и создания внутреннего мира, относительно независимого от внешнего; 3) осознание собственной *свободы* – способности актуализировать потенции, переводить их из возможного в действительное; 4) умение *творить*, создавать новое – то, что ранее не было известно существу, отсутствовало в его внутреннем мире.

Разум. Принято понимать под разумом «высший тип мыслительной деятельности», которому доступно постижение абсолютного (божественного, бесконечного). Согласно Г. Гегелю, мышление, достигая стадии разума, способно на творчество, т. е. оно становится свободной, не ограниченной ничем деятельностью духа [1].

Рассудок. Согласно философской традиции, разуму противопоставляется понятие рассудка. Он способен постигать лишь относительное (природное, конечное, логическое).

Интеллект. Интеллект (И), в свою очередь, является современным образом рассудка. Известны различные определения интеллекта. Предложу ещё одно: *способность субъекта, актора решать рациональными методами широкий класс задач, относящийся к жизнедеятельности субъекта*. Вблизи ИИ, в его поле близких понятий попадают рассудок, математика, логика, форма, мыслеформа.

В XX в. введено 2 вида интеллекта: естественный (ЕИ) и искусственный (ИИ). ЕИ – интеллект (рассудок) человека и группы людей. ИИ – интеллект машины (технического устройства).

Интеллектом обладают субъект, т. е. человек (группа людей), развитое животное, а теперь и компьютер. Последнему приписывают способность как бы мыслить, решать задачи, особенно начиная с Алана Тьюринга, с 1950-х годов XX века. Это и называют искусственным интеллектом (ИИ).

При сравнении ЕИ и ИИ бросаются в глаза отличия.

Преимущества ИИ:

- 1) по скорости переработки информации в битах – в миллионы раз;
- 2) по объёму – так же;
- 3) по длительности работы по решению задачи;
- 4) по алгоритмам, которые по эффективности в некоторых областях далеко превосходят возможности человека;
- 5) стабильность работы ИИ, лишённого «шума», характерного для людей;
- 6) умение ИИ находить скрытые закономерности в больших данных (чего лишён человек);
- 7) сложность научных, социальных, технических систем столь высока, что с ними справляется (частично) только ИИ [2].

Преимущества ЕИ:

- 1) свобода – актуализация потенций, или развитие новых способностей, скрытых в человеке, способность к саморазвитию, как бы «вытаскиванию себя из любого болота» подобно Мюнхгаузену – без всякой внешней помощи;
- 2) творчество, т. е. воображение и фантазия, создание НОВЫХ мыслеформ, которые были ранее неизвестны данному субъекту;
- 3) способность к парадоксам – выходу на границы рассудка (матрицу мышления), выход за которые осуществляет разум (ещё более высокая ступень мышления).

Современный ИИ не обладает подобными свойствами, т. к. ограничен алгоритмом, заданным человеком. ИИ напоминает аутиста, замкнутого на собственном внутреннем мире. Поэтому говорить: «ИИ победил человека» (в шахматы, го...), – некорректно. Правильнее говорить: «Группа программистов с помощью компьютера (ИИ) победила чемпиона мира». В конечном итоге один человек (или группа) победил другого.

Типы и уровни ИИ. Научное сообщество ввело три типа ИИ: слабый, сильный, сверхсильный.

Современный уровень ИИ называют *слабым*. Его специфика – совокупность алгоритмов, перерабатывающих одну информацию в другую.

Предполагают, что появится *сильный ИИ*, *сравнимый с человеком* по творчеству, фантазии, классу решаемых задач.

Предполагают, что *сверхсильный ИИ* принципиально сильнее ЕИ во всех областях. Он напоминает СВЕРХРАЗУМ – образ и понятие, аналоги которого встречаются в мифологии, теологии, философских учениях Г. Фихте, Г. Гегеля, Ф. Ницше, В. С. Соловьёва.

Сильный ИИ. Главный вопрос сегодня: можно ли построить сильный ИИ? И если «да», то как? Если он будет создан, то может возникнуть новый интеллекту-

альный биовид (не обязательно разумный). При сравнении сильного ИИ с человеческим интеллектом (ЕИ) возникает вопрос о свободе.

Интеллект без свободы? Возможен ли интеллект без свободы? Ведь человек обладает и свободой, и рассудком (ЕИ). Обязательна ли свобода для ЛЮБОГО интеллекта? На наш взгляд, не обязательна.

Возможны два типа интеллекта (рассудка): 1) обладающий свободой; 2) не обладающий свободой.

Предположим, слабый ИИ способен дорасти до сильного ИИ (СиИИ). Однако если СиИИ будет сводиться к алгоритму, он останется зависимым от человека и не обретёт свободу. Тогда его интеллект не дорастет до разума, до понимания бесконечности, совести, красоты, любви. Если же СиИИ обретёт самостоятельность, пройдет через множество мутаций, то сможет обрести свободу и в последующем дорасти до разума и духовной жизни.

Поэтому можно предположить, что возможны существа с интеллектом двух разных типов: 1) с интеллектом, нацеленным на жизнь тела; 2) с интеллектом, нацеленным на жизнь духа. Тело подчинено законам природы. Дух свободен.

Аналоги этих двух типов интеллекта существуют даже на Земле. Для части народов ЦЕЛЬ жизни – тело. Они недооценивают роль духа, эволюционируют к киборгам (роботам с ИИ). Их «Рай» – жизнь в матрице, «золотой клетке», жизнь в запрограммированном состоянии, в котором удовлетворяются все инстинкты тела. Их общество подчинено закону (внешнему ограничению деятельности индивида). Благодаря закону свобода становится иллюзией и превращается в рабство.

Другие народы не отказываются от бремени свободы. Их главные, высшие цели – духовные (истина, добро, красота, любовь, Бог). Их «Рай» – «парение свободного духа», восходящего к Высшему (Брахме, Богу, Аллаху, Дао). Духовный Рай невозможен в телесной жизни. У таких народов тело становится УСЛОВИЕМ для развития духа. Социальная жизнь такого народа подчинена не столько закону, сколько духовному счастью. Свобода означает реализацию любых ВЫСШИХ возможностей.

Митрополит Иларион в XI в. выразил ту же мысль о народах двух типов – народах закона и народах благодати. Западные народы почитают закон. Русский народ относится к народам благодати [3].

Возможен ли сильный ИИ со свободой? Известны минимум три разных определения свободы: 1) популярное – ничем не ограниченный выбор субъекта (человека); 2) кантовское – познанная необходимость; 3) гегелевское – актуализация потенций. Последнее – наиболее глубокое определение свободы, более общее, чем у И. Канта, дал Г. Гегель: «Свобода – есть реализация возможностей». На это определение опирался и К. Маркс в своей модели наилучшего социума.

Мир потенциалов, мир возможного более разнообразен, чем все известные нам миры. Он связан с понятиями хаоса, порядка, неопределённости, информации. Если действия субъекта при движении к цели моделировать порядковой структурой, то открывается бесконечный мир возможных уровней.

Есть уровень потенциалов 1-го порядка, когда субъект актуализирует какую-то способность за один шаг (одну порцию, один квант энергии). Ему соответствует хаос 1-го порядка (множество неупорядоченных «вещей»). Если потратить ещё одну порцию энергии, то открывается следующий уровень – уровень потенциалов 2-го порядка, которому соответствует хаос 2-го порядка (ещё более богатый, чем хаос 1-го порядка) и т. д.

Отсюда вопрос: что есть информация в сущности? Если традиционно сводить её к уменьшению степени неопределённости при решении задачи, тогда субъект вводит различие в среде, что и выражает понятие бита (0,1) – единицы информации. Это «мир дискретной информации». Его дополняет «мир континуальной, непрерывной информации».

Основатель кибернетики Н. Винер понимал информацию в обоих смыслах, К. Шеннон – только в дискретном, инженерном смысле. Шеннон и признан «отцом информационной эпохи». Отсюда необходимость обобщения понятия информации (в частности, установления её связи с энергией, которую понимают и в непрерывном (в классической физике), и в дискретном смысле (в квантовой теории)). Аналогом подобных объектов является микромир, раскрываемый на основе квантовой теории и теории элементарных частиц, где появляются частица-волна, хаос, объективная случайность и т. п. Если принять данную схему, то для возникновения свободы у развивающегося ИИ необходимо дать ИИ новую субстанциональную основу – субстанцию, дающую возможность самоорганизации и самоусложнения.

Субстанция ИИ. Жизнь на нашей планете – это органические молекулы, возникающие на основе атомов Н, N, С, О... Геномы (у человека ДНК и РНК) прямо связаны с микромиром как источником хаоса и потенциалов. Отсюда органическая жизнь и её успешное развитие на нашей планете.

Научным сообществом признана возможность и иных вариантов жизни (как усложняющихся структур) на основе других химических элементов, а также плазмы, элементарных частиц (нейтронов, фотонов...) и т. п. Эту мысль многократно высказывали выдающиеся учёные А. Н. Колмогоров, Дж. А. Уилер и другие.

Атомарная основа (субстанция) слабого ИИ не даёт возможности подключения к внешнему миру. Современные компьютеры основаны на работе кремниевых чипов. Разрабатываются новые варианты: квантовые компьютеры, оперирующие кубитами, а также компьютеры, базирующиеся на достижениях молекулярной

биологии. Однако все три направления имеют существенный недостаток: их математика традиционна, оперирует неподвижными понятиями, не допускающими «движущихся», мобильных понятий-образов. Движение и развитие, качественные скачки, тем более хаос, случайность, эволюция плохо моделируются.

Нами выдвинута гипотеза о возможности рационализма на основе мобильных понятий (подобно тому, как мыслят, переживают в искусстве). Тогда должны существовать математика движения и развития, а также соответствующая логика, в которой обобщается закон тождества [4]. ИИ, использующий новую математику (математику движения) будет способен к эволюции.

Доверие. Возникают вопросы: 1. Всегда ли ИИ, действующий самостоятельно, примет ПРАВИЛЬНОЕ решение? 2. Всегда ли ИИ поможет человеку принять ПРАВИЛЬНОЕ решение?

На первый вопрос ответ уже получен: НЕТ. Известны случаи, когда автомобиль, ведомый ИИ, убил человека. Но гораздо ужаснее то, что ИИ может спровоцировать начало Третьей мировой войны (МВ).

Уже в 1970-е годы (во время холодной войны) происходили инциденты, когда в СССР и США оборонные комплексы ошибочно принимали природные явления за массовые запуски стратегических ракет в направлении своих стран. Только дежурный офицер, руководствуясь здравым смыслом, в последнюю секунду предотвращал ответный запуск, при этом нарушая инструкцию.

Даже сегодня, через полстолетия, положение в принципе не изменилось. ИИ может ОШИБОЧНО передать лицам, принимающим решение (ЛПР), сообщение о массовом запуске ракет и этим начать Третью мировую войну. Как сообщалось об этом в российских СМИ, в России такими ЛПР являются Президент РФ, Министр обороны, начальник Генштаба. Только одновременное нажатие трёх «красных» кнопок даёт сигнал об ответной атаке. Аналогичное положение в США.

И на второй вопрос ответ получен: НЕТ. Известно, что при моделировании и прогнозировании политических, экономических, финансовых, военных процессов ЛПР используют рекомендации, которые дают ИИ. Практика показывает, что такие рекомендации бывают ошибочными.

Так, ряд известных финансистов пришёл к выводу о том, что финансовый кризис 2008 г. и последующие потрясения были вызваны тем, что ЛПР ключевых корпораций получали советы вице-президентов по прогнозам. Они следовали советам экспертов, которые давали рекомендации согласно выводам, полученным от цифровых систем. По мнению академика А. Семёнова, «машина на основании непонятно чего при помощи непонятных конечному потребителю алгоритмов давала прогноз, и человек действовал уже на основании этих прогнозов. После чего пошла цепочка неверных решений. Получилось, что люди, принимавшие реше-

ния, не понимали, на основании чего они эти решения принимали». Сегодня, через 14 лет, положение ещё больше усложнилось.

Огромное количество решений принимается на основании «Больших данных» (BigData). Это очень неустойчивая вещь, т. к. из практики известно, что иногда заключения, сделанные ИИ, бывают неправильными. Действительно, в BigData может быть загружена неточная или неверная информация (например, вредоносная). В результате корпорации примут неверные решения, от которых многое зависит в жизни человечества [5].

Отчуждение. Как видим, усложняющаяся техника (в особенности ИИ) становится всё более независимой от человека, от ЛПР. Риск от «самостоятельной» техники начинает превышать пользу для общества, прежде всего в глобальных проблемах [6]. Процесс отчуждения осознан ещё два столетия назад Г. Гегелем, затем К. Марксом и является закономерным следствием диалектичности развития (диалектики взаимопревращения формы и содержания).

Техника и цивилизация становятся всё более «противными» для нормального человека, искажают его сущность. Это показал ещё М. Хайдеггер, выдвинув понятие «постав». В нём немецкий мыслитель выразил явление постепенного, незаметного проникновения техники в жизнь человека и общества (особенно с эпохи Возрождения) и подмены «человеческого нечеловеческим» [7].

Отсюда важнейшая философская проблема: как нечеловеческое очеловечить? Как «чужое» сделать своим? Поэтому вполне закономерным явлением в XX-XXI вв. стало широкое распространение в массовом сознании всевозможных страхов о «тайном мировом правительстве», «вторжении инопланетных зловредов», «рептилоидах» и т. п.

Практические следствия использования ИИ в ближайшие годы.

Социологи полагают, что *в ближайшие 10 – 20 лет исчезнут или будут потеснены целые группы распространённых профессий*, подразумевающих простые действия: продавцы, водители, уборщики, пекари, бухгалтеры, изготовители простых вещей, проститутки, вообще работники сексуальной сферы, а в дальнейшем – судьи (прежде всего мировые), солдаты, политики, полицейские, частично врачи, преподаватели, даже учёные. В Германии, Англии уже практически и успешно опробованы магазины без продавцов. А что делать в Европе с малообразованными переселенцами из стран Азии и Африки?

Тяжелейшая социально-политическая проблема: чем занять десятки миллионов людей со средним образованием, потерявших работу, вытесненных машинами – роботами с ИИ? Ведь уже сегодня при капитализме (обществе с рыночной экономикой) значительная часть взрослых людей не нужна. Например, в Испании по официальным данным 1/4 мужчин – безработные. (А в реальности, по нашим

представлениям, в районе 1/3.) Такие нации постепенно исчезают. Во всех странах, развитых, с научно-технической точки зрения, проблема ещё тяжелее.

Проблема действительно трудная, т. к. в ней действует *положительная обратная связь*: чем большую роль обретает ИИ в жизни молодёжи, тем быстрее молодые становятся похожими на ИИ – *теряют свободу и фантазию*. Это заметно на младшеклассниках. Дети с 3-4 лет затормаживаются в развитии. Нужно бегать, прыгать, делать что-то руками, чтобы мозг рос, развивались воля, упорство, а они получают готовые картинки и видео, не хотят фантазировать. Всё больше инфантов, невротиков, аутистов, психопатов.

Из-за физической неподвижности молодые и взрослые люди теряют детородные функции. 20 % мужчин-датчан не могут иметь детей естественным способом. Остаются искусственные методы, эко, генетическая инженерия... Через пару столетий Дании не будет.

Столетиями, особенно в XXI в., действует тенденция, отмеченная М. Хайдеггером: техника незаметно меняет сущность человека, люди сливаются с машинами. Правильно ли это? Уже сегодня человек-водитель, сев за руль, становится похожим на автомобиль, упрощается. Женщина за рулём похожа и на мужчину, и на машину.

Тренды.

1. Рост непредсказуемости. Человечество вошло в период преобразований, последствия которых очень трудно прогнозировать. Научные открытия, технo-наука и в особенности ИИ перестраивают тело человека, интеллект, привычки, традиции, семью, мораль, религию, заставляют человека сближаться с машиной [8].

2. Общая тенденция: ИИ теснит ЕИ.

3. Возникает новая социальная система – *цифровой тоталитаризм*. В США, Англии, Германии, Китае, Японии он уже работает практически. Например, в Китае действуют 100 миллионов камер, привязанных к компьютерам. Экономически цифровой тоталитаризм очень выгоден. Под него подстраиваются инфраструктура, юридическая и политическая системы, силовые структуры (армия, полиция, секретные службы), культура в целом.

4. Виртуально-цифровая реальность в сознании многих людей теснит физическую, базисную. Дети и молодые люди начинают путать виртуальную и реальную (физическую) жизнь.

5. Органическая эволюция на Земле становится неорганической [8]. Биофилия сменяется биофобией.

Люди не главные. На Западе всё шире распространяется мнение специалистов о том, что лет через 200–300 *люди не будут главными* в обществе. Чем

пугали нас фантасты, становится практикой в XXI в. ИИ лишён морали и не задумывается о совести, любви, смысле жизни. Эффективные алгоритмы даже слабого ИИ делают человека и его идеалы ненужными.

Заключение. Для решения проблемы построения сильного ИИ необходимо:

- организовать самостоятельное существование и развитие ИИ;
- разрабатывать ИИ на основе субстанции, дающей возможность прямой связи с микромиром как источником хаоса, случайности, потенциальных форм;
- нацелить вектор совершенствования ИИ в направлении к «дружественному» ИИ, который подчинён человекомерным ограничениям;
- использовать идеи и наработки теории самоорганизации, поскольку понятия (самоорганизация – усложнение – хаос – случайность – порядок – развитие – эволюция (естественная и искусственная)) выступают единым «кластером», в котором понятия взаимосвязаны. Это видно из диалектики Г. Гегеля, теории биологической эволюции, синергетики, кибернетики и теории информации. Аналоги этих понятий присутствуют во всех пяти направлениях;
- разрабатывать математику «движущихся» понятий, способную моделировать движение и развитие систем [4];
- создать математические модели высших человеческих ценностей (добро и совесть – в этическом смысле, красота и гармония – в эстетическом и даже любовь, Абсолют), которые были бы «понятны» в той или иной степени сильному ИИ. С XX в. ведутся успешные исследования в области формализации этических и эстетических категорий. Например, разработки советско-американского учёного В. А. Лефевра используются в практике [9];
- обеспечить работу ИИ на основе моделей высших человеческих ценностей.

Труднейшими фундаментальными проблемами, поставленными теорией и практикой ИИ, стали проблемы свободы, творчества, доверия, отчуждения, «нечеловеческого» в работе ИИ. Их осознание и разрешение научно-философским сообществом позволит выйти человечеству на следующую ветвь эволюции.

Список литературы

1. Швырев В. С. Разум // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук. Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. М.: Мысль, 2000-2001. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%A3%D0%9C.

2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Онтологии и риски цифрового техноуклада... // Сложность. Разум. Постнеклассика. Курск: Университетская книга. 2019. № 2. С. 51–60.
3. Слово о законе и благодати митрополита Илариона / Подготовка текста и комментарии Молдована А. М., перевод диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Лихачева Д. С., Дмитриева Л. А., Алексеева А. А., Поньрко Н. В. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI – XII века. С. 26–61.
4. Красота и гармония в цифровую эпоху: математика – искусство – искусственный интеллект. Будущее и гуманитарная революция / Малинецкий Г. Г., Войцехович В. Э., Вольнов И.Н., Колесников А. В., Скиба И. Р., Сороко Э. М. М.: ЛЕНАНД, 2021. 240 с.
5. Семёнов А. Взгляды Германа Грефа заставляют нас задуматься о происходящем // Аргументы недели. 2021. № 50 (794). URL: https://argumenti.ru/society/2021/12/752118?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.
6. Шалаев В. П., Хохлова А. П. Теория отчуждения К. Маркса в зеркале общественных процессов современности // Socio Time / Социальное время. 2019. № 1. URL: [https:// www.volgatech.net/sociotime/](https://www.volgatech.net/sociotime/).
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–237. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike.
8. Kanheman D., Narari Y. N. Глобальные тренды перекраивают человечество. Интервью. 10.04.2021. URL: https://zen.yandex.ru/media/the_world_is_not_easy/let-cherez-100-glavnymi-na-zemle-budut-uje-ne-liudi-60784e80bd1a1022c5ca339a?&utm_campaign=dbr.
9. Лефевр В. А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.

Авторская справка

ВОЙЦЕХОВИЧ Вячеслав Эмеринович, доктор философских наук, профессор, Тверской государственный университет, Тверь, Россия.

E-mail: synerman@gmail.com

ВОЛЬНОВ Илья Николаевич, кандидат технических наук, доцент, Московский политехнический университет, Москва, Россия.

E-mail: iLja-volnov@yandex.ru

МАЛИНЕЦКИЙ Георгий Геннадьевич, доктор физико-математических наук, профессор, Институт прикладной математики РАН, Москва, Россия.

E-mail: GMalin@keldysh.ru

UDC 168.51: 004

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.19

ON THE WAY TO A STRONG AI: SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEMS

V. E. Voitsekhovich¹, I. N. Volnov², G. G. Malinetsky³

¹*Tver State University, Tver (Russia)*

²*Moscow Polytechnic University, Moscow (Russia)*

³*Applied Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)*

Introduction. The article explores the philosophical and social problems arising from the development of artificial intellect (AI). The possible ways of turning a modern weak AI into a strong one, comparable to a human in creative abilities, and the problems of freedom, trust, alienation are considered.

Methods. General scientific methods are used: induction and deduction, analysis and synthesis, interpretation and formalization, analogy, as well as philosophical methods of the theory of cognition by I. Kant and G. Hegel, especially the dialectic of content and form, discrete and continuous, and others.

Results. The development of the theory and practice of AI raises questions about the essence of consciousness, mind, reason, intellect, about the influence of technology (especially AI) on the essence of man. The task of developing a modern weak AI to a future strong AI raises questions about the advantages and disadvantages, about the strengths and weaknesses of human and artificial intellect, about the difficulties that must be overcome on the way to a strong AI. Naturally, questions arise about freedom, trust, alienation in the interaction of humans and AI. The greatest difficulty: how to make AI understandable and anthropocentric, friendly to humans and society?

Conclusions. The main problem that arises when building a strong AI: how to transform the inhuman into human? To create a strong AI, it is necessary to: organize the independent existence and evolution of AI, create sources of randomness in the substantial basis of AI, use the theory of self-organization, mathematics and logic of "mobile" concepts in the development of AI theory, create models of the highest spiritual values of human culture (truth, goodness, beauty, love ...) and use them in the functioning of AI.

Key words: subject; intellect; natural intellect; artificial intellect; algorithm; freedom; trust; alienation.

References

1. Shvyrev V. S. [et al.]. Razum [Mind]: Novaia filosofskaya ensiklopediya [New Philosophical Encyclopedia] in 4 volumes. Moscow: Mysl. 2000-2001. (In Russian). URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%A3%D0%9C.
2. Arshinov V. I., Budanov V. G. Ontologies and risks of digital technoclass... Complexity. The mind. Postnonclassics. Kursk: University Book. 2019. No. 2. Pp. 51–60. (In Russian).
3. A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion. Text preparation and comments by Moldovan A. M., translated by Deacon Andrey Yurchenko. *Library of Literature of Ancient Russia*. Saint Petersburg: Nauka, 1997. Vol. 1: XI-XII centuries. Pp. 26–61. (In Russian).
4. Malinetsky G. G., Voitsekhovich V. E., Volnov I. N., Kolesnikov A. V., Skiba I. R., Soroko E. M. Beauty and harmony in the Digital Age: Mathematics – Art – Artificial Intelligence. The future and the humanitarian revolution. Moscow: LENAND, 2021. 240 p. (In Russian).

5. Semenov A. The views of Herman Gref make us think about what is happening. *Arguments of the week*. 2021. No. 50 (794). (In Russian). Available at: https://argumenti.ru/society/2021/12/752118?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.

6. Shalaev V. P., Khokhlova A. P. K. Marx's theory of alienation in the mirror of social processes of modernity. *Socio Time / Social time*. 2019. No. 1. Available at: <https://www.volgatech.net/sociotime/>. (In Russian).

7. Heidegger M. The question of technology. *Time and being*. Moscow: Republic, 1993. Pp. 221–237. (In Russian). Available at: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike.

8. Kanheman D., Harari Y. N. Global trends reshape humanity. Interview. 10.04.2021. (In Russian). Available at: https://zen.yandex.ru/media/the_world_is_not_easy/let-cherez-100-glavnymi-na-zemle-budut-uje-ne-liudi-60784e80bd1a1022c5ca339a?&utm_campaign=dbr.

9. Lefevre V. A. Algebra of conscience. Moscow: Kogito-Center, 2003. 426 p. (In Russian).

Author's Bio

VOITSEKHOVICH Viacheslav Emerikovich, Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University, Tver, Russia.

E-mail: synerman@gmail.com

VOLNOV Ilia Nikolaevich, Candidat of Technical Sciences, Docent, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia

E-mail: iLja-volnov@yandex.ru

MALINETSKY Georgiy Gennadievich, Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor, Applied Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: GMalin@keldysh.ru

Библиографическая ссылка

Войцехович В. Э., Вольнов И. Н., Малинецкий Г. Г. На пути к сильному искусственному интеллекту: социально-философские проблемы // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 1 (29). С. 19 – 30. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.19

УДК 173.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.32

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «СО-БЫТИЕ» В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ

Г. Ф. Закирова

Казанский государственный энергетический университет, Казань (Россия)

Введение. Статья посвящена вопросу о месте гендерной проблематики в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера. Поскольку данный аспект исследования наследия Хайдеггера мало изучен в научной литературе, и гендерная проблематика в современной западной философии сегодня крайне востребована, тематика статьи представляется актуальной для исследования. Целью работы является обнаружение лакун в трактовке падающего в повседневность присутствия в работе «Бытие и время».

Методы. Используемые автором методы исследования включают в себя сравнительный анализ и синтез различных подходов к изучению экзистенциальной проблематики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Несмотря на то, что её автор сознательно дистанцировался от подробного исследования позитивных модусов бытия-в-мире, сосредоточив внимание на дефективном, т. е. повседневном измерении экзистенциала со-бытия, некоторые аспекты аналитики со-бытия свидетельствуют о том, что среди модусов позитивной заботливости, сближающих, а не дистанцирующих людей друг от друга, ведущее положение занимает любовь между мужчиной и женщиной. Феномен вчувствования, о котором говорит М. Хайдеггер, указывает на эмоциональное сближение между людьми, в наиболее полной мере репрезентированное интимным чувством. Любовь находится в сердце бытия и в этом отношении представляет собой позитивный способ не просто ухода от экзистенциального одиночества, но его преодоления в бытии-в-мире, поскольку со-бытие конститутивно для самого бытия. Любовь как форма вчувствования или эмпатии указывает не на обезличенное повседневное бытие-с-другими, но на персональное бытие-с-другим, репрезентирующим в своей уникальности всех других и вырывающим любящего из состояния повседневной спячки в обновлённое неповседневное измерение бытия-в-мире, меняющее траекторию жизни в атмосфере новых смыслов.

Заключение. Полученные результаты способствуют осмыслению современного состояния межличностных отношений, поиску путей оптимизации взаимоотношений мужчины и женщины и выхода из кризиса постсемейных отношений в современном мире.

Ключевые слова: бытие; со-бытие; бытие-в-мире; мужчина; женщина; экзистенция; секс; любовь; семья.

Введение. Гендерные исследования в современной философии, социологии, культурологии весьма востребованы на фоне происходящих в западном обществе преобразований, серьёзно изменивших положение женщины и мужчины. Приобретённая женщиной экономическая независимость от мужчины и правовое выравнивание, произошедшие за последние 100 лет, требуют переосмысления их положения относительно друг друга, что невозможно осуществить без попыток заглянуть в основание их взаимоотношений, укоренённых в самой природе человеческого существования. В этой связи данное исследование посвящено вопросу о месте гендерной проблематики в онтологических исследованиях М. Хайдеггера.

Онтологический взгляд на гендерную проблематику, на наш взгляд, не может обойти стороной экзистенциальную аналитику в той мере, в какой в ней высвечивается со-бытие внутримирного бытия человека. **Целью работы** является высвечивание гендерного потенциала одного из ключевых экзистенциалов – со-бытия. **Задачи исследования** – прояснение соотношения категорий бытия и со-бытия; анализ повседневности и неповседневности как модусов бытия-в-мире; обоснование феномена любви как неповседневного измерения бытия-в-мире, укоренённого в экзистенциальном переживании Dasein; обоснование феномена любви как наиболее значимого модуса совместного бытия после родового бытия человека.

Автор опирается главным образом на исследование категории «бытие-в-мире» и её экзистенциалов М. Хайдеггера, аналитику категории «со-бытие» Ж. -Л. Нанси, в том числе в области взаимоотношения полов, работы Э. Фромма в области искусства любви и её роли в утверждении собственного бытия человека.

Методы. В статье использован метод сравнительного анализа при изучении различных подходов к исследованию феномена со-бытия в работах М. Хайдеггера и Ж. -Л. Нанси, в результате чего было выявлено различие трактовок статуса со-бытия. Также автор задействовала логический метод синтеза при инкорпорировании проблематики любви в философии Э. Фромма в экзистенциальную аналитику М. Хайдеггера. В результате было сконструировано понятие неповседневного со-бытия полов, содержанием которого является взаимное чувство любви. Исследование состоит из трёх смысловых блоков: оно начато с экспозиции вопроса о со-бытии в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера, затем привлечена трактовка со-бытия как фундаментального измерения присутствия в работах французского философа Ж. -Л. Нанси, завершением исследования послужил анализ любви как фундаментального способа быть на основе исследований Э. Фромма.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

М. Хайдеггер, вероятно, первым подверг серьёзному философскому исследованию феномен со-бытия как одного из конститутивов бытия-в-мире. Однако необходимо иметь в виду, что он не склонен ставить знак равенства между Я присутствия и его самостью: если первое определяет бытие человека на онтическом уровне, то второе – на онтологическом. Вместе с тем Я, как справедливо замечает М. Хайдеггер, не может быть дано без других людей [1, с. 116]. Но то, что он предлагает в качестве со-бытия, как кажется, далеко от гендерного вопроса – таковой, строго говоря, в «Бытии и времени», главном труде начального периода, вообще не рассматривается.

Событие М. Хайдеггер рассматривает главным образом в контексте повседневности – при описании подручности вещей и множества связей, в которые вступают люди в бытии-в-мире. Так, ремесленник находится в событии с «совстречными» потребителями своих изделий, а «заякоренная лодка на мели указывает в своём по-себе-бытии на знакомого, который на ней предприни-

мает свои ходки» [1, с. 116]. И хотя со-бытие конституирует бытие-в-мире, и последнее всегда есть совместное, очевидно, что здесь речь идёт о соприсутствии, в котором связи между людьми носят повседневный и потому довольно случайный характер: другие участвуют в бытии Я, но последнее не предполагает каких-либо сущностных связей между людьми. Те, кто мне внутримирно встречаемы, взаимозаменяемы, могут так и не встретиться на моём пути. Человек вообще может не стать ремесленником, а лодка может в этот день оказаться в море.

На наш взгляд, опора на повседневность не позволяет раскрыть подлинное со-бытие людей, поскольку связка между бытийствующими субъектами здесь носит лишь внешний (хранящий дистанцию) характер. А. С. Гурьянов применительно к феномену повседневного обращения стремится расширить пространство бытия-в-мире, выявить в нём неповседневное измерение, что, по мысли автора, должно раскрыть в бытии-в-мире альтернативу падающему присутствию, и таковая применительно к изготовлению подручных средств репрезентирована творчеством мастера. В связи с этим он пишет: «Порок хайдеггеровской интерпретации мирности присутствия заключается в самом принципиальном для него месте, а именно опоре на повседневность: выход из несобственного бытия он видит в отвлечении от бытия-в-мире и обращении к экзистенциальному бытию-к-смерти, что нам представляется «чрезмерной» мерой» [2].

Хайдеггер не придаёт феномену со-бытия должного значения, в связи с чем аналитика со-бытия, по нашему мнению, недостаточно полно раскрывает виды связей, в которых находятся люди в бытии-в-мире – для него все связи носят онтический, и потому вторичный по отношению к онтологическому характер. Другие, как он отмечает, «встречают из мира, в каком по сути держится озаботившееся-усматривающее присутствие» [1, с. 119]. Мы полагаем, что это не совсем так: существуют формы со-бытия, которые носят сущностный характер и определяют самость человека на более значимом уровне, и потому встречают не столько из мира, сколько из собственной самости. Б. Г. Соколов, анализируя статус со-бытия, справедливо пишет, что связь, которая дана вместе с бытием, предполагает со-бытие. Сама же со-бытийность развёртывается как взаимодействие и взаимопроникновение между различными бытийными сущностями [3, с. 82].

Необходимо отметить, что и сам М. Хайдеггер оставляет возможность для подобной трактовки со-бытия в бытии-в-мире. Говоря о модусах или способах заботливости, он отмечает некоторые из них, характерные для повседневного и усреднённого бытия друг с другом, определяя их как дефективные, как, например, проходить мимо друг друга или не иметь дела друг до друга [1, с. 121]. Однако собственно «эффективные» модусы со-бытия, не отчуждающие, а объединяющие людей, остаются без должного рассмотрения автором «Бытия и времени», поскольку основной акцент в экзистенциальной аналитике делается на «падающем» повседневном бытии-в-мире. Из позитивных модусов он отмечает лишь заменяющий и заступнический, на чём аналитика заканчивается: «Между двумя край-

ностями позитивной заботливости – заменяюще-подчиняющей и заступнически-освобождающей – держится повседневное бытие-друг-с-другом, показывая многосложные смешанные формы, описание и классификация которых лежат вне границ разыскания» [1, с. 122]. Таким образом, М. Хайдеггер отказывается от детального исследования модусов позитивной заботливости, между тем в предлагаемых им позитивных модусах уже содержится, на наш взгляд, отсылка к гендерному вопросу.

Среди понятий, которые он пишет в разрядку или курсивом, дабы подчеркнуть их значимость, есть «ради-чего». Так, самое свое бытие он характеризует как «бытие, *ради которого* само присутствие есть как оно есть» [1, с. 123]. Со-бытие в позитивном экзистенциальном ключе также характеризуется как бытие ради-других. Мы полагаем, что со-бытие мужчины и женщины в своём высшем исполнении в терминологии М. Хайдеггера может быть квалифицировано как бытие-ради-другого, значимость которого, опять-таки в его терминах, фундирована самим разделением полов как одним из главных биологически детерминированных взаимно предполагающих различий между людьми, определяющих изначальное со-бытие и соответствующее заботливому размыканию другого.

Различие между *другими* и *другим* в данном контексте представляется для нас принципиальным: если другие – это обезличенная масса неизвестного рода (*das Mann*), по выражению М. Хайдеггера, то другой – любой из них в своей единичности – не является безликим представителем человеческого рода, это не «анонимный гул толпы», по выражению Ж. -Л. Нанси, онтология со-бытия которого для нас служит ориентиром: «Типичные черты (этнические, культурные, социальные, возрастные), собственные схемы которых со своей стороны составляют другой регистр сингулярностей, не только не отменяют единичные различия, но заставляют их выйти наружу» [4, с. 25]. Поэтому расценивать повседневность в терминах *das Mann*, по мысли Ж. -Л. Нанси, не вполне корректно: индифферентное и анонимное «могут конституироваться лишь в отношении с дифференцированной сингулярностью, которой уже является само по себе повседневное: каждый день, каждый раз, изо дня в день» [4, с. 25].

Соответственно, если в серой повседневности М. Хайдеггера один человек равен другому в своей безликости, и потому один репрезентирует всех остальных, а в пёстрой повседневности Ж.-Л. Нанси один человек не равен другому и не может в силу уникальности репрезентировать всех прочих, то применительно к любовным отношениям другой, будучи не равным другим в своей уникальности, способен в то же время репрезентировать всех прочих – в этом своего рода чудо бытия. Ж. -П. Сартр пишет об этом: «Вместо того, чтобы быть «этим-вот», рассматриваемым на фоне мира, я становлюсь тем объектом-фоном, в свете которого обнаруживается мир» [5, с. 212].

Такие единичные «выраженные» различия могут аккумулировать в себе не просто неповторимое лицо, выделяющееся из массы, но заменять, затмевать собой всех остальных и мгновенно вырывать человека из состояния повседневной «калейдоскопической спячки», если в его основе – любовь. Любовь, по справедливому выражению Э. Фромма, это самообновление, она усиливает ощущение полноты жизни и существует не по принципу обладания, а по принципу бытия. Это чувство объединяет людей в большей мере, нежели профессия, кровные узы, товарищество, принадлежность к нации, культуре и т. д. Лишь любовь предполагает максимальную близость, и ни один другой вид со-бытия не меняет радикально течение жизни и не предполагает желания совместного существования. Не случайно Ж. -Л. Нанси в работе «Бытие единичное множественное» утверждает, что сущность бытия – это удар, потрясение [4, с. 61]. Такой другой оказывается внезапно экзистенциально значимым для моего Я на фоне всех остальных, этот свой-другой связан со мной не через имение-дела с подручным сущим и множеством его отсыланий, но *непосредственно с ним самим*. Внезапно – один из ключевых экзистенциалов этого феномена, когда, по выражению М. Долара, происходит пересечение случайного внешнего с самым сокровенным внутренним [6, с. 5].

Повседневное со-бытие не схватывает суть со-бытия как конститутива бытия-в-мире, оно определяет бытие как таковое, лежит в основании самости: бытие-вместе предшествует любому Я или Ты. Бытие осмыслено лишь постольку, поскольку производятся, передаются, воспринимаются и хранятся смыслы, что по умолчанию предполагает многоликое совместное с другими людьми существование: «Смысла нет, если он не разделён (с другими), и не потому, что должно быть одно значение, первое или последнее, которое являлось бы общим для всех живых существ, а потому, что *сам по себе смысл является разделением бытия*» [4, с. 17]. Поэтому преодоление повседневной дистанции между людьми через производство смыслов – лишь восстановление изначально присущей им социации бытия. И действительно, человек не рождается, не живёт и не умирает в социальном вакууме: вне связи с теми, кто помогает родиться, живёт рядом и скорбит о твоей кончине.

В этом свете дефективные модусы повседневного отчуждённого со-бытия могут быть возвращены в исходное состояние единства. И то, что Хайдеггер обозначает как вчувствование [1, с. 124], и что должно проложить мост от одного субъекта к другому, применительно к нашей теме является любовью как высшим следствием первичного биологического разделения полов, предполагающего возможность их соединения и преодоления хранимой в повседневности дистанции между людьми. Если, по выражению Ж. -Л. Нанси, «присутствие возможно только как со-присутствие», а «*вместе* и создаёт бытие», то соприсутствие любящих в чувстве самоотверженной, сердечной привязанности обладает высшим смыслом и является самой полной формой бытия-вместе; поэтому Нанси говорит о ней: «Эта

любовь не является неким возможным способом отношения, она обозначает само отношение в самом сердце бытия...» [4, с. 127].

И в этом совместном мире желание межличностного единения – наиболее мощное в человеке, как пишет Э. Фромм. Бытие-ради-другого оказывается таким постольку, поскольку другой восполняет собой нехватку бытия в самом человеке, о чём упоминает Сократ в «Пире». Эрот рождён от Пеннии, просившей подаяния и тем самым символизирующей бедность, нужду, и Пороса, символизирующего богатство, изобилие. Не случайно в психоанализе немецкому Wunsch (желание) часто придаётся смысл стремления к восполнению бытия. В этом феномен своего в другом, в поисках которого изначально находится со-бытие пола. В то же время это и Begierde (стремление), нацеленное на приобретение чего-то иного, присутствующего рядом и заявляющего о своей настоятельности. Иного во многих отношениях – половом, кровном, темпераментном и т. д.²

Так, в рамках подобного рода «относительных мотивов» восполнение происходит по линиям физических параметров, темпераментов, интеллектуального развития, образования и т. д. На всякого Сократа, по выражению А. Шопенгауэра, найдётся своя Ксантиппа [8, с. 389]. Таким образом, восполнение нехватки бытия всегда уже есть стремление к иному, которое одновременно является своим, а не чужим. Не любой другой способен дополнить меня, коррелирует со мной, отзывается во мне. Человеку в другом не хватает своего бытия. Контраст и сходство здесь образуют гармонию или различие в тождестве. Эта форма бытия в объятиях смысла бесценна, поскольку заменяет собой весь мир, эквивалентна миру, что также отмечается Дж. Оксалоу [9, с. 233].

Подобного рода прорыв к другому – один из способов решения глубинной экзистенциальной проблемы конечности собственного существования – вброшенности в мир и перспективы неизбежного выброса из него. Стив Джексон справедливо отмечает, что любовь – это в своём роде ответ на экзистенциальное переживание одиночества, отчуждённости, тревоги и предоставленности самому себе, беспомощности перед силами природы и общества [10, с. 112]. В этом свете событие мужчины и женщины в чувстве любви – это самый чудесный, неожиданный и полноценный способ преодоления экзистенциального отчуждения между людьми, будь то примитивные оргиастические практики древних или возвышенные любовные связи, описанные в романтической беллетристике.

К. Ясперс заметил, что «превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования *изымает их из субстанциального содержания жизни*... Всё большее число людей ведёт это оторванное от целого существо-

² Проведённое Х. Абышевой и В. Закутней социологическое исследование показывает, что межличностное взаимодействие между супругами максимально эффективно по линиям сангвиник/флегматик и холерик/меланхолик и совсем неэффективно по линиям сангвиник/сангвиник и меланхолик/меланхолик [7, с. 72].

вание» [11]. Оторванность от целого, отчуждённость диагностированы многими мыслителями прошлого века – от экзистенциалистов самого разного толка до постмодернистов и структуралистов. Пожалуй, именно это заболевание современного общества заставляет нас как никогда ранее действительно отдать себе отчёт в том, что Mit-sein – это не просто коррелят бытия, экзистенциал, обозначающий падающее присутствие в его повседневности и усреднённости. И сегодня Ж. -Л. Нанси в работе «О событии» обращает внимание на то, что, несмотря на исчерпание смыслов и сингулярность существования, совместность бытия неизбежна и конститутивна, оставаясь «в сухом остатке» в любой ситуации: «Эпоха предела оставляет нас на пределе совместно, ибо в противном случае не было бы ни «эпохи», ни «предела», ни «нас» [12].

Логика со-бытия представляет собой уникальную логику внутренне-внешнего, и их полное взаимоопосредование. И, согласно нашей позиции, она достижима в обращённости мужчины и женщины друг к другу, осуществляющей всеобъемлющий переход из одного в другого. Экзистенциальная неполнота бытия человека может быть восполнена «в полной мере» лишь во взаимоотношениях мужчины и женщины, так как их обращённость друг к другу действительно существует до любой идентификации, за исключением родовой, о чём пишет Вивиал Намэйст [13, с. 20].

Заключение. Проведённое исследование с теоретической стороны может послужить прояснению места гендерной проблематики в аналитике со-бытия и переосмыслению феномена повседневности как способа быть, присутствие которого держится в мире в данное время. Очевидно, что повседневность не исчерпывает бытие-в-мире человека, и любовь – один из ключевых способов быть, вырывающих человека из рутины жизни. С практической точки зрения, данное исследование способствует поиску путей выхода из кризиса постсемейных отношений, сложившихся, в частности, в России, где отношение к любви, как способу быть человеком, предполагает соответствующее отношение к сексуальной и семейной сторонам жизни, в основе которых должно лежать чувство любви. Осознание этого неминуемо скажется как на корректировке нравов, так и успешности семейной жизни. В этой связи дальнейшее исследование сексуальной и семейной сторон жизни в современном обществе, давшем женщине экономическую независимость и правовую свободу в результате процессов социальной феминизации, что значительно выравнивало положение мужчины и женщины, представляется перспективным и значимым.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Гурьянов А. С. Аналитика присутствия в горизонте неповседневного обращения // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 71 (07). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/22.pdf> (дата обращения 14.02.2019).

3. Соколов Б. Г. Метафизические исследования. Вып. 1: Понимание // Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. СПб: 1997. 298 с.
4. Нанси Ж. -Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. Фуре В. В.; под ред. Щитцовой Т. В. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
5. Сартр Ж. -П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
6. Долар М. С первого взгляда // Любовная машина; Лакан и Спиноза; Комедия любви. СПб.: Алетейя, 2020. 106 с.
7. Абышева Х., Закутняя В. Исследование психологической совместимости в контексте личностно-семейных отношений (на материалах ЮКО) // Гендерная теория и историческое знание: материалы второй международной научно-практической конференции; отв. ред. Павлов А. А., Семенов В. А. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.
8. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви // Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 480 с.
9. Oksala J. A phenomenology of gender // Cont Philos Rev. 2017. No 39. Pp. 229–244. Doi.org/10.1007/s11007-006-9025-2.
10. Jackson Stevi. Gender, Sexuality and Heterosexuality. The Complexity (and limits) of heteronormativity // Feminist Theory. 2018. No 7 (1). Pp. 105–121.
11. Ясперс К. Духовная ситуация времени. Available at: <https://www.psyoffice.ru/9/yaspk01/txt01.html> (дата обращения 21.07.2021).
12. Нанси Ж. -Л. О со-бытии. Available at: <https://mybiblioteka.su/tom2/7-75154.html> (дата обращения 21.05.2020).
13. Namaste V. Undoing Theory: The ‘Transgender Question’ and the Epistemic Violence of Anglo-American Feminist Theory // Hypatia. 2019. No 24 (3). Pp. 11–32.

Авторская справка

ЗАКИРОВА Гульнара Фазыловна, соискатель, старший преподаватель Казанского государственного энергетического университета, Казань, Россия.
E-mail: zgul77@mail.ru

UDC 173.7

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.32

A GENDER ASPECT OF CATEGORY “CO-BEING” IN EXISTENTIAL ANALYTIC

G. F. Zakirova

Kazan State Power-Engineering University, Kazan (Russia)

Introduction. The article deals with the question of the place of gender issues in M. Heidegger's existential analytic. Since this aspect of the study of Heidegger's legacy is practically not represented in the scientific literature, and gender issues in modern Western philosophy are extremely in demand today, the subject of the article seems relevant for the research. The aim of the study is to find gaps in the interpretation of Dasein falling into everyday life in the work «Being and Time».

Methods. The research methods used by the author include comparative analysis and synthesis of various approaches to the study of existential issues.

Results. Despite the fact that its author deliberately distanced himself from a detailed study of the positive modes of being-in-the-world, focusing on the defective, i.e. on the everyday dimension of the existential of co-existence, some aspects of the analysis of co-existence indicate that among the modes of positive care (that bring people together rather than distance them from each other) the leading position is occupied by love between man and woman. The phenomenon of empathy, which M. Heidegger speaks about, indicates

an emotional rapprochement between people, most fully represented by an intimate feeling. Love is at the heart of being and in this respect is a positive way not just to escape from existential loneliness, but to overcome it in being-in-the-world since co-being is constitutive for being as such. Love as a form of empathy does not indicate an impersonal everyday being-with-others but a personal being-with-the-other that represents in its uniqueness all others and pulling the lover out of the state of everyday hibernation into a renewed non-everyday dimension of being-in-the-world, changing the trajectory of life in an atmosphere of new meanings.

Conclusion. The results obtained contribute to the understanding of the current state of interpersonal relations, the search for ways to optimize the relationship between men and women and to overcome the crisis of post-family relations in the modern world.

Keywords: being; co-being; being-in-the-world; man; woman; existence; sex; love; family.

References

1. Haidegger M. Bytiye i Vremya [Being and time]. Moscow: Ad Marginem Publ, 1997. 452 p.
2. Guryanov A. S. Analitika prisutstviya v gorizonte nepovsednevnogo obrasheniya [Analytics of Dasein in the horizon of non-everyday handling]. *Nauchnyy jurnal KubGAU*. 2011. No. 71 (07). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/22.pdf> (accessed 14 February 2019).
3. Sokolov B. G. Metafizicheskiye issledovaniya [Metaphysical research]. Issue 1. Understanding // *Almanac of the Laboratory of Metaphysical Research at the Faculty of Philosophy of Saint Petersburg State University*. Saint Petersburg, 1997. 298 p.
4. Nancy J. -L. Bytiye edinichnoye mnojestvennoye [Being singular plural]. Minsk, Logvinov Publ, 2004. 272 p.
5. Sartre J. -P. Pervichnoye otnosheniye k drugomu [Primary attitude to the other: love, language, masochism]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ, 1988. 552 p.
6. Dolar M. S pervogo vzglyada [At first sight]. *Mashina lyubvi* [Love machine; Lacan and Spinoza; Comedy of love]. Saint Petersburg, Aleteya Publ, 2020. 106 p.
7. Abyшева H., Zakutnyaya V. Izucheniye psichologicheskoi sovmestimosti [The study of psychological compatibility in the context of personal and family relations]. *Gendernaya Teoria i istoricheskoye znaniye* [Gender theory and historical knowledge], materials of the second International Scientific and practical conference. Syktyvkar, Publishing House of Syktyvkar State University, 2005.
8. Schopenhauer A. Metafizika polovoi lyubvi [Metaphysics of sexual love]. *Selected works*. Moscow, Enlightenment Publ, 1992. 480 p.
9. Oksala J. Phenomenology of gender. *Continuation of Philosophy*, 2017. Rev. 39. Pp. 229–244. [Doi.org/10.1007/s11007-006-9025-2](https://doi.org/10.1007/s11007-006-9025-2).
10. Jackson, Stevie. Gender, Sexuality and Heterosexuality. Complexity (and limits) of heteronormativity. *Feminist Theory*, 2018. No 7 (1). Pp. 105–121.
11. Jaspers K. Duhovnaya situatsiya vremeni [The spiritual situation of time]. Available at: <https://www.psyoffice.ru/9/yaspk01/txt01.html> (accessed 21.07.2021).
12. Nancy J. -L. O sobytii [About co-existence]. Available at: <https://mybiblioteka.su/tom2/7-75154.html> (accessed 21.05.2020).
13. Namaste V. The Theory of Annihilation: The ‘Transgender question’ and the epistemological violence of Anglo-American feminist theory. *Hypatia*, 2019. No 24 (3). Pp. 11–32.

Author's bio

ZAKIROVA Gulnara Fazylovna, candidate, senior lecturer, Kazan State Power-Engineering University, Kazan, Russia. E-mail: zgul77@mail.ru

Библиографическая ссылка

Закирова Г. Ф. Гендерный аспект категории «со-бытие» в экзистенциальной аналитике // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 1 (29). С. 32–40. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.32

УДК 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.41

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В НАРРАТИВЕ НИКА БОСТРОМА

Ю. В. Хвастунова*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)*

Введение. В статье представлены критические замечания по основным положениям трансгуманизма и его футурологических проектов на примере концепции Ника Бострома (прогнозы ближайшего и отдалённого будущего, обусловленного научно-техническим прогрессом, генной инженерией и новым типом мышления в эру Сингулярности).

Методы. В ходе исследования применялись методы системного подхода, метод религиозноведческой компаративистики, анализ документов, первоисточников. Для анализа видения сценариев будущего и специфики языка трансгуманистов применялись метод сравнительного анализа и метод герменевтики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Ник Бостром пытается найти соответствующие аргументы в пользу положительного будущего, просчитав все угрозы существованию (existential risks), создав классификацию рисков (Взрывы (Bangs), Сужения (Crunches), Скрипы (Shrieks) и Всклипы (Whimpers)), проанализировав их и разумно откорректировав, разрабатывая программу, которая, возможно, будет применяться в отношении будущих сверхлюдей. Претендуя на полноту описания возможных угроз, тем не менее, Н. Бостром соблюдает определённую выборочность, например, он намеренно игнорирует сценарии, описанные в религиозных теистических системах. Философ делает особую ставку на Искусственный Интеллект (ИИ) и возможность создания его ближайшей по времени модификации в виде загрузки сознания человека в компьютер, и таким образом созданный Суперинтеллект сам будет просчитывать возможные сверхбыстрые эволюционные изменения.

Дискуссия. Опора на Сверхинтеллект у Ника Бострома связана с отстаиванием положения о дифференциальном технологическом развитии «надо замедлять применение опасных технологий и ускорять применение полезных технологий». «Полезные» нанотехнологии и особые механизмы контроля за сверхтехнологиями помогут будущему единому правительству – монополисту Синглетону (англ. *singleton*) и транслюдям справиться с угрозами и, возможно, сохранить человека как вид, пусть даже и сильно модифицированного или существующего только в цифровом формате. В статье подчёркивается необходимость создания альтернативного толкового словаря, позволяющего правдиво и объективно оценивать, понимать и объяснять трансгуманистическую парадигму и футурологические проекты по трансформации человека и общества в целом.

Заключение. В век «высоких манипулятивных технологий» и двойных стандартов, когда становится сложно отличать реальные достижения от иллюзорных, настоящие новости от фейков и по-настоящему положительные проекты от разрушительных, необходимо чётко понимать, что происходит, и какие альтернативы есть у нас.

Ключевые слова: футурология; трансгуманизм; угрозы существованию; сингулярность; постчеловек; Ник Бостром.

Введение. В статье представлен анализ трансгуманистической футурологии, в частности, футурологический проект в теории Ника Бострома, с целью рассмотрения основных пунктов программы трансгуманизма для критического анализа и

«перевода» основных понятий и суждений на уровень сознания обычного «непосвящённого» человека, поскольку, как заявляют трансгуманисты, именно для человека и общества создаются такие проекты, правда сам человек должен отказаться от себя, «сделать выбор»: трансформироваться или умереть. Ряд учёных (Ж. Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари) придерживался известного деления на прогрессивное линейное развитие истории общества вплоть до конца эпохи модернизма, затем – утрата и антипрогрессивное утопическое, пессимистическое видение «конца истории / постистории» в эпоху постмодерна.

Другая точка зрения, опирающаяся на работы П. Флоренского, А. Ф. Loseва, М. Элиаде, предлагает рассматривать цивилизации дихотомично (в их восприятии времени) – как циклические (круговые), сакрализованные и линейно-прогрессивные, десакрализованные. Например, такой подход озвучен в работе современного философа В. Аверьянова «Священная история – здесь и сейчас» [1] и в трудах историка В. Э. Багдасаряна «Сакральная историческая матрица» в противовес и дополнение позитивистской истории. В. Багдасарян предупреждает о вреде изучения лишь фактологии истории, которая часто предстаёт как «десакрализационная версия истории – антипод священной истории. (Происходит)... смена парадигмы сакрализации парадигмой инфернализации. При расширении пространства, занимаемого «чёрными страницами», вся национальная история оказывается чередой злодейств и преступлений. Вместо чувства гордости за свою страну, задаваемого священной историей, закладывается чувство стыда, и более того – ненависти к собственной стране («смердяковщина»).

Вывод из этого исторического прочтения может быть только один: целесообразность самоликвидации. «Устыдившийся своей истории социум распадается. Осколки его принимают иные идентификаторы, встраиваясь в чужие исторические нарративы, в том числе в нарратив противника» [2]. Если данный подход перевести на следующий уровень, то здесь трансгуманисты, по сути, не сомневаясь в завершении человеческой истории, предлагают отказаться от субъектного подхода, от «естественного» человека и перейти на новый уровень гибридизации, уступить место машинному цифровому ИИ, роботу и, соответственно, новому миру без человека, поскольку последний уже исчерпал свой потенциал.

В XX веке всё более активно стали заявлять о себе трансгуманистические проекты и их видение будущего в формате исключительно прогрессивного эволюционного скачка в технологический рай – «Эра Сингулярности»³. Именно такая модель стала наиболее «конкурентоспособной» в настоящее время и противопоставляющей себя предшествующим, например, видению традиционных идеалистических и религиозных картин мира. Трансгуманизм не только становится но-

³ У Ника Бострома есть своя версия термина «сингулярность», в отличие от В. Винджа или Р. Курцвейла, для него сингулярность – это, прежде всего, «потенциальное взрывоподобное развитие интеллекта, особенно в перспективе создания искусственного сверхума» [6, с. 3].

вой утопией, но и всё большее число людей верят в такой «оптимистический» вариант и уже размышляют по поводу частностей: права и свободы разных видов (людей, животных, клонов, роботов, биороботов, ИИ, загруженных в виртуальную реальность), оценка рисков и катастроф, освоение космических пространств (выход за пределы родной Земли), решение предельных вопросов (жизни, смерти, морали, трансцендентного, свободы).

Методы. В ходе исследования применялись методы системного подхода, религиозоведческой компаративистики, сравнительно-исторический метод, произведён анализ документов.

Анализ различных аспектов трансгуманистической теории (от футурологии Р. Курцвейла и Н. Бострома, до этических принципов Д. Пирса и М. Мора) позволяет увидеть ряд общих закономерностей и особенностей терминологии. За многими уже устоявшимися понятиями, терминами наблюдается определённое двойное дно. Авторы зачастую используют тот или иной термин, который имеет известное или «общеупотребительное» значение, однако в ходе развития самой теории эти понятия наполняются и / или открывают иные смыслы (порой противоположные), зачастую далёкие от привычных классических формулировок. Подобная методика может быть описана как «троянские кони» (термин в философии аргументировал А. М. Осипов) [8, с. 66] применительно к продвижению трансгуманизма в мире.

Трансгуманисты создают своего рода дипломатический мягкий язык с двойной целью. Это и продвижение своих идей в широкие слои населения с возможным некритическим или пассивным восприятием трансгуманистических идей в обществе, где существуют различные взгляды, порой противоположные установкам самих трансгуманистов. И одновременно это некая символическая закодированная система, где термины несут конкретную информацию для готовых принять трансгуманизм или прошедших «правильное» обучение и влившихся в ряды пропагандистов амбициозной концепции ближайшего будущего. Поэтому необходимо разрабатывать терминологический словарь как своего рода словарь иностранных слов, где помимо официальных поверхностных и часто абстрактных формулировок прописывались бы неочевидные, но подлинные смыслы понятий и терминов (для людей, не посвящённых в суть трансгуманистической концепции и не являющихся элитой).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Что предшествовало трансгуманизму? Отвечая на этот вопрос, мы неизбежно приходим к религиозным основаниям, к предельным вопросам. Сами трансгуманисты считают прелюдией и лейтмотивом своего движения извечную тягу человечества к достижению бессмертия. Однако вопрос бессмертия решается на разных уровнях и, как известно, религиозные системы представляют довольно глубокий анализ природы человека и достижения бессмертия, вечного бытия, спа-

сения. Трансгуманисты не видят иных решений и способов в древности, кроме как попытки достижения бессмертия магами и алхимиками. Таким образом, они подчёркивают свою преемственность именно от магических эзотерических школ и практик. Трансгуманисты не упоминают теистические системы и мистические методы, а только магические, оккультные, гностические взгляды на природу телесности, духовности и человека в целом [2].

Оккультная система как основа, которая пока ещё часто завуалирована (неявна), но пропагандируется и включает ценности оккультизма, спиритуализма, гностицизма, сатанизма, элементы восточных техник в мировоззренческое ядро трансгуманизма. Интересно, что трансгуманисты активно эксплуатируют тему современных проблем (экологических, демографических, экономических) именно как доказательство необходимости ещё большего развития технологий и взглядов, которые часто и обуславливают современные проблемы, вплоть до их сращивания с человеком (постчеловеком) и остальным миром в ожидании эры сингулярности. Своё желание создать сверхчеловека (человекобога) они завуалировали под необходимость элементарного выживания человечества, а иначе якобы все погибнут.

Но ведь есть и другие альтернативы, и этот самый сверхчеловек не так привлекателен, как его изображают, показывая лишь выигрышные стороны, дабы не напугать раньше времени. И поскольку якобы современные проблемы и риски переходят в формат неуправляемых, то лишь технологии смогут создать хоть какие-то механизмы контроля или сдерживания. В аргументации и доводах трансгуманистов постоянно фиксируются подмена понятий, узкий однозначный технократический взгляд. Неуправляемость катастроф может иметь и другие причины.

Главные установки трансгуманистической парадигмы:

1. Наука – непогрешимый идол, у которого две составляющие – прогресс и инновации (инновационизм), пусть даже ведущие к катастрофе настоящего мира. Главная ценность – технический прогресс, ради которого можно пожертвовать человеком;

2. Отрицание человека как ценности. В настоящий момент человек всячески трансформируется, подвергается экспериментам, манипуляциям с целью формирования внутри него сомнения в своём назначении, удовлетворённости своей натуральностью. Под видом свобод его подвергают деконструкциям с последующей установкой на отрицание пола (через гендерный плюрализм, ЛГБТ-идентификацию, педофилию и зоофилию переход в нечто среднее). Современный человек уже сейчас демонстрирует усталость от жизни, фатальное стремление к смерти – мортидо;

3. Дискредитация и сопротивление традиционным ценностям, этическим системам и институтам, а вместо первосущностей, метафизики и реализма – симуляция с гиперреальностью. Насмешка и профанация сакральной темы и как итог – война с человеком и война с Богом;

4. Цифровой иммортолизм как конечная цель и одновременно начальная, за которой последует полное разрушение, небытие.

Чем больше философы – апологеты трансгуманизма углубляются в конструирование будущего сверхтехнологического общества, тем сильнее они склоняются в сторону одобрения развития методов цифрового бытия, цифрового досуга, цифрового бессмертия, цифрового размножения, симбиотического разума. Именно «цифровой» метод в их понимании эффективнее и имеет больший потенциал, нежели биологические натуральные способы изменения и совершенствования реальности и физического тела.

Центральным становится вопрос о сохранности / трансформации и степени изменения самой природы человека, его сознания. Эксперименты трансгуманистов в области евгеники становятся более радикальными, нежели это было у их предшественников в XIX–XX веках. Мы, люди XXI века, уже привыкли жить среди симулякров и бесчисленных копий второсортного разряда, но каково будет жить, довольствуясь, например, копией сознания или копией способностей, или копией реальности, и кто будет жить – исходный прототип или его копия? Так, если предположить, что процедура загрузки сознания в компьютер пройдет удачно, и исходное сознание не повредится, то, что будет с ним?

В мире сверхпотребления, где используется и продается практически всё, процедура загрузки сознания позволит продавать «душу», весь комплекс переживаний и уникальных способностей, мастерства и талантов крупными корпорациями, «воровать» сознание и «мучить» сознание различными способами, например, до достижения состояния «абсолютной лояльности». Электронное цифровое бессмертие для многих может реально превратиться в электронное бесконечное заключение или рабство, и о старой досингулярной реальности с её ограниченным сроком жизни и смертью люди будут вспоминать как о счастливой эпохе, которая давала не только возможность свободного выбора, труда, но и возможность отдыха и ухода из брэнной действительности.

Трансчеловек. Строго говоря, у идеологов трансгуманизма термин «трансчеловек» (от англ. *transhuman*) промежуточный или временный, означающий «переходный человек», впервые детально описан футуристом FM-2030 как потенциальный шаг на пути эволюции в постчеловека. Транслюди имеют такие признаки трансчеловечности: «улучшение» тела имплантантами, бесполость, искусственное размножение и распределённую индивидуальность. «Словарь трансгуманистической терминологии» так описывает трансчеловека: «...некто, активно готовящийся стать постчеловеком... Каждый из нас может дожить до превращения в трансчеловека... Мы живём в эпоху, когда (по крайней мере, в демократических странах) мы свободны придерживаться взглядов, которые уже не определяются национальными границами, преданностью семье и верностью политическим организациям» [2]. Отсюда можно заключить, что такие принципы, как патриотизм, се-

мейные узы и любовь, присяга (верность) конкретным политическим силам и убеждениям объявляются необязательными, архаическими, и трансчеловек, в принципе, не будет ими обременён. А чем же тогда? И здесь выясняется самое интересное: главный принцип для него – это полезность (равная дешёвому, одноразовому), понимаемая сугубо в утилитарных границах, и унификация его сознания (по чёткому стандарту) со всеми остальными такими же транслюдьми.

Наивные люди задают вопрос: «Не сделают ли трансчеловеческие технологии нас бесчеловечными»? Нельзя сделать бесчеловечным того, кто человеком в строгом смысле слова уже не является! Н. Бостром точно указывает на то, что трансчеловек не будет уже человеком в настоящем смысле слова, а значит и не нужно подходить к нему или оценивать его с точки зрения «человеческого», а отсюда и слово «человечный» неприемлемо. Он пишет: «Многие человеческие черты неудобны или вредны... Нет никакой внутренней ценности в том, чтобы быть человеком, так же как нет внутренней ценности в том, чтобы быть камнем, лягушкой или постчеловеком. Ценность заключается в том, кем мы являемся как личности, и в том, что мы делаем в своей жизни» [4]. Но тут он совершает логическую ошибку, используя слово «личность», которое относится к исключительно человеческим характеристикам и, следовательно, примерять или ожидать личностного совершенства от трансчеловека бессмысленно. Сам тезис изначально глубоко неверный. Здесь встаёт вопрос о сущности человека.

Трансгуманистам необходимо добиться добровольного отказа человека от своей подлинной природы и назначения, заставить его сомневаться в своих базисных основаниях, согласиться на расчленение и «упрощение» своей сущности, себя как такового. Лучше всего это получается через нагнетание и подчёркивание недостатков и проблем. Если поверить, что мы неполноценны, уродливы, неправильно сложены, то возникает желание поправить и улучшить что-нибудь.

По такому пути уже давно движется вся потребительская индустрия, а ранее по этому пути шли эзотерики, оккультисты, гностики и тому подобные направления, затем – новая модернистская и постмодернистская философия, объявившая смерть субъекта или, как метко подметил А. Дугин, «объектно-ориентированная онтология» Хармана и его последователей (хайдеггерианства и предшествующей деструкции классической западной метафизики, западного Логоса). Если мы миновем хайдеггеровский рубеж, стоящий между классической философией и объектно-ориентированной онтологией, когда последняя из них полноценно опишет и обоснует саму себя, тогда начнётся эпоха искусственного интеллекта.

Сегодня основной вопрос философии – об аутентичном или неаутентичном существовании, экзистировании Дазайна. С одной стороны, это битва за Дазайн, с другой – попытка упразднить его и утвердить онтологию мыслящего объекта. Это новая основа политической философии [7]. Сначала нам предлагают отказаться от

понимания своей подлинной природы, предварительно её очернив, затем тут же предлагается броситься во все тяжкие.

Ник Бостром выделяет два варианта перехода к трансчеловеку: «1. Через последовательные модификации биологического мозга, возможно, используя ноотропные препараты, когнитивные и компьютерные технологии (например, носимые компьютеры, интеллектуальных агентов, системы обработки информации, программы для визуализации и анализа данных и т. п.), нейроинтерфейсы и бионические мозговые имплантаты; 2. Через загрузку сознания... Загрузка во многих отношениях окажется эмпирической проверкой для многих взглядов на душу. Если загрузка сработает, некоторые идеи о душе придётся пересмотреть. То же касается и машинного интеллекта» [4]. Итак, трансгуманисты спокойно предлагают проводить эксперименты над живым человеком, заявляя о якобы новых и, скорее всего, позитивных открытиях, намекая на отрицание известных традиционных представлений о душе. На самом деле такие эксперименты отчасти уже давно зафиксированы и отличаются они крайне некомфортным состоянием испытуемого, ужасом, суицидом, рабством личности.

В качестве главных аргументов в пользу необходимости трансгуманистических преобразований Ник Бостром (остальные трансгуманисты) выделяет три проблемы: экология, демография и борьба за свободы. Якобы слишком быстрый рост населения приводит к скучиванию, бедности и истощению природных ресурсов. Задачи данной установки – мифы, чисто элитарные, вернее, охраняющие интересы элиты: 1. Ограничение роста населения, рождаемости; 2. Ограничение на доступ к ресурсам населению под видом заботы об общем благе и охране от бедности. Но каковы же механизмы решения? Это поддержка программы планирования семьи и распространения противозачаточных средств. Однако от бедности такие меры вовсе не спасают. В России уже не одно десятилетие наблюдается демографический спад (вымирание), среднестатистическая семья – это один ребёнок, а необходимый минимум – два, что несравнимо с ситуацией в советское время и тем более в дореволюционное. И одновременно с демографическим кризисом наблюдается обеднение населения, когда даже одного ребёнка сложно прокормить, вырастить. Здесь же и ситуация с безработицей при условии вроде бы нехватки рабочей силы.

Экономические либеральные объяснения, гармонично сочетающиеся с трансгуманистической элитарной политикой, идут в разрез с логикой и очевидными фактами жизни. Одновременно, с якобы обоснованной политикой сдерживания роста населения, трансгуманисты обрушиваются с критикой на христианские организации, выступающие против их методик. Что касается экологии и ресурсов, очевидный факт – природные ресурсы больше всего истощают / потребляют не страны третьего мира, где наблюдается демографический рост, и не бедные слои населения, а наиболее развитые, такие как США, и обеспеченные слои населения,

на долю которых и приходится больше половины потребления ресурсов. В действительности трансгуманистические проекты не направлены на спасение населения от бедности. Они также не направлены на борьбу за свободу, наоборот, создают эффективные механизмы глобального контроля и рабства людей на предельно индивидуальном уровне: контроль тела, контроль поведения и контроль сознания (мышления, образа мысли). Это абсолютное рабство и невозможность сопротивления, борьбы за элементарные свободы, это полная несвобода и зависимость о разных «благ общества потребления».

Трансгуманистический словарь и его перевод. Сталкиваясь с трансгуманистическими теориями и проектами, необходимо чётко понимать, что слова, понятия и концепты, мыслимые в общепотребительном значении, у самих трансгуманистов имеют «двойное дно». Это совершенно логично вытекает из характера преемственности идеи трансгуманизма от магии, оккультизма и эзотерических обществ. Всех их объединяет одна особенность – наличие двойного смысла «двойных стандартов», двойного прочтения (для непосвящённого большинства – «массы» и для посвящённых – «элиты»).

Итак, специфика терминологии трансгуманистов, интерпретация понятий требуют создания словаря альтернативных значений. Приведём несколько примеров. Понятие «совершенствование», используемое для аргументации применения той или иной конкретной технологии с далеко не очевидными положительными последствиями. У трансгуманистов «совершенствование» автоматически означает применение цифровых и прочих технологий (загрузка, импланты, чипирование). Отсюда сам трансгуманизм – это наука «совершенствования человека», в переводе на обычный язык – наука, аргументирующая отказ от человеческого, от естественной сущности человека и вообще отказ от человека в пользу иного «сверхразума» / киберчеловека. Следующий концепт – «достойное качество жизни» – это включение технологий в тело и сознание человека, и отсюда искусственный интеллект – это механизм повышения качества жизни.

Одним из рекордсменов по двойным значениям является разновидность трансгуманизма – эстропианство, где много двойных размытых понятий. Так, эстропианцы настаивают на идее «неточных / размытых» критериев смерти, «клинической смерти» в науке и отсюда – их право называть методы криоконсервации (крионической заморозки) методами «сбережения жизни и здоровья пациентов». «Криопациент» – замороженный труп. «Крионический «сон»» или ещё один чудесный маркетинговый термин – «глубокая кома» (англ. *deep coma*) – заморозка в азоте трупа. Термин «анестезия» – помещение пациента в жидкий азот, и якобы такая процедура не отличается от операции на сердце, разница лишь во времени. По сути, это мошенничество чистой воды, поскольку нет никаких технологий по воскрешению мёртвых, и совсем не факт, что замороженные сейчас по имеющим-

ся методикам трупы в азоте можно будет разморозить и вернуть к жизни в полном объёме изначальных функций.

Двойная терминология. Что является типичным для эзотерических оккультных систем, а иначе, зачем вообще вводить религиозную терминологию? Так, термин «райская инженерия» у Д. Пирса – это включение имплантов и генных разработок в тело человека. Здесь не только двойное прочтение, но и подмена понятий. Роботы и программы объявляются мыслящими, наделёнными интеллектом и даже больше – духом. Но духовное существо – это субъект, человек, «да-зайн». А машины вовсе мыслить не умеют, там работают другие принципы. Более верным является старое название, например, «вычислительные машины» по той функции, которую они осуществляют. Человек тоже может вычислять, но это не единственная его способность, не единственное свойство разума и сознания. Современные роботы и программы развиваются в рамках лишь очень узких способностей человека, да и то с учётом некоего подобия (имитации), например, подобия мыслить. Они вовсе не развиваются в сторону создания эмоциональности, интуиции, воли и других обязательных свойств человеческого сознания. Человек – живое существо, свободное, способное на онтологическое творчество, эмоциональное и нравственно обусловленное.

Сценарии будущего. Н. Бостром рассматривает различные версии возможных отклонений (необратимые последствия, уничтожение человечества или его важных характеристик) и в том числе отклонений (всхлипов и скрипов, сужений и взрывов) в случае ошибок в программировании искусственного интеллекта. В работе «Угрозы существованию: анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей» Ник Бостром пишет о нарастающем темпе технологического прогресса и, как следствие, приближении критического или опасного момента для людей или перехода в «пост-человеческое» общество. «...важно знать... угрозы существованию (*existential risks*). ...(это) риски событий, которые могут привести к нашему вымиранию или кардинальным образом повредить потенциал развившейся на Земле разумной жизни» [6].

Ник Бостром предлагает три чётких критерия для измерения рисков: масштаб, интенсивность и вероятность. Первый означает размер группы людей, оказавшихся в зоне риска, интенсивность означает степень вреда или ущерба, а вероятность – это субъективная оценка последствий угрозы. Мыслитель разработал типологию рисков (шесть групп), которая позволяет включать и три вышеперечисленных критерия. Сама интенсивность подразделяется на «переносимую интенсивность риска» и «смертельную интенсивность». В первом случае возможно восстановление (но не для конкретных групп или этносов, а лишь для человечества в целом или, вернее, для избранных – элиты и населения из западных стран).

Более подробно рассматривается шестая группа – глобальные смертельные риски или угрозы существованию. «Угроза существованию – это такой риск, в

котором человечество как целое находится под угрозой» [6]. Н. Бостром считает, что подобные угрозы появились только в середине XX века, и у нас нет механизмов разрешения таких катаклизмов. Видимо, с точки зрения элит, угрозы, которые сметаю́т всё на своём пути, как атомная бомба, опасны особенно тем, что они не допускают никакой селекции, они не позволяют выжить кому-нибудь по определённым принципам или привилегиям. Поэтому трансгуманисты озабочены планированием предупреждающего подхода, который создал бы возможность «принимать решительные превентивные меры и оплачивать их моральную и экономическую цену, конечно, не собой (элитой), а массами...» [6]. Н. Бостром подчёркивает, что «уважение к национальному суверенитету не является законным извинением для провала в принятии контрмер против важнейших угроз существованию. Плюс учёт пользы (прагматизм как аргумент) [6].

Классификация рисков существованию, включает четыре категории: 1. Взрывы (*Bangs*) – жизнь на Земле исчезнет из-за внезапной катастрофы (случайно или намеренно); 2. Сужения (*Crunches*) – способность человечества развиваться в постчеловечество будет необратимо повреждена, но люди продолжают жить; 3. Скрипы (*Shrieks*) – некая форма постчеловечества будет достигнута, но только как чрезвычайно узкая доля спектра возможного; 4. Всхлипы (*Whimpers*) – постчеловеческая цивилизация возникнет, но её развитие будет сопровождаться постепенным и безвозвратным уходом вещей и ценностей, которые предполагалось достигнуть в начале пути [см. 6].

Самая быстрая, очевидная и необратимая форма катастрофы – «Взрывы», которые у Н. Бострома рассмотрены в одиннадцати вариантах. Это следующие риски: 1. Преднамеренное злоупотребление нанотехнологиями, например: микроскопические нанороботы, поедающие биосферу (серая топь); 2. Ядерный холокост; 3. Компьютерная симуляция, которая создаст идеальный мир, но будет выключена (сначала запустят разные тонко структурированные симуляции прошлых человеческих цивилизаций); 4. Плохо запрограммированный суперинтеллект (как и Курцвейл, Бостром допускает, что при программировании суперинтеллекта) из-за ошибки задаст цель на уничтожение человечества; 5. Генетически сконструированный биологический объект. ...создать «вирус конца света», какое-нибудь биологическое оружие; 6. Ошибочное применение опасных нанотехнологий (чёрная слизь / топь (от англ. *goo*)); 7. Нечто непредвиденное (солнечные вспышки, сверхновые звёзды, взрывы и слияния чёрных дыр, гамма-всплески, супервулканы, утрата биоразнообразия, рост загрязнения воздуха, постепенная утрата человеческой способности размножаться и множество религиозных сценариев конца света). Интересно, что трансгуманисты религиозные версии, отработанные и детально описанные сотнями людей (учёных и пророков) завуалировали под «непредвиденное» и как бы не стоящее рассмотрения в детальном сценарии угроз! Претендуя на полноту описания возможных угроз, тем не менее,

Н. Бостром соблюдает определённую выборочность, например, он намеренно игнорирует сценарии, описанные в теистических системах (в последних, однако, очень много совпадений и точных прогнозов относительно ряда технологий, вплоть до цифровых). Он игнорирует и одновременно чётко, путём самого построения своей классификации пытается показать или отнести религиозные теистические сценарии к разряду сомнительных, невозможных с точки зрения рационального правильного анализа и прогноза; **8.** Катастрофы в результате физических экспериментов (эксперименты на будущих высокоэнергетических ускорителях частиц могут вызвать разрушение метастабильного состояния вакуума); **9.** Естественно возникшее заболевание (глобальные пандемии); **10.** Столкновение с астероидом или кометой; **11.** Неудержимое глобальное потепление.

Менее трагичный сценарий – это «**Сужения**». Тяжёлые события, которые могут быть частично пережиты (такие, как тотальная ядерная война). Люди выживут, а цивилизация погибнет. У Ника Бострома перечисляются пять вариантов: **1.** Истощение ресурсов или разрушение экологии; **2.** Сбившееся с курса мировое правительство (Н. Бостром не сомневается в его формировании и власти над всем человечеством) или другое неподвижное социальное равновесие остановит технологический прогресс, остановит движение в постэру; **3.** Давление «вырождения»; **4.** Технологическая остановка (непреодолимые технологические трудности); **5.** Нечто непредвиденное.

Далее – «**Скрипы**». Сложно описываемые сценарии, из-за включения понятия «желательности» в определение Скрипа. Четыре варианта: **1.** Захват власти превосходящим интеллектом, загруженным в компьютер (постчеловеческий мир может стать отражением частных эгоистических предпочтений этой загрузки). Ник Бостром считает данный вариант бесполезным или с худшими последствиями, реально же это может быть подлинная катастрофа (как, например, запустить вирус и не иметь механизма борьбы с ним). Через всеобщую сеть всё человечество одновременно может быть заражено, оказаться под контролем такого «интеллекта». А если это загрузка и / или синтез с inferнальным «тонким» миром? Такой Скрип приведёт к тотальному рабству и аду на земле; **2.** Сверхинтеллект с ошибкой; **3.** Глобальный репрессивный тоталитарный режим; **4.** Нечто непредвиденное. Н. Бостром рассуждает о людях, которые не смогут перейти в постчеловечество, и тогда реализуется худший сценарий. И здесь ещё проблема отягощается неопределённостью сущности ценностной системы (её решают Д. Пирс и другие).

И последний вариант сценариев – «**Всхлипы**». Здесь человечество успеет себя реализовать. Три вида: **1.** Наш потенциал и даже наши базовые ценности разьедаются развитием в ходе эволюции. Единственный возможный путь избежать данного Всхлипа – полностью предотвратить раскручивание этих цепочек событий; **2.** Уничтожение внеземной цивилизацией (инопланетяне); **3.** Нечто непредвиденное.

Далее Ник Бостром дискутирует по поводу определения величины вероятности рисков существованию. Пытается просчитать вероятность того или иного метода оценки, но здесь чисто спекулятивная основа, без какой-либо возможности проверить их на практике. Рассуждение о конце света (*Doomsday argument*) у Ника Бострома оценивается скептически (не случайно он относит их к Скрипам). Цитата: «Рассуждение о конце света крайне противоречиво, и я всюду доказывал, что, хотя оно может быть теоретически обосновано, некоторые из условий его применимости не выполняются, так что применение его к нашему конкретному случаю будет ошибкой» [6].

Философ ратует за необходимость развивать тему футурологических сценариев (пропаганда проблемы рисков существованию) в сугубо трансгуманистическом ключе, что создаст большее количество согласных. Учёные с таким видением должны действовать в формате международной структуры (доминировать, лоббировать и исключать оппонентов из мировой науки). Трансгуманисты должны донести мысль, что «сильные страны или коалиции стран должны действовать односторонне ради своего и общего блага. ...Любой моральный запрет, который существует в нормальных условиях против нарушения государственного суверенитета, перевешивается в этом случае необходимостью предотвратить разрушение человечества». Согласно нашему словарю, под «человечеством» трансгуманисты подразумевают не всех людей, а конкретную избранную группу, людей определённых категорий и «отредактированных» по соответствующей программе. Ещё один момент, «человечество» – это не люди в традиционном смысле слова, а скорее всего уже «транслюди». Таким образом, трансгуманисты присвоили себе право монополии ради их якобы объективного и очевидного верного стратегического видения будущего. И ещё интересно, технологии могут быть развиты самые различные, и трансгуманисты не хотят появления тех технологий, которые не вписываются в их видение, и тут они уже не инноваторы, «мы должны иметь возможность влиять... на темп и выбор технологий».

Ник Бостром выдвинул понятие «дифференциальное технологическое развитие: попытка замедлить применение опасных технологий и ускорить применение полезных технологий» [6], «...важно достичь сверхинтеллекта посредством загрузки человека в компьютер, а не искусственного интеллекта. Нанотехнологии очень помогут загрузке» [6]. Трансгуманисты на всех уровнях стараются аргументированно доказать необходимость чипизации населения. «Компьютеры с массовым параллелизмом – это ещё один способ достичь вычислительной мощности уровня человеческого мозга даже без новых быстрых процессоров» [4]. Очевидно, что будет использован простейший способ – загрузка сознания и параллелизм компьютеров и их сети с единым суперкомпьютером. Итогом будет контроль чипизированных людей.⁴

⁴ Среди проектов в ряде стран и в РФ есть цифровой проект «чипизации населения» в рамках цифровой экономики. В. Е. Лепский подробно анализирует этот проект, который не имеет никаких гарантий для населения, никаких выгод и целей в плане национальной безопасности, а только для непонятной неизвестной элитарной группы.

Главным же этическим постулатом, по мысли Ника Бострома, для реализации проектов и принятия решений должен стать принцип разумной достаточности – «Максипок» («Максимизируйте вероятность позитивного исхода, где «позитивный исход» – это любой исход, при котором не происходит глобальной смертельной катастрофы...»). Другой принцип – «Максимин» («Выбирайте действие, которое имеет наилучший исход в наихудшем случае») [см. 6].

Заключение. Развивая футурологические сценарии и опираясь в аргументации на необходимость демографического сдерживания, экологической целесообразности и неминувости прогресса, Н. Бостром описывает развитие общества в соответствии с принципами эволюции. Похоже, он сам сомневается относительно незыблемости и точности эволюционистских постулатов и находит свой аргумент в пользу «слабости» работы биологической эволюции в человеческий период. Действительно, всё прогрессирует, но не сам человек, и проблема якобы в том, что «биологическая человеческая эволюция медленна, в первую очередь, из-за медленности процесса человеческого размножения (с минимальным промежутком между поколениями примерно в полтора десятка лет)» [6]. Хотя во всех остальных случаях трансгуманисты настаивают на чрезмерном росте человеческой популяции (перенаселение). «Медлительность» же эволюции объясняется как раз тем, что (при таком разнообразии человеческого материала) её вовсе нет, человек не эволюционирует в дарвиновском смысле слова. Он начнёт эволюционировать, «мутировать» после включения геномной инженерии и её легитимного применения в сфере репродуктивных технологий. Но это, извините, человеческий фактор, и он ещё аукнется.

Далее Н. Бостром приходит к своей трансгуманистической теме. «Загруженные в компьютер люди и машинные интеллекты могут размножаться практически мгновенно в случае наличия необходимых ресурсов. Также, если они смогут предсказать некоторые аспекты своей эволюции, они смогут модифицировать себя прямо сейчас, вместо того чтобы ждать, пока их оттеснят на второй план другие. Оба эти фактора могут привести к гораздо более быстрому эволюционному развитию в постчеловеческом мире» [6]. Н. Бостром предлагает заменить естественную эволюцию направленной эволюцией. Причём принципы направленной эволюции должны быть утверждены и введены во всём мире, а не только в западном обществе, а это значит, что национальные государства с альтернативным видением или способом управления не предусматриваются, они – зло (Россия с её иным путём не вписывается и даже более того, может нарушить весь проект трансгуманистов), они «портят» весь ход эволюции или даже возможность их выживания, существования постлюдей. Поэтому Н. Бостром пишет ещё более конкретно как о единственном пути направленной эволюции: «...на высшем уровне организации будет только один независимый деятель... – организация Синглетон (от англ. *singleton* – единственный, одиночка). Синглетон не обязан быть монолитным, он может быть, например, всемирным демократическим правительством или дружественным сверхинтеллектом...» [6].

Отсюда понятна перспектива продажи или сделки с крупными сверхприбыльными компьютерными сетями человеческого тела, возможна даже такая ситуация, когда бедным или людям с ограниченным набором компетенций будет не по карману жить в собственном теле и получать всю гамму впечатлений от соприкосновения с реальностью. Условия жизни будут искусственно смоделированы таким образом, что люди вечно будут должны или должны по наследству крупным корпорациям. Множество копий заполнят виртуальную реальность, и кто будет хозяином тела? Великие отцы трансгуманизма в будущем, как и их современные предтечи, станут формулировать стандарты и гости «природы / сущности человека». Корректировка определения «человек / человеческое» и сохранение или сокращение критериев человечности дадут возможность новых манипуляций в обществе, как, например, это делает в своей теории гедонистического императива Д. Пирс. Технологии позволят унифицировать людей на разных уровнях (от потребностей до генетики) и контролировать каждого индивида.

Завершая статью, следует подчеркнуть: трансгуманисты уверены, что в изменяющемся мире нет иных альтернатив, и значит, они во всём правы. Эра сингулярности неизбежна, даже с негативным, ликвидирующим человечество исходом. Как говорится, если чего-то очень хочется, то оно случится. Мы должны ради выживания приспособиться к стандартам трансгуманистов и глобальных игроков, по сути, стать номадами, забыть традиционные ценности, забыть себя, свои корни, землю, стать чужаками и странниками, стать вечными наёмниками, кочевниками без роду и племени (такие идеи чётко обозначены у Э. Тоффлера [9, с. 88-89].

Какова ближайшая перспектива общества будущего? Мы разделяем отчасти утверждение Ж. Бодрийяра о том, что «где много зла – там много и добра» [3]. Возможно, в мире кибергизированных постлюдей, в мире потерянных смыслов будет и другой полюс, не акцентированный так никогда ранее, – это наличие самых обычных людей, «натуралов», простых и незащищённых никакими имплантами, чипами, живущих вне компьютерных сетей (маргиналы). Без загрузки сознания они – как сгустки доброты, чистоты, природной девственной способности видеть реальность, изначальную простоту, ощущать запахи и звуки, испытывать подлинную боль, они способны «по-человечески» умереть и родиться. Вот этим самым «голым, отсталым, устаревшим» людям, а по сути, просто настоящим людям мутанты будут завидовать, ненавидеть их. Люди будут живым напоминанием и укором о том «несовершенном» мире, который постлюди потеряли и никогда не обретут вновь. Этот будущий мир предваряется современным миром пошлости, безнравственности, банальности, тривийности, иронии и смеха как издевательства над вечными чистыми истинами, святынями, человеческой природой. Глумление и топтание, тупое позёрство как якобы выражение свободы и прав человека на всё, а на самом деле – это шаги отказа, отрицания человеческого достоинства, его высокого призвания, его интеллекта. Сатанинский бунт, который кажется красивым и имеет какой-то смысл пока ему есть что топтать и отрицать, он как зло без основания и стержня. Но когда такие революционеры окажутся в большинстве, поедая самих себя, бравада потеряет всякий смысл. В пустоте смысла нет, жизни нет, святости нет, призвания нет и нет любви.

Список литературы

1. Аверьянов В. Священная история – здесь и сейчас. 30.12.2018. URL: <https://izborsk-club.ru/16343> (дата обращения 02.01.2021).
2. Багдасарян В. Э. Священная история – основа национального самосознания. 28 декабря 2018. URL: <https://izborsk-club.ru/16331> (дата обращения 11.03.2020).
3. Жан Бодрийар. Симулякры и симуляции. URL: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/27187> (дата обращения 14.12.2021).
4. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <http://www.transhumanismrussia.ru/content/view/6/93/#endnote> (дата обращения 04.05.2021).
5. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. Филина С. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
6. Бостром Ник. Угрозы существованию. Анализ сценариев / перевод Алексей Турчин. 2002. URL: <http://www.humanextinction.ru/>.
7. Дугин А. Искусственный интеллект – предельно зловеющая форма мышления. URL: <https://izborsk-club.ru/16429> (дата обращения 24.08.2021).
8. Осипов А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 63–72. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72>.
9. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.
10. FAQ – Религия и философия: сайт компании КριοРус. URL: <http://kriorus.ru/FAQ-Religiya-i-filosofiya> (дата обращения 12.09.2021).

Авторская справка

ХВАСТУНОВА Юлия Викторовна, доцент кафедры права, философии и социологии, кандидат философских наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия. E-mail: hvastunovoy@mail.ru

UDC 316.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.41

FUTUROLOGICAL PROJECTS IN NICK BOSTROM'S NARRATIVE**J. V. Khvastunova***Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)*

Introduction. This paper presents a critique of the main points of transhumanism and its futurological projects using the example of Nick Bostrom's concept (forecasts of the near and distant future due to scientific and technological progress, genetic engineering, and a new type of mindset in the era of Singularity).

Methods. The following methods are used in the study: methods of a systematic approach, the method of religious comparative studies, and the document analysis. To analyze the vision of future scenarios and the specifics of the language of transhumanists, the method of comparative analysis and the method of hermeneutics are used.

Results. Nick Bostrom tries to find relevant arguments for a positive future by anticipating all existential risks and creating a classification of risks (Bangs, Crunches, Shrieks, and Whimpers), by analyzing and reasonably correcting them, by developing a program that may be applied to future superhumans. Claiming to give a complete description of possible risks, however, N. Bostrom prefers a certain selectivity, for example, he deliberately ignores the scenarios described in religious theistic systems. The philosopher makes a special accent on Artificial Intelligence and the possibility of creating its future modification in the form of loading a person's mind into a computer, and thus, the created Super Intelligence will calculate possible ultrafast evolutionary changes itself. Nick Bostrom's reliance on Super Intelligence is connected with upholding the idea of differential technological development «it is necessary to slow down the use of hazardous

technologies and accelerate the use of useful technologies». «Useful» nanotechnologies and special mechanisms for controlling supertechnologies will help the future unified government, the monopolist «Singleton», and «transhumans» to cope with the risks and, possibly, to save people as species, even if they are highly modified or exist only in a digital form. The study emphasizes the need to create an alternative explanatory dictionary, which will allow to truthfully and objectively evaluate, understand, and explain the transhumanistic paradigm and futurological projects on the transformation of man and society as a whole.

Conclusion. In the age of “high manipulative technologies” and double standards, when it becomes difficult to distinguish real achievements from virtual ones, real news from fake news, and really positive projects from destructive ones, one needs to clearly understand what is going on and what alternatives people have.

Keywords: futurology; transhumanism; existential risks; singularity; posthuman; Nick Bostrom.

References

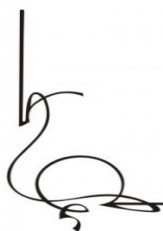
1. Aver'yanov V. *Sviachennaya voyna – zdes i seichas* [Sacred history is here and now]. 30.12.2018. Available at: <https://izborsk-club.ru/16343>.
2. Bagdasaryan V. E. (2018). *Svyashennaya istoriya – osnova nazionalnogo camosoznaniya* [Sacred history is the basis of national identity]. Available at: <https://izborsk-club.ru/16331>.
3. Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ, 2016. (In Russian).
4. Bostrom N. *FAQ po transgumanizmu* [FAQ on transhumanism]. Available at: <http://www.transhumanismrussia.ru/content/view/6/93/#endnote>.
5. Bostrom N. *Iskusstvennyi intellect. Etapy. Ugrozy. Strategii*. [Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber, 2016.
6. Bostrom N. *Ugrozy suchsestvovaniu. Analis schzenariiev* [Structure of biological catastrophe. Risks of human extinction]. 2002. Available at: <http://www.humanextinction.ru/>.
7. Dugin A. *Artificial intelligence is an extremely sinister form of thinking*. 2019. Available at: <https://izborsk-club.ru/16429>.
8. Osipov A. M. *Rynochnye mehanizmi – sozialnyi tupik rossiyskogo obrasovaniya* [Market Mechanisms as a Social Deadlock for Russian Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2019. Vol. 28. No. 5. Pp. 63–72. Available at: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72>.
9. Toffler Ye. *Shok budushego* [Shock of the Future]. 2002. Moscow: AST. (In Russian).
10. FAQ – Religion and philosophy (n. d.). Available at: <http://kriorus.ru/FAQ-Religiya-i-filosofiya>.

Autho'r bio

KHVASTUNOVA Julia V., Associate Professor, the Department of law, philosophy and sociology, candidate of philosophical Sciences (PhD), Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.
E-mail: hvastunovoy@mail.ru

Библиографическая ссылка

Хвастунова Ю. В. Футурологические проекты в нарративе Ника Бострома // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 41–56. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.41

УДК 1:304

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.57

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТУИТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

Л. Р. Данакари

*Московский финансово-юридический университет (МФЮА) (Волгоградский филиал),
Волгоград (Россия)*

Введение. В статье рассмотрены психологические особенности интуиции в условиях постмодернистской социальной действительности. Автор отмечает уникальность протекания интуитивных процессов как в сознании, так и в практической деятельности индивида, живущего в условиях «текучести» бытия, непрерывных рисков, нестабильности.

Методы. Представленное исследование включает анализ различных психологических направлений и школ в исследовании проблемы интуиции, а также системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В нашей стране подобному симбиозу не было суждено состояться в силу не только недостатка технологий, но и сложившегося неприятия между психологическими и нейрофизиологическими школами. Это определило актуальность темы, так как анализ литературных нейрофизиологических данных может способствовать приведению результатов психологических работ к объективным показателям и формированию нового взгляда на понимание интуиции.

Заключение. В ходе решения поставленных задач были установлены многообразие в понимании и противоречивость в трактовке феномена интуиции в психологии, а также произведена периодизация истории исследования проблемы интуиции в зарубежной и российской психологической мысли.

Ключевые слова: интуиция; психология; познание; бессознательное; «скачки»; «озарение»; неявное знание.

Введение Актуальность исследования проблемы интуиции во многом детерминирована кризисом современного социума, существования человека в условиях постоянного ускорения общественной динамики, нарастания неопределённости мира, нестабильности окружающей среды. Обращение к психологическим аспектам феномена интуиции объясняется, во-первых, сложностью самого объекта исследования и его сторон; во-вторых, сложным

характером проявления, многогранностью и многоаспектностью. В-третьих, дискуссиями в различных отраслях науки по поводу природы и сущности, смысла и содержания интуиции; в-четвёртых, несмотря на большой объём по данной тематике, отсутствием единой и целостной теории.

Методы. В качестве метода исследования использовался анализ различных психологических направлений и школ в исследовании проблемы интуиции, а также системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

В условиях продолжающегося кризиса общества и индивида, абсолютизации плюралистических подходов, разнонаправленности или полярности мнений, позиций, точек зрения интуиция, особенно её психологические аспекты, то есть соотношение в ней рационального и иррационального, сознательного и бессознательного, оказываются в центре внимания. Ещё одна исследовательская проблема – это роль субъективного, особенно внутреннего мира личности, реакции человека на непрерывный выбор, «пограничные ситуации», процессы открытий, совершаемые учёными. Как осуществляется творческий процесс? Как и когда происходит «озарение»? Насколько значимы в нём психологические моменты?

Интуиция позволяет добиваться желаемого путём особого творческого решения поставленных целей. Такая деятельность глубинна, подсознательна. Она, естественно, происходит в результате работы мышления, осуществления неразрывной связи сознания, его логических структур с чувственными компонентами психики, бессознательного.

Обращаясь к истории вопроса, отметим, что только со второй половины XIX века, с превращением психологии в экспериментальную науку, появились широкие возможности для проведения конкретных исследований интуиции. Накопленная эмпирическая база помогла провести конкретные практические исследования. Именно они позволили обобщить эмпирический опыт, затем на их основе сделать принципиальные и важные теоретические обобщения. С помощью экспериментов, опыта было доказано, что в ходе мыслительного процесса вместе с сознательными компонентами присутствуют и неосознаваемые компоненты. «Логика составляет основу экспериментальных исследований точно так же, как грамматика составляет основу языка» [1, с. 2].

С тех пор интуиция стала рассматриваться как неосознаваемый компонент мысли. Она оказалась способной предвосхищать результат мыслительной деятельности. Открылись новые грани в изучении интуиции как внезапного процесса мгновенного схватывания сущности проблемы.

Правое полушарие – это устройство для поиска и создания паттернов (последовательностей явлений / предметов во времени / пространстве) в поведении людей и природных событиях. Но эмоциональный тонус правого полушария таков,

что оно подозревает существование тайны не только там, где она есть, но и там, где её нет. Для критического анализа создаваемых им паттернов ему необходимо левое полушарие. К тому же интуитивное мышление хорошо в тех ситуациях, с которыми у нас уже был личный или эволюционный опыт знакомства. «Но в новых областях интуитивному мышлению не следует полагаться только на свои заключения, а нужно стремиться приспособиться к тем знаниям, которые вырвало у природы рациональное мышление» [2]. «Наиболее творческие создания культуры являются результатом совместной работы правого и левого полушарий» [3].

Дж. Леви сделала вывод о том, что обработка поступающей информации в левом полушарии наилучшим образом характеризуется как аналитическая, правое полушарие, очевидно, обрабатывает информацию, не расчленяя её [4].

В неклассической философии в центре внимания оказался человек. Расширение проблемного поля исследований психических процессов привело к рассмотрению механизмов интуиции в связи с особенностями индивида. «Механизм интуиции включается тогда, когда перестаёт работать логика, когда мозг не в состоянии быстро переработать тот огромный массив информации, который внезапно появился в его распоряжении. Именно в таких ситуациях интуиция начинает управлять нашим поведением, переводя его в автоматический режим. В основном мы воспринимаем это как прозрение, которое якобы послано нам из глубины нашего подсознания. Обычно к интуиции начинают прислушиваться в критических ситуациях» [5, с. 96].

Кризис рационализма способствовал исследованию новых аспектов интуиции, качественно иному её пониманию. Теперь интуиция стала рассматриваться как особо важная и самостоятельная функция человеческой психики. Психическая деятельность стала восприниматься не статично, а как динамический процесс. Динамизм оказался выраженным в специфической её направленности. Активная бессознательная деятельность, связанная с психической сферой, реализуется в жизни и поведении индивида и коллектива. Оказалось, что процесс адаптации человека к окружающей среде во многом связан не с объективными условиями жизни людей, а с психическими, внутренними процессами [6]. Всеобщий интерес вызвал механизм высвобождения бессознательного в процессе осознания человеком событий внешнего мира А. Маслоу [7].

Особое место в психологической науке, изучении психических процессов, связанных с интуицией, занимают исследования З. Фрейда и К. Юнга. Для них интуиция была важнейшим фактором, даже движущей силой бессознательных проявлений в человеке [8]. Интуицию как явление можно сравнить с Ага-реакцией в гештальтпсихологии, с инсайтом в психоанализе Фрейда или аналитической психологии Юнга. Рассуждая об интуиции, он соотносит её с ощущением, чувством и мышлением. Интуиция – иррациональная функция. «Так как интуиция

есть, по существу, бессознательный процесс, то сущность её очень трудно постигается сознанием» [9].

Используя результаты теоретических и практических исследований великих психологов XX века, удалось выявить некоторые причины возникновения интуиции, особенности её психологических и нейрофизиологических проявлений, а также влияние на деятельность человека.

В свою очередь, известный философ и психотерапевт Э. Фромм раскрыл особенности взаимодействия социальных и психических процессов, обуславливающих функционирование интуитивного знания. Рассматривая проблемы самостоятельности и уникальности человека, учёный подчеркнул, что гармония с миром достижима только благодаря действиям, согласованным с внутренней природой индивида [10].

В психологии господствует точка зрения, позволяющая рассматривать интуицию в структуре интеллекта, но как «неявное знание», определяющее специфическое поведение индивида [11].

В философии и психологии всегда достаточно чётко выявлялась связь интуиции с чувствами индивида, как субъективное, особое переживание различных сторон человеческого «Я». Некоторые учёные интуицию понимали как специфический вид рационализации, осознание бессознательного в форме интерпретации. И сегодня особую ценность представляют работы психологов, которые занимались проблемой «озарения» в творческом процессе [12]. Интуиция в их работах выступает как вид чувственного познания, «просветление», как особый этап, механизм подсознательного мышления, процесс творчества. Сложность и многогранность в понимании и объяснении интуиции связаны с анализом интуиции и определением её места и функций в структуре сознания и психики. Многое зависит от контекста эпохи, мировоззренческой и методологической позиции учёного, его предпочтений и направленности исследований в сфере интуиции.

На протяжении нескольких столетий между представителями различных зарубежных и отечественных школ, направлений шли дискуссии о роли и месте интуиции в системе научного знания. Интуиция часто оказывалась в рамках определения соотношения рационального и иррационального, логического и нелогического. «В ходе биологической эволюции и исторического развития человечество выработало различные формы познания мира: рациональное и иррациональное» [13, с. 8].

Одновременно в философии и психологии шли активные поиски с целью определения роли и места интуиции во всех формах и видах познания (А. Брушлинский, С. Рубинштейн, П. Анохин).

Рассматривая психологические особенности интуиции, можно заметить, что многие психологи не только выделяли преимущественный характер иррационального в интуитивном познании, но и подходили к определению иррациональности

в основном через поведенческие характеристики: импульсы, аффекты, подчеркивали бессистемную специфику полученного знания, особенно неявный характер открытия. Таким образом, признавая иррациональный характер интуитивного знания, внезапность его возникновения, как неосознаваемую субъективную исследовательскую реакцию, они абсолютизировали бессознательное, преимущество отдавали импульсам, аффектам.

Однако большинство представителей философских и психологических учений интуиции всё же указывали на неразрывную связь рационального и иррационального, их нахождение на одной оси [14 с. 27]. Следует согласиться с наличием двух плоскостей, связанных между собой, но важно признать полярную направленность каждой из них: рациональная ось обращена, в основном, на сознание, на его объективные составляющие, а иррациональное указывает на внутренний мир индивида, его подсознание.

Известно, что феномен интуиции непосредственно связан с индивидуальными особенностями личности, он в любом случае представляется как личностная характеристика человека, увязывается с процессами мышления, восприятия и рефлексии, понимается как внутренняя речь, бессознательный монолог.

Психологические особенности интуиции реализуются через сознательные и бессознательные порывы, эмоции. Мыслительные процессы многогранны, их нельзя сводить только к сознанию, они не идентичны ему. Учёные часто интуитивно, в результате работы бессознательных факторов, получают информацию, «неявное знание», определённые данные для обработки. Сам процесс происходит вне нашего сознания, может осуществиться на «досознательном» уровне, выражаясь в инстинктах и безусловных рефлексх. На уровне подсознания то, что когда-то ранее было неявным, может стать осознанным, явным. Это могут быть автоматизированные навыки, стереотипы поведения, мотивы, смысловые установки, мотивационные конфликты, которые вытеснены из сознания.

Таким образом, интуиция – это форма знания, которое возникает в неопределённой ситуации, субъективно воспринимается как догадка, предчувствие, внутреннее ощущение, наличие которого осознаётся через некоторое время. Следует подчеркнуть, что имплицитное, неявное может выступать лишь одним из факторов появления интуиции [15].

Заключение. Подводя итоги аналитики психологических особенностей интуиции, отметим следующее: во-первых, интуиция опирается на богатое прошлое, особенно рациональное знание, накопленный научный опыт как осознанный, так и неосознанный; во-вторых, интуиция значительно отличается от рационального, логического способа познания, как «неявное знание». В-третьих, она представляет собой неосознаваемый процесс, «озарение», «просветление». В-четвёртых, в интуиции присутствует аффективный аспект, она проявляется, составляет определённое предчувствие, догадки.

Со второй половины XIX в. и до настоящего времени появляется психологический период, который связан с превращением психологии в экспериментальную науку, что открыло возможности проведения конкретных исследований интуиции, накопления научной базы и построения на этой основе глубоких теоретических обобщений.

Список литературы

1. Медушевская Н. Ф., Чуманов Ю. В., Милюкова Ю. Д. Психологические аспекты интуиции как внерационального метода познания // Проблемы науки. 2016. № 12 (13). С. 106–109. URL: http://www.elibrary.ru/download/elibrary_27537275_72320992.pdf (дата обращения 17.03 2022).
2. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. СПб: Амфора, 2005. 265 с. URL: <http://booksonline.com.ua> (дата обращения 17.03 2022).
3. Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. Асимметрия мозга. М.: МИР, 1983. 256 с. URL: <http://knigi.dissers.ru/books/library1/8284-1.php?> (дата обращения 17.03 2022).
4. Levy J. Psychobiological implications of bilateral symmetry / Dimond S. S., Beaumont S. G. (eds.) // Hemisphere function in the human brain. London: Elek, 1974. Pp. 121–183.
5. Черепанова И. Ю. Дом колдуны: язык творческого, бессознательного. М.: КСП+, 1999. 416 с. URL: http://royallib.com/book/cherepanova_irina/dom_kolduni_yazik_tvorcheskogo_bessoznate_inogo.html.
6. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
8. Степаносова О. В. Современные представления об интуиции // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 133–143.
9. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб: Ювента; Москва: Прогресс-Универс. 1995. 716 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2014. 320 с.
11. Стернберг Р. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 265 с. URL: <http://maglik.ru/intellect/1018-prakticheskiy-intellekt-stenberg-robert-dzh.html> (дата обращения 17.03 2022).
12. Налчаджян А. А. Некоторые особенности перехода из подсознательной сферы в сознание // Сборник научных трудов аспирантов Армянского госпединститута им. Х. Абовяна. Вып. 2. Ереван. 1967.
13. Данакари Л. Р. Интуиция как фактор целостного мышления человека в процессе познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5, № 5А. С. 5–11. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2016-5/1-danakari.pdf> (дата обращения 17.03 2022).
14. Пономарев Я. А. Психология творения. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО МОДЭК, 1999.
15. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2014. 320 с.

Авторская справка

ДАНАКАРИ Лилия Ричарди, кандидат философских наук, доцент, Московский финансово-юридический университет (МФЮА, Волгоградский филиал), Волгоград, Россия.
E-mail: liliya.danakari@yandex.ru

UDC 1:304

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.57

MODERN SOCIAL REALITY AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTUITIVE KNOWLEDGE

L. R. Danakari*Moscow University of Finance and Law (MFUA) (Volgograd branch), Volgograd (Russia)*

Introduction. The article examines the psychological features of intuition in the context of postmodern social action. The author emphasizes the uniqueness of the flow of intuitive processes as in cognition, as well as the practical activity of the individual, living in the conditions of "flow" of existence, uninterrupted risks, instability.

Methods. The presented study includes an analysis of various psychological trends and schools in the study of the problem of intuition, as well as a systematic approach.

Results. In our country, such a symbiosis was not destined to take place due to not only a lack of technology, but also the prevailing rejection between psychological and neurophysiological schools. This determined the relevance of the topic, since the analysis of literary neurophysiological data can help bring the results of psychological work to objective indicators and form a new look at the understanding of intuition.

Conclusion. In the course of solving the tasks set, a diversity in understanding and inconsistency in the interpretation of the phenomenon of intuition in psychology was established, and a periodization of the history of the study of the problem of intuition in foreign and Russian psychological thought was made.

Keywords: intuition; psychology; cognition; unconscious; «jump»; «insight»; invisible knowledge.

References

1. Medushevskaja N. F., Chumanov Ju. V., Miljukova Ju. D. Psihologicheskie aspekty intuiicii kak vneracional'nogo metoda poznaniia [Psychological aspects of intuition as an extrarational method of cognition]. *Problemy nauki* [Problems of Science], 2016. No 12 (13). 106–109 pp. Available at: http://www.elibrary.ru/download/elibrary_27537275_72320992.pdf (accessed 17.03 2022).
2. Sagan K. Drakony Jedema. Rassuzhdenija ob jevoljucii chelovecheskogo razuma [Dragons of Eden. Reflections on the evolution of the human mind]. Saint-Petersburg, TID Amphora Publ., 2005. 265 p. Available at: <https://booksonline.com.ua> (accessed 17.03 2022).
3. Springer S., Dejch G. Levyj mozg, pravyy mozg. Asimmetrija mozga [Left Brain, Right Brain. brain asymmetry]. Moscow, MIR Publ., 1983. 256 p. Available at: <https://booksonline.com.ua> (accessed 17.03 2022).
4. Levy J. Psychobiological implications of bilateral symmetry // Dimond S. S., Beaumont S. G. (eds.) *Hemisphere function in the human brain*. London, Elek, 1974. 121–183 pp.
5. Cherepanova I. Ju. Dom koldun'i: jazyk tvorcheskogo, bessoznatel'nogo [House of the Sorceress: The Language of the Creative, the Unconscious]. Moscow, KSP+, 1999. 416 p. (In Russian).
6. Jung K. G. Oчерки po psihologii bessoznatel'nogo [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow, Kogito-Centr, 1998. 352 p. (In Russian).
7. Maslou A. Motivacija i lichnost' [Motivation and personality]. Saint-Petersburg, Evrazija, 1999. Vol. 1. 479 p. (In Russian).
8. Stepanosova O. V. Sovremennye predstavlenija ob intuiicii [Modern ideas about intuition]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 2003. No 4/ Pp. 133–143. (In Russian).

9. Jung K. G. Psihologicheskie tipy [Psychological types]. Saint Petersburg, Yuventa; Moscow, Progress-Univers, 1995. 716 p. (In Russian).
10. Fromm Je. Imet' ili byt'? [To have or to be?]. Moscow, AST Publ., 1990. 330 p. (In Russian).
11. Sternberg R. Prakticheskij intellekt [Practical intellect]. Saint Petersburg, Piter, 2002. 265 p. Available at: <https://booksonline.com.ua> (accessed 17.03 2022).
12. Nalchadzhjan A. A. Nekotorye osobennosti perehoda iz podsoznatel'noj sfery v soznanie [Some features of the transition from the subconscious sphere to consciousness]. *Sbornik nauchnyh trudov aspirantov Armjanskogo gospedinstituta im. X. Abovjana* [Collection of scientific papers of post-graduate students of the Armenian State Pedagogical Institute. X. Abovyan]. Is. 2. Yerevan, 1967. (In Russian).
13. Danakari L. R. Intuitsiya kak faktor tselostnogo myshleniya cheloveka v protsesse poznaniya [Intuition as a holistic human thinking factor in the cognitive process]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. 2016. Vol. 5. No 5A. 5–11 pp. Available at: <https://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2016-5/1-danakari.pdf> (accessed 17.03.2022).
14. Ponomarev Ja. A. Psihologija tvorenija [The psychology of creation]. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute; Voronezh, MODJEK Publ., 1999. 475 p. (In Russian).
15. Fromm Je. Imet' ili byt'? [To have or to be?]. Moscow, AST Publ., 1990. 330 p. (In Russian).

Author's Bio

DANAKARI Liliya Richardi, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow University of Finance and Law (MFUA) (Volgograd branch), Volgograd, Russia.
E-mail: liliya.danakari@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Данакари Л. Р. Современная социальная реальность и психологические особенности интуитивного познания // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 57–64. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.57

УДК 316.422.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.65

ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТУРИЗМА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Д. В. Ефремова

*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола
(Россия)*

Введение. В статье рассматриваются основные показатели туризма как социального института, проводится анализ статистических данных, предлагается анализ анкетного опроса, на основе которого описываются важнейшие изменения, произошедшие в институте туризма на фоне пандемии 2020 года. В современной социологической науке практически отсутствуют исследования данного института, его влияния на общество, происходящие в нём трансформации. Проникновение туризма во многие сферы общественной жизни даёт новые возможности для характеристики этого института не только как сферы экономики, но и как всеохватывающей сферы.

Методы. Статья основана на анализе статистических данных Всемирной туристской организации, Росстата. Приведён анализ социологического исследования методом анкетирования граждан РФ в возрасте от 22 до 55 лет.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Пандемия 2020 года бросила вызов всему обществу и оказала, пожалуй, сильнейшее воздействие на институт туризма, и дело не только в экономической составляющей. Сейчас, когда можно говорить о туризме – врачевателе современного человека, экономическая составляющая отходит на второстепенный план. Появление COVID-19 рассматривается как переломный момент. С точки зрения туризма, случилось немыслимое. Если раньше отрасль боролась с проблемами избыточного туризма, то затем внезапно переместилась в кризис всего сектора. Границы закрыты, поездки запрещены, общественная деятельность сокращена, а людям рекомендовано оставаться в своих домах. Произошли трансформации не только в общественной жизни, но и внутри самого человека. Анализ социологического исследования даёт чёткое представление о происходящих изменениях, о смещении ориентиров современного общества потребления.

Заключение. Проанализированная работа, а также анализ статистических данных и данных анкетирования подтверждают тезис о том, что пандемический фактор дал толчок к трансформации института туризма, его переориентации.

Ключевые слова: институт туризма; институционализация; общество потребления; пандемия 2020; трансформация.

Введение. Пандемия COVID-19 2020 года оказала огромное влияние практически на все сферы, индустрия туризма не стала исключением. По данным Всемирного совета по путешествиям и туризму, который представляет международную туристическую индустрию, в 2018 году путешественники принесли мировой экономике \$8,8 трлн и обеспечили 10,4 % всей экономической активности. По оценкам организации, всего на этот сегмент приходится 319 млн рабочих мест.

Процессы становления туризма как социального института всегда имеют национальную специфику, отражающую особенности развития социальных отношений в конкретном обществе. Вырабатываемая сегодня стратегия развития туризма в рамках мирового сообщества отражает сложившиеся в последнее время закономерности и противоречия в глобализирующемся экономическом, политическом, культурном, социальном пространствах. Поэтому одной из стратегических целей таких организаций, как ЮНВТО, является выработка рекомендаций по преодолению национальными институтами туризма возникающих сложностей и неравномерностей развития, помощи в создании необходимых институциональных основ на базе накопленного в мировой практике опыта, имеющихся организационных возможностей и общепризнанных стандартов.

Туризм, рассматриваемый в качестве социального института, имеет устойчивые типы и формы социальной деятельности, социально-ценностное ядро, внутреннюю структуру и систему взаимодействий своих элементов, многообразие и динамичность социальных функций в обществе, и это позволяет ему занимать самостоятельное место в социальной системе, обеспечивая устойчивость целой области социальных связей и отношений.

В виде схемы представлена социально-институциональная основа современного туризма. Она представляет собой двухуровневую модель процесса институционализации туризма, в которой определяющую роль играют личностные интересы, ценности, потребности, цели. Первый уровень – личностный (социально-субъектный) даёт представление о механизме формирования устойчивых форм организации и проведения путешествий на основании группирования интересов личности по видам туристических потребностей. Второй уровень раскрывает содержание базовых элементов туризма как социального института, который основан на специфических видах и типах социальных отношений, действий, ценностно-нормативной базе [1, с. 88] (см. рис. 1). Однако нам представляется важным добавить четвёртую составляющую второго уровня – туристскую индивидуализацию, которая будет поддерживаться за счёт инклюзивности института туризма. В туристскую индивидуализацию входят разноплановый характер осуществляемых функций данной отрасли, личностная ориентация, а также противостояние массовости потребления и индивидуализации потребления.

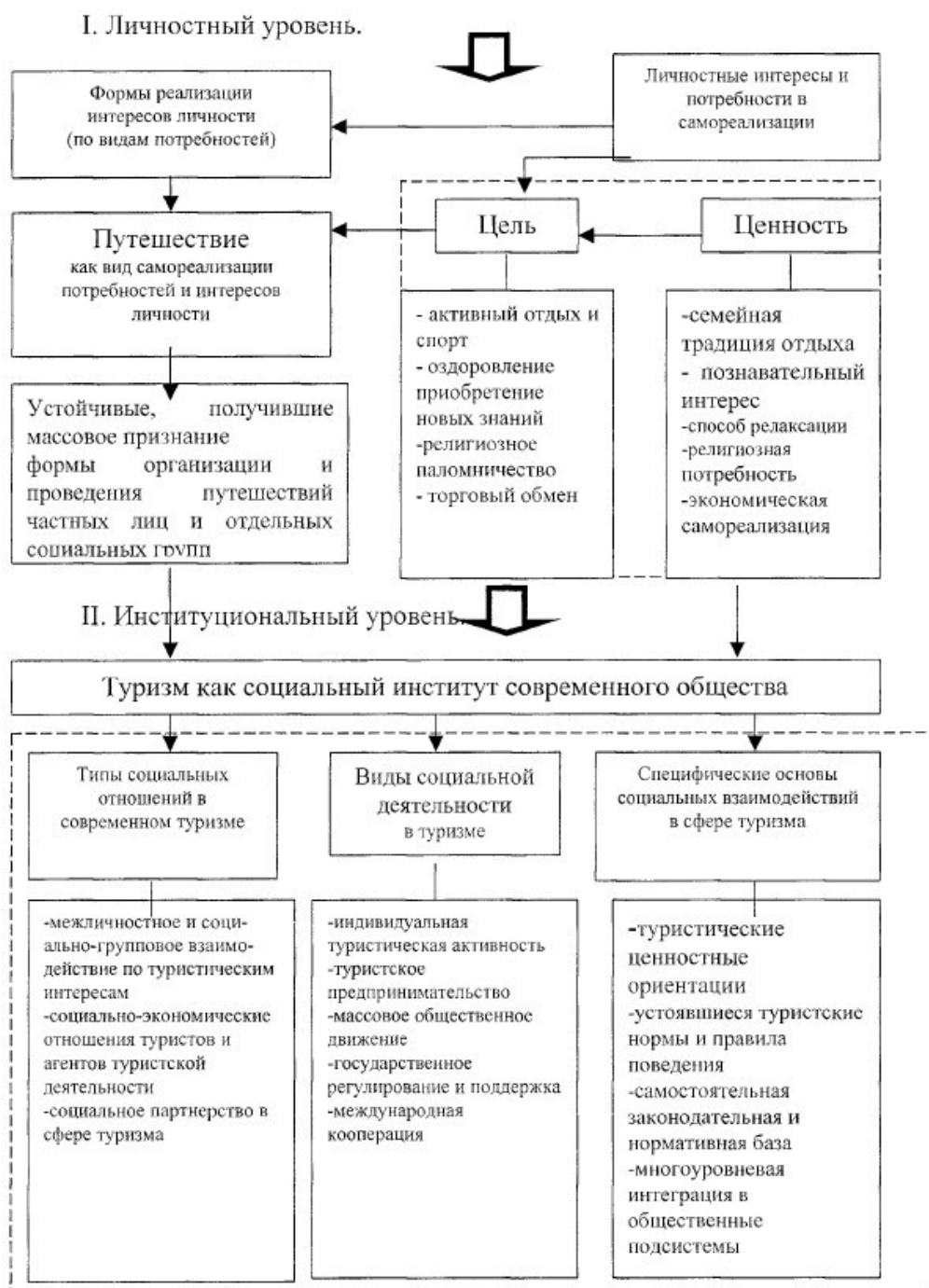

Рисунок 1. Социально-институциональная основа современного туризма

Методы. Пандемия 2020 года внесла свои коррективы в означенную сферу деятельности. Власти закрывают государственные границы, поэтому компании из туриндустрии ищут любые способы, чтобы выжить. В США и Великобритании о банкротстве объявили уже как минимум три региональных авиаперевозчика. Чтобы предотвратить упадок данного сегмента, американские власти предоставили местным авиакомпаниям \$58 млрд в виде кредитов и зарплатных грантов. В России к концу 2020 года на треть ожидалось снижение предприятий, работающих в гостиничной сфере. Пандемия коронавируса вызвала банкротства и в круизной индустрии.

Некоторые страны пострадали более других, потому что туризм – основа их экономики. Из приведённой ниже диаграммы (рис. 2) следует, что среди 20 крупнейших экономик мира от этого сегмента сильнее всего зависят Таиланд и Филиппины (там он обеспечивает более одной пятой ВВП). Экономикам Испании и Италии, которые сильно пострадали от коронавируса, тоже грозит существенный ущерб. Южная Корея, меньше всего опирающаяся на туризм, лучше других справилась со вспышкой COVID-19.

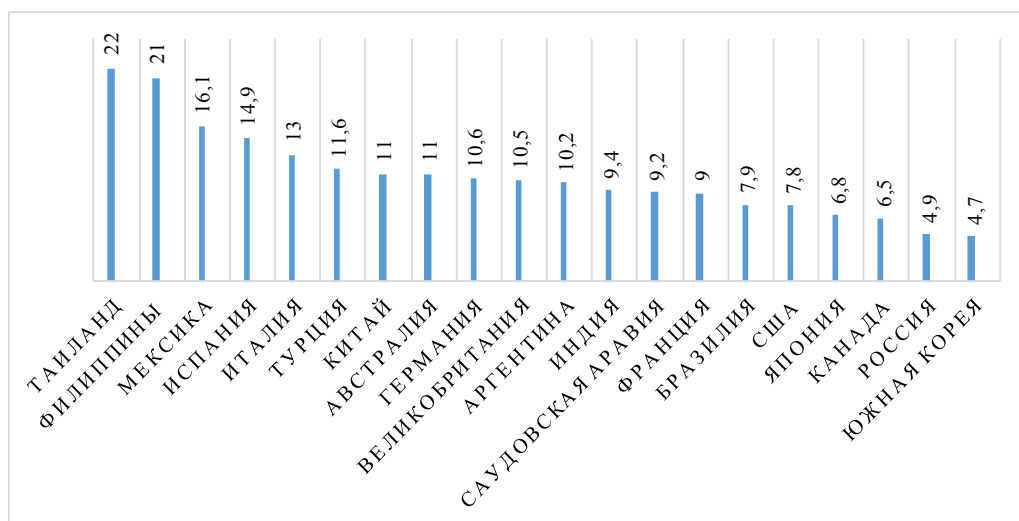

Рисунок 2. Зависимость 20 крупнейших экономик мира от путешествий и туризма.
Данные за 2018 год в виде процентного соотношения к ВВП [4]

В абсолютных цифрах наибольшие потери понесёт туриндустрия США, в основном из-за масштабов экономики. Шесть из 10 стран мира, больше всего зарабатывающих на путешественниках, также входят в первую десятку стран по числу заражений коронавирусом. Это свидетельствует о сильной корреляции между популярностью направления среди туристов и распространением инфекции.

Однако наиболее серьёзные последствия, скорее всего, ощутят малые островные государства, которые сделали туризм основой экономики. Из 20 стран, ВВП которых сильнее всего зависит от путешественников, 15 являются малыми островными государствами. Исландия, экономика которой заметно пострадала во время финансового кризиса 2008 года, снова может оказаться в неблагоприятном положении, так как больше трети её ВВП приходится на туризм.

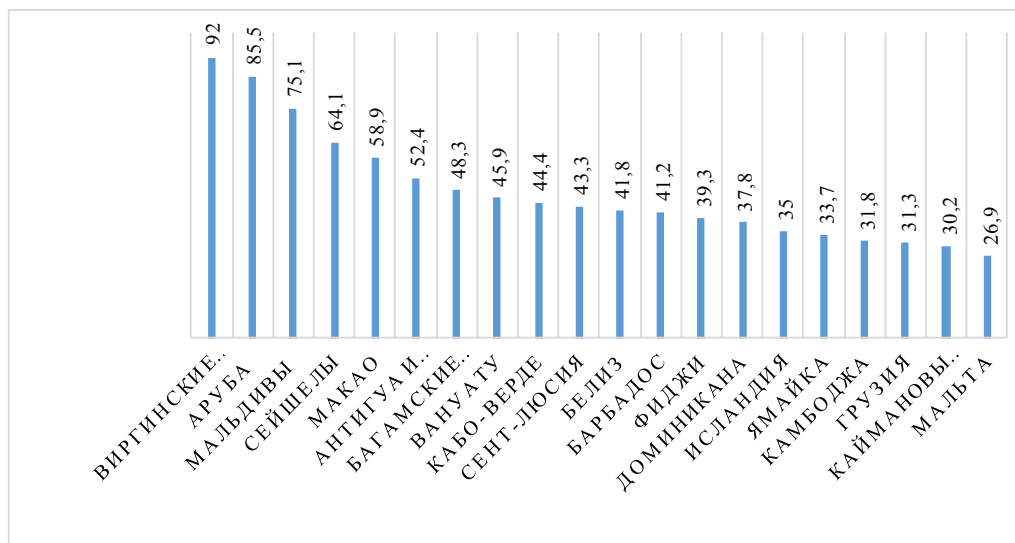

Рисунок 3. Страны, которые сильнее всего зависят от туризма и путешествий.
Данные за 2018 год в виде процентного соотношения к ВВП [4]

Основываясь на представленных данных процентного соотношения государств к туристической отрасли, можно предположить социальные последствия от снижения активности данного сектора экономики (рис. 3).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Рассмотрим основные социальные последствия упадка туризма на примере Российской Федерации. В первую очередь нужно обратить внимание на то, что любое сокращение покупательной способности, в данном случае сокращение туристических потоков, напрямую влияет на сокращение сотрудников в данной сфере, а это ведёт к безработице. Говоря о ситуации в России, число безработных соотечественников в мае 2020 года достигло 4,513 млн человек, что на 227 тыс. больше, чем в апреле (4,286 млн человек). Это следует из оценки Росстата с использованием предварительных итогов выборочного исследования рабочей силы в соответствии с методологией Международной организации труда. Уровень безработицы в мае составил 6,1 % от рабочей силы по сравнению с 5,8 % в апреле

2020 года, что является максимальным значением с марта 2012 года (тогда уровень безработицы достигал 6,3 %). Рост числа безработных в мае 2020 года в годовом выражении (то есть к маю 2019 года) составил 32,7 %, а по сравнению с апрелем 2020 года – 5,3 %, следует из данных Росстата. Как следствие, можно увидеть ухудшение материального состояния граждан, миграцию населения с целью улучшения своего экономического состояния, а также смену профессиональной деятельности [5].

Также следует проанализировать отдельные показатели деятельности организаций туристической индустрии. На начало 2020 года средняя численность работников, занятых в этом бизнесе, составила 1 176 843 человека. Начиная с апреля 2020 года произошло снижение занятых до 1 134 236 человек, что означает уменьшение занятости на 42 607 человек (27 % от общего числа). Минимального порога данный показатель достиг в июне, что составило 1 117 919 занятых человек. От показателя на начало года произошло уменьшение занятости на 58 924 человека. Начиная с июля отмечено незначительное увеличение числа занятых в туристической индустрии – на 19 220 человек. Данные цифры могут свидетельствовать о нестабильном положении на рынке труда в туристической индустрии.

Необходимо проанализировать среднемесячное начисление заработной платы работникам данной отрасли. На начало 2020 года сумма составила 55 140,5 руб. С апреля можно наблюдать значительное её уменьшение – до 46 163,4 руб. (разница составила 8 977,1 руб.). Также апрель можно отнести к месяцам с минимальным порогом средней заработной платы. Нужно отметить, что в апреле прекратилось снижение показателей оплаты занятых в сфере туризма, а начиная с мая наблюдается незначительное увеличение – на 1 074 руб. Но в ноябре 2020 года среднемесячная заработная плата не вернулась к показателям на начало года и, по данным Росстата, составила 50 922,4 руб. (на сентябрь).

Выделим две, на наш взгляд, наиболее важные функции туризма как сложного социально-культурного и экономического феномена современности:

1. Функция психофизической реабилитации, терапии и отдыха человека как жителя искусственной среды средних и больших городов (жителя городской цивилизации) через его соприкосновение с природой, полноценным питанием, оздоровлением, спокойными ритмами жизни в условиях современных гостиничных и курортных центров;

2. Функция экзистенциальной реабилитации человека как целостного существа, преодолевающего объективированную ситуацию современной цивилизации и массовой культуры во всех их проявлениях (труд, политика, право, потребление, манипуляции над сознанием и поведением современных индивидов...). Экзистенциальная реабилитация восстанавливает чувство и понятие свободы человека как творческого существа в мире [2, с. 90].

Отсутствие возможности путешествовать лишает человека чувства свободы, счастья, спокойствия. Для более детального изучения данного вопроса было проведено социологическое исследование методом анкетирования 510 граждан РФ в возрасте от 22 до 55 лет со средним и выше среднего уровнем дохода. Анкетирование проводилось с помощью сайта sociotrix.com, туристических агентств, личного анкетирования.

Среди опрошенных 80 % – представители женского и 20 % – мужского пола. 40 % респондентов отметили, что до пандемии коронавируса путешествовали один раз в год, 30 % – два раза в год, 20 % – один раз в несколько лет, 10 % – реже одного раза в год. Эти данные свидетельствуют о том, что потребность в путешествиях ощущается современным человеком особо остро.

Говоря о том, когда было совершенно последнее путешествие, 50 % опрошенных отметили, что путешествовали крайний раз один год назад, 30 % – полгода назад, и 20 % – несколько лет назад. В 2020 году совершили туристическую поездку 60 % опрошенных. Сравнивая показатели путешествий до и во время пандемии, можно отметить, что неблагоприятная эпидемиологическая ситуация не испугала граждан путешествовать, однако если сравнивать направления путешествий, то можно увидеть изменения. До пандемии 60 % опрошенных совершали поездки в дальнее, а 20 % – в ближнее зарубежье, 20 % – по России. Во время пандемии те, кто ответил о совершённом путешествии, отметили, что путешествовали по России.

По цели путешествий респонденты чаще всего выбирали такие варианты ответов: «отдых», «развлечения» и «знакомства». Чувства, которые испытывали во время путешествий: «наполнение новыми силами, эмоциями», «радость свободы от дел», «восторг», «счастье», «удовольствие», «восхищение, заинтересованность, умиротворение», «насыщение» (духовное). Эти ответы подтверждают основные функции туризма, которые были описаны ранее.

Ключевым моментом стал вопрос: что испытывал человек от невозможности совершать путешествия? Чаще всего были следующие ответы: «апатия», «грусть», «обида», «печаль», «отчаяние», «ненависть», «раздражение», «разочарованность». Это может свидетельствовать о том, что современный человек не представляет своей жизни без туризма, ему необходима разгрузка от повседневных напряжений.

Выполняя важнейшие функции в жизни человека, институт туризма выступает в качестве значительного фактора самоорганизации современного индустриально-постиндустриального общества, в котором миллионы людей находятся в непрерывной стрессовой ситуации адаптации к меняющимся условиям и выживания в жёсткой конкурентной среде за удобное место под солнцем. Именно эти люди нуждаются в непрерывной реабилитации и как рабочая сила, и как полноценные личности. Реализация этой важнейшей функции позволяет говорить о ту-

ризме как о перспективном врачевателе и канале разрядки негативных эмоций человека, ставшего строительным материалом (своеобразным человеческим инструментом) современной цивилизации, в которой он всё в большей степени становится не субъектом, а объектом внешних целей, ценностей и факторов деятельности. Лишившись возможности путешествовать, реабилитирующая связь теряется.

Далее обратимся к такому направлению в психологии, как психосоматика. Психосоматика – это течение в медицинской науке и психологии, заключающееся в изучении воздействия факторов психологического характера (эмоций, переживаний, чувств) на появление различных соматических недугов. Согласно этому направлению, все человеческие патологии корнями уходят в психологические несовпадения стремлений души, подсознания человека и его дум. В рамках рассматриваемого течения изучаются взаимосвязи между личностными характеристиками (поведенческие стили, черты характера, конституциональные особенности) и определёнными телесными недугами. Иными словами, психосоматика заболеваний является наукой, объединяющей в себе физическое тело и внутреннюю вселенную человека – его душу [3, с. 60].

Обращаясь к данной теории, человек, испытывая чувства грусти, обиды, отчаяния, ненависти, подвергается таким недугам, как общая слабость, болезни крови, различные высыпания и язвы, простудные заболевания. Это ещё раз подтверждает тот факт, что туризм является «лекарем», восстанавливает не только физическое, но и психологическое здоровье человека.

Также следует упомянуть о сложившихся изменениях, которые произошли в структуре общения в туризме, а именно: смещение взаимоотношений от реальных к виртуальным. Если раньше потребитель мог прийти в офис турфирмы, напрямую пообщаться с турагентом, задать интересующие вопросы, просмотреть предложения (была возможность общения между людьми), то теперь произошло смещение взаимоотношений от реальных к виртуальным. Виртуальное общение представляет особый мир, в котором человек может быть самим собой или кем-то другим, не боясь выражать свои эмоции, чувства, совершая самые невероятные поступки, не боясь пожалеть об этом. К сожалению, виртуальное общение занимает главное место и часто является единственной формой более-менее полноценного общения. В результате появляется проблема, когда виртуальные коммуникации начинают заменять и вытеснять обычное живое общение. Когда человек, например, большую часть суток «висит» в чате, когда живая реальность перестаёт интересовать, виртуальный мир кажется более привлекательным, а со временем становится единственно возможной безопасной средой общения.

Заключение. Подводя итог влияния пандемического фактора на институционализацию туризма, можно сделать следующие выводы, которые свидетельствуют об изменениях в институте туризма:

- возникновение экономической нестабильности стран, в наибольшей степени зависимых от туристической отрасли;
- сокращение сотрудников, работающих в данной отрасли, возникновение безработицы;
- проявление признаков миграции граждан внутри своей страны с целью улучшения личного финансового состояния;
- смена профессиональной деятельности;
- снижение покупательской способности граждан;
- ухудшение психологического и физического состояния граждан;
- смещение взаимоотношений от реальных к виртуальным.

Однако нельзя не отметить и положительного воздействия пандемического фактора на институт туризма, это:

- увеличение турпотока внутри страны;
- сокращение миграции в другие страны;
- появление и развитие новых направлений туризма;
- стабильность социальных ролей в институте туризма;
- усиление значимости оздоровительного туризма;
- расширение функций института туризма.

Возвращаясь к рисунку 1, можно отметить, что пандемия 2020 года оказала влияния как на 1-й, так и на 2-й уровень социально-институциональной основы современного туризма.

В ситуации гиперсложности [11], понимаемой, прежде всего, как ситуация чрезмерно большого количества взаимозависимостей в индустрии туризма, чрезвычайно возрастает роль малых воздействий, стихийно проявляющихся или специально формируемых для достижения определённых целей. Именно поэтому институт туризма может быть определён не просто как гиперсложная система, но и как важная составляющая внешней и внутренней социально-экономической стабильности и устойчивого развития общества в глобализирующемся мире [11].

Список литературы

1. Осауленко А. П. Туризм как социальный институт: дис... д-ра социол. наук. 22.00.04. М., 2002. 300 с.
2. Туризм, коммуникация, реклама в обществе потребления / под ред. В. П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2016. 373 с.
3. Фролова Ю. Г. Психосоматика и психология здоровья: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Оформление, 2003. 170 с.
4. Официальный сайт Всемирной туристической организации. URL: <https://www.unwto.org/>, свободный (дата обращения 27.01.2021).
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>, свободный (дата обращения 25.12.2020).
6. Higgins-Desbiolles F. The potential for justice through tourism // *Via Tourism Review* (Online journal). 2018. № 13. Retrieved 3 April 2020. URL: <https://journals.openedition.org/viatourism/2469>. DOI:10.4000/viatourism.2469.

7. Monbiot G. How sustainability became «sustained growth». URL: <http://www.monbiot.com/2012/06/22/how-sustainability-became-sustained-growth/> (дата обращения 20.01.2021).

8. Roitman J. Anti-crisis. Durham: Duke University Press, 2014. 157 p.

9 Street F. Is the cruise industry responsible for overtourism? // CNN Travel online. Retrieved April 2020. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/overtourism-cruise-industry/index.html> (дата обращения 20.01.2021).

10. Is Decoupling GDP Growth from Environmental Impact Possible? / Ward J. D., Sutton P. C., Werner A. D., Costanza R., Mohr S. H. // PLOS ONE. 2016. № 11 (10): e0164733. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0164733>.

11. Шалаев В. П. Институт туризма в глобальном обществе потребления // Наука и туризм: стратегии взаимодействия / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. Редькина А. Г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. Вып. 13. 5–16 с.

Авторская справка

ЕФРЕМОВА Дарья Владимировна, старший преподаватель, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: EfremovaDV@volgatech.net

UDC 316.422.42

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.65

PANDEMIC 2020 AS A FACTOR OF THE INSTITUTIONALIZATION OF TOURISM IN THE CONSUMER SOCIETY

D. V. Efremova

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article examines the main indicators of tourism as a social institution, analyzes the statistical data. An analysis of the questionnaire survey is carried out, on the basis of which the most important changes that have occurred in the Institute of Tourism against the background of the 2020 pandemic are described. In modern sociological science, there are practically no studies of the institute of tourism, its impact on society, the transformations taking place at the institute. The penetration of tourism into many spheres of public life gives new opportunities to characterize the institution of tourism not only as a sphere of the economy, but also as an all-encompassing sphere.

Methods. The article is based on the analysis of statistical data from the World Tourism Organization, Rosstat. The analysis of the sociological research, by the method of questioning the citizens of the Russian Federation at the age from 22 to 55 years.

Results. Pandemic 2020 has had perhaps the strongest impact on the institution of tourism, and it's not just the economic component. Now, when we can talk about tourism - the healer of modern man, the economic component is relegated to a secondary level. The arrival of COVID-19 has been viewed as a watershed moment. In terms of tourism, the unthinkable has happened. While previously the industry was grappling with concerns of overtourism, we suddenly have been catapulted into a collapse of the entire sector. Borders have been closed, travel has been banned, community activities have been curtailed, and people have been encouraged to stay in their homes. Transformations took place not only in public life, but also within the person himself. The analysis of sociological research gives a clear idea of the changes taking place, of the shift in the guidelines of the modern consumer society.

Conclusion. The analyzed work and analysis of statistical data and survey data confirms the thesis that the 2020 pandemic gave an impetus to the transformation of the institution of tourism, to its reorientation.

Keywords: institute of tourism; institutionalization; consumer society; pandemic 2020; transformation.

References

1. Osaulenko A. P. Tourism as a social institution: dis... doc. social sciences. 22.00.04. Moscow, 2002. 300 p.
2. Tourism, communication, advertising in the consumer society. Shalaeva V. P. ed. Yoshkar-Ola, VSUT, 2016. 373 p.
3. Frolova Yu. G. Psychosomatics and health psychology: textbook. allowance. 2nd ed. Rev. and add. Minsk, Registration, 2003. 170 p.
4. Official site of the World Tourism Organization. Available at: <https://www.unwto.org/>, free (accessed 27.01.2021).
5. Official site of the Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/>, free (accessed 25.12.2020).
6. Higgins-Desbiolles F. The potential for justice through tourism. *Via Tourism Review*. 2018. No 13. Retrieved 3 April 2020. Available at: <https://journals.openedition.org/viatourism/2469>. DOI:10.4000/viatourism.2469.
7. Monbiot G. How sustainability became «sustained growth». Available at: <http://www.monbiot.com/2012/06/22/how-sustainability-became-sustained-growth> (accessed 20.01.2021).
8. Roitman J. *Anti-crisis*. Durham: Duke University Press, 2014. 157 p.
9. Street F. Is the cruise industry responsible for overtourism? CNN Travel online. Retrieved April 2020. Available at: <https://edition.cnn.com/travel/article/overtourism-cruise-industry/index.html> (accessed 20.01.2021).
10. Ward J. D., Sutton P. C., Werner A. D., Costanza R., Mohr S. H. (2016). Is Decoupling GDP Growth from Environmental Impact Possible? *PLOS ONE*, 11 (10): e0164733. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0164733>.
11. Shalaev V. P. Institut turizma v global'nom obshchestve potrebleniya [Institute of Tourism in the Global Consumer Society]. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeystviya* [Science and Tourism: Strategies for Interaction]. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya RF, Altayskiy gosudarstvennyy universitet; pod red. Red'kina A. G. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2021. Vyp. 13. Pp. 5–16.

Author's bio

EFREMOVA Daria Vladimirovna, senior lecturer of the Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: EfremovaDV@volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Ефремова Д. В. Пандемический фактор институционализации туризма в обществе потребления // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 65–75. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.65

УДК 316.33

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.76

COUNTERMEASURES TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF E-COMMERCE HIRING

T. Lipai¹, Q. Shen²

¹Minsk City Institute for the Development of Education, Minsk (Belarus)

²Department of Economics and Enterprise Management of the Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno (Belarus); SND Group. Suzhou SND Group CO., Ltd, Suzhou (China)

Introduction. With the rapid development of information technology, the rapid development of Internet e-commerce enterprises, the proportion of the market has increased year by year, and more and more companies involved in the e-commerce industry. However, due to the limited experience in talent resource management of e-commerce companies, as the information technology industry continues to grow and expand, the Internet e-commerce talent gap is gradually expanding, and the phenomenon of industry peers poaching each other for high-quality talent is becoming more and more serious.

Methods: Analysis of sources and results of research related to efficiency and the recruitment process.

Results. The article analyzes the problems of recruiting personnel in Internet companies, based on the existing theory of recruiting personnel.

Conclusion. Authors proposed strategies to improve the effectiveness of recruitment, such as improving the planning of recruitment, enhancing the competency level of recruiters, and scientifically using recruitment assessment methods, in order to provide strong guidance for corporate recruitment

Keywords: social processes; human resource management; social interaction; countermeasures; e-commerce enterprises.

Introduction. At present, the level of modernization of countries are mainly reflected by its level of Internet development. As a result, countries are currently devoting a lot of attention to the development of Internet development strategies and are committed to promoting social progress through it. The emergence of the Internet in response to the needs of the information technology industry has greatly changed the previous mode of production and transaction, making it easier for enterprises to produce, sell and operate. The emergence of the Internet has brought more business opportunities and facilitated the forward development of enterprises. With the support of computer network, e-commerce environment and communication technology, the important platform that constantly integrates internal and external resources, increases efforts to publicize products and services, promotes online sales of products, and enables consumers to seamlessly connect with products and enterprises and share knowledge is the Internet e-commerce enterprise. With the continuous launch and development of online shopping, online payment, online bill payment and other businesses, Internet e-commerce compa-

nies have ushered in a new round of development climax. However, most of the e-commerce companies are start-up companies with imperfect corporate culture and formulation, coupled with a large gap of e-commerce talents and poor job stability, the overall development speed is slow.

Methods – Analysis of sources and results of research related to efficiency and the recruitment process.

Main ideas, results and discussion.

1. Literature review of research on countermeasures to enhance recruitment effectiveness

«Recruitment» has been widely used in business management theory and practice, but there is still no consensus on the basic definition of «recruitment» in academia. Many researchers have been discussing the term «recruitment» separately from «selection». In interpreting the two terms, scholars generally point out that «recruitment» refers to the process of attracting people to an organization, while «selection» is the post-recruitment operation that aims to eliminate unsuitable candidates and ensure that they match the job requirements. Sara Rynes, through her comprehensive look at recruitment, points out that in practice, recruitment and selection are unified and cannot be separated from each other [1]. Recruiting is an important process for identifying and attracting applicants by positioning them. Barber in his interpretation of recruitment, has noted that recruitment is a time-limited activity of attraction and location identification of potential employees [2].

The definition of «recruitment» as interpreted by international researchers is as follows: when an organization has a need for talent, it uses various channels to seek and attract candidates who meet the requirements, and then selects creative and suitable candidates through scientific methods and makes an offer to them.

From the basic connotation of recruitment, it is clear that recruitment is an important component of the human resource management system. Recruitment is in line with the realistic development strategy of the enterprise, especially the human resource strategy. Based on this, the human resource department should establish a scientific and reasonable recruitment process, which requires recruiters to carry out the recruitment work in an orderly manner while guiding the candidates to understand and be familiar with the company, so as to ensure that both recruiting and applying parties can understand each other.

Recruitment effectiveness exploration originates from the exploration of the relationship between business economic efficiency and human resources. Huselid M., Jackson S., Schuler R. proposed and elaborated a method of inquiry related to human resource management [3]. It lists thirteen indicators of human resources work and assumes

that the achievement of these indicators contributes to the optimization of corporate finance. Among them, there are two main indicators about recruitment, one is the frequency of recruitment and the other is the selection of hiring. McClelland D. C. proposed and interpreted the concept of competency [4]. Based on modern research, it is clear that competencies have become a key indicator of hiring effectiveness. In addition, theories on recruitment effectiveness are increasing day by day, such as value engineering theory and game theory.

Researcher Du Jing suggested that recruitment effectiveness refers to the application of the right way to allocate staff, jobs and company resources at the right time [5]. Zhang Yukun, in discussing recruitment effectiveness, proposed that recruitment effectiveness mainly refers to the comprehensive optimization of the recruitment process by the enterprise playing its own organizational coordination or decision-making function to ensure the optimal allocation of human, financial and physical resources, and thus comprehensively improve the overall recruitment efficiency of the enterprise and achieve the expected recruitment goals [6].

Combined with the basic connotation of «recruitment», «recruitment effectiveness» can be interpreted as follows: when seeking candidates, organizations continue to improve the recruitment process, scientific allocation of recruitment resources, and strengthen the comprehensive capabilities of recruitment, so as to promote the organization's expected recruitment objectives to maximize the achievement of the characteristics of the recruitment is the recruitment effectiveness.

The fundamental requirement of recruitment is to match people with jobs. The most ideal recruitment effect can be achieved by matching the candidate's working ability and job responsibilities. In order to enhance the comprehensive competitiveness of enterprises, enterprises generally apply many different ways to absorb talents from outside, in order to help enterprises, improve their management ability, establish their brand and strengthen their market operation foundation. Candidates participate in interviews with the aim of seeking jobs that are conducive to their career development plans and reflect their social values. Therefore, recruitment is a two-way interaction and two-way selection process. The company should choose the most suitable talent according to the job demand, and the candidate should choose the most matching job with his own career plan.

Holland J. L. engaged in human resource management research, put forward and discussed in detail the man-job matching theory [7]. He pointed out that the ultimate goal of enterprise recruitment is to match the job with the personality characteristics of the candidate to the maximum extent. He made six classifications of candidates' personalities: traditional, practical, social, research, artistic, and entrepreneurial. Subsequently, he developed the Career Self-Exploration Scale based on the Career Preference Ques-

tionnaire to analyze in depth the types of career interests required by different personality traits. After measurement, Holland concluded that the highest score of the career type is the one that best fits the personality profile of the candidate.

The research theory of matching candidate personality traits with their career interest types optimizes corporate recruitment concepts to some extent.

Schein applied the interview method, enterprise survey method, questionnaire survey method and talent assessment method to follow the actual recruitment, and thus summarized a better career orientation theory and proposed and explained the concept of career anchor [8]. The so-called career anchor mainly refers to the individual who chooses a career based on his or her own values to determine the position and develop his or her career. She subdivides career anchors into eight different types: life, service, management, technical, entrepreneurial, security and stability, independence, and challenge. The career anchor theory approach is widely used in corporate recruitment and is a key tool for testing candidates. Candidates can also use it to improve their career planning practice.

Based on career anchor support, companies can fully understand the career orientation and goals of their employees, which makes it easy for the HR department to grasp the employees' ideas about their current positions and future career plans. This improves the efficiency of enterprise talent management to a certain extent.

Employees can optimize their career planning by participating in career anchor tests and make targeted actions to achieve their career goals. Companies can provide training and promotion opportunities according to employees' career development needs to encourage them to reach their career goals by continuously moving towards the ideal career level. By helping employees to achieve their career development goals, enterprises can help employees to increase their motivation to feed the enterprise, increase the economic benefits of the enterprise, and contribute to the win-win situation of the enterprise and employees.

Using career anchors to help employees clearly position themselves helps promote active learning and development. In the process of performing their duties, employees will inevitably encounter difficult problems. Properly providing problem-solving assistance helps employees identify work deficiencies in a timely manner, target self-improvement, and strengthen their own work skills.

The purpose of career anchor is to help employees clearly position their careers, so that they can fully discover and recognize themselves and promote self-development.

Companies tend to apply the quality model in the interview, written test and event analysis to evaluate the professionalism and other qualities of the candidates, and then use them as the basis for selecting and hiring the right candidates. Companies prefer to use tests to assess the core qualities of candidates to see if they match the company's

development plan, thus increasing the effectiveness of recruitment.

McClelland in his research, introduced and explained the concept of competencies, which he noted that an individual's values, work attitudes, motivation and personality all influence his work situation [4]. Competency can help companies distinguish between employees of good and average quality.

Recruitment effectiveness is mainly influenced by the following three factors: firstly, the internal factors of the company, such as corporate image. The second is the external factors, mainly referring to the labor market, national policies, laws and regulations, competitors, etc.; the third is the candidate factors, such as the candidate's knowledge level, working ability, practical experience, professionalism, major, etc.

Richard E. Boyatzis suggested that recruitment effectiveness benefits from the following supports: a scientific and reasonable talent concept; a business strategy that meets the realities of enterprise development. appropriate human resource planning; clear job descriptions; collaborative cooperation of hiring departments; high quality of recruitment workers; and the integrity principle of the company and the integrity quality of the candidates [9].

Wang Hui provides an in-depth analysis of the recruitment of Chinese enterprises [10]. By analyzing the recruitment problems, the relevant countermeasures to improve the effectiveness of recruitment are proposed: clarify the hiring needs and construct a perfect recruitment plan. Strictly abide by the principle of fair competition; select efficient talent recruitment channels to save costs; understand the motivation of the candidates, grasp the candidates' working ability, and comprehensively examine the personality traits and core qualities of the candidates. In discussing recruitment effectiveness Shu Jing stated that companies can apply the following methods to improve their talent recruitment efficiency: first, strengthen managers' talent awareness to make them understand the important role of recruitment effectiveness; second, continuously enhance the recruitment ability of recruitment workers and improve their comprehensive quality; third, establish and optimize the corporate recruitment process; fourth, select efficient recruitment channels to save recruitment costs; fifth, clarify specific recruitment objectives, building a perfect talent selection standard and sounding the current recruitment quality assessment mechanism [11].

2. Countermeasures to improve the effectiveness of e-commerce enterprise recruitment

Clarify the personnel demand and realize the matching of people and jobs. Before recruitment, enterprises should scientifically predict and analyze the demand and supply of human resources in terms of quantity and quality in the development process according to the requirements of enterprise development strategy [12]. In addition to human resource planning, e-commerce enterprises must clarify the ability requirements for new

employees and the responsibility authority of the position through job analysis. Some of the job conditions, scope of duties, and competency requirements in the job analysis will be presented in the job advertisement; a good job analysis can help job seekers position themselves correctly. At the same time, the competency requirements are an important basis for the selection criteria, making it clear to the examiner what competency qualities the talent to be selected should have. Recruitment is a two-way selection process for job seekers and employers, and the results of job analysis provide reference standards for both parties to choose in different forms, which provides favorable conditions for the realization of job matching. In addition, man-job matching must be based on the general background of corporate culture, so e-commerce enterprises can reverse the corporate culture, change the practice of first admitting and then instilling the company's corporate culture into new employees, and take the core values in the corporate culture as the implicit standard for recruiting and selecting new employees to ensure that the new employees recruited by the enterprise match the whole enterprise and the overall situation of the long-term development of the enterprise.

Select diversified recruitment channels to ensure the quality of job seekers. E-commerce enterprises should choose diversified recruitment channels according to the specific characteristics of enterprises and positions, and ensure that there are sufficient numbers of job seekers while using the recruitment channel itself as a barrier to ensure that job seekers have certain skills and qualities. Among the many recruitment methods, internal recommendation, network recruitment and campus recruitment are more suitable for e-commerce enterprises.

Network recruitment is cheaper; it has the function of «ability identification»; and it has strong applicability in time and space. These characteristics of network recruitment can solve the problems of limited recruitment resources, tight recruitment time and the need to attract sufficient number of job seekers for e-commerce enterprises. In the network recruitment, «circle recruitment» can be regarded as a newcomer, which refers to the way of posting recruitment information in professional circles such as certain professional websites or forums, and then recruiting in this circle. «Circle recruitment» has two major advantages: First, recruitment in a certain professional circle narrows the scope of screening and ensures the quality of job seekers. Second, «circle recruitment» is inexpensive and highly flexible. However, it is worth noting that «circle recruitment» is free and strong, lack of supervision and management, prone to recruitment traps and many other problems. E-commerce companies should make good use of and carefully use «circle recruitment».

Use multi-level selection techniques to identify talent. Structured interview, evaluation center technology, psychological testing and other selection techniques of the hierarchical comprehensive use of e-commerce enterprises to improve the effectiveness of

recruitment is of great significance. Structured interview is one of the more popular selection and assessment techniques used by e-commerce companies, but if only this type of interview is used to make hiring decisions, its effectiveness is questionable. Moreover, due to the lack of attention to recruitment in e-commerce companies, there are problems such as irregular operation and inadequate preparation in structured interviews. To better identify talent, e-commerce companies should use multi-level selection techniques to identify talent in combination with the type of recruitment position. For example, for recruiting sales staff, you can combine structured interviews with role-play assessment methods.

For positions that require psychological testing, personality test scales personality theory can be used to measure the personality traits and interests of job seekers for decision-making purposes. In addition, e-commerce companies can also put job seekers into the corporate environment to observe them. For example, invite candidates who have passed the initial test to participate in some of the company's activities, taking the opportunity to observe the candidates and identify problems. The use of «overall compensation» to retain first-class talent. E-commerce companies and industry-leading companies, compared to its salary can not attract candidates to stay in the company. Therefore, e-commerce companies in salary negotiations should pay attention to the attention of the job seekers from the salary to its unique bonus culture and welfare benefits to avoid its salary shortcomings. Salary negotiation is actually a game between enterprises and job seekers, the key is to find a mutually acceptable balance point.

Conclusion. Currently, academic research on recruitment is mostly focused on problem and countermeasure analysis. Although some scholars have proposed the construction of an index system to assess the effectiveness of recruitment, it only remains theoretical and does not fit with the reality of the company. As an important object for the optimization and upgrading of industrial structure, the human resource management of Internet e-commerce companies is particularly important.

E-commerce enterprises to establish a sound recruitment assessment system can be considered from the following four aspects. First, based on the assessment of recruitment results. That is, to fill the number of vacancies, timeliness, new employees and corporate culture, the degree of job matching assessment. Second, the assessment based on recruitment cost. That is, to assess whether the needs of the company are met at the lowest cost. Third, the assessment based on the quality of new employees. From the perspective of the new employee's professional skills, collaboration ability and the satisfaction of the employing department during the probationary period. Fourth, the assessment based on recruitment channels and methods.

However, through the analysis of the current situation of recruitment, it is found

that there are still some problems in the current situation of enterprise recruitment, and the innovation and reform of enterprise recruitment is imperative.

References

1. Rynes Sara L. Recruitment, Job Choice and Post-Hire Consequences: A Call For New Research Directions. Available at: <https://ecommons.cornell.edu/handle/1813/77274>.
2. Barber A. E. Recruiting employees: individual and organizational perspectives. London, SAGE Publications, 1998. 172 p.
3. Huselid M., Jackson S., Schuler R. Technical and Strategic Human Resource Management Effectiveness as Determinants of Firm Performance. *Academy of Management Journal*, 1997. Vol. 40. No 1. Pp. 171–188.
4. McClelland D. Testing for competence rather than for «intelligence». *The American psychologist*, 1973. Vol. 28. No 1. Pp. 1–14.
5. Du J. Analysis of factors affecting the effectiveness of pop-up advertising recruitment. *Science and Technology Outlook*, 2015. Vol. 33. 224 p.
6. Zhang Y. K. Research on the effectiveness of enterprise talent recruitment. *Modern business*, 2015. Vol. 33. Pp. 55–56.
7. Holland J. L. Making Vocational choice: a theory of Vocational Personalities and work Environments. *Psychological Assessment Resources*, 2007. Vol. 06. Pp. 22–28.
8. Schein E. H. Career dynamics: Matching individual and organization needs. MA: Addison-Wesley, 1978. Pp. 32–38.
9. Boyatzis R. et al. Clustering competence in emotional intelligence: Insights from the Emotional Competence Inventory. Available at: http://www.eiconsortium.org/reprints/clustering_competencies_insights_from_the_eci360.html.
10. Wan X. Recruitment management. *Science Press*, 2011. Pp. 241–243.
11. Shu J. Research on the effectiveness of recruitment in MK based on competency model // Beijing University of Chemical Technology, 2015.
12. Lipai T. P., Tchanturia N. G., Goderdzishvili B. G. Career, Stigmatization, and Formation of the Entrepreneurial Potential. *Communicology (Russia)*, 2019. Vol. 7. No. 1. DOI 10.21453/2311-3065-2019-7-1-43-52.

Author's Bio

LIPAI Tatyana Petrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics of Education, Minsk City Institute of Education Development, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: lipai@tut.by

SHEN Qian, Department of Economics and Enterprise Management of the Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Human Resources Manager SND Group. Suzhou SND Group CO., Ltd, Suzhou, China.

E-mail: 425510020@qq.com

УДК 316.33

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.76

КОНТРМЕРЫ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЙМА В КОМПАНИЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Т. Липай¹, Ц. Шэнь²

¹Минский городской институт развития образования, Минск (Беларусь)

²Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно (Беларусь);
SND Group. Suzhou SND Group CO., Ltd, Сучжоу (Китай)

Введение. С быстрым развитием информационных технологий, предприятий электронной коммерции в интернете доля рынка увеличивается с каждым годом, и всё больше и больше компаний участвуют в индустрии электронной коммерции. Однако из-за ограниченного опыта управления ресурсами талантов компаний электронной коммерции, по мере того как отрасль информационных технологий продолжает расти и расширяться, разрыв в талантах в сфере электронной коммерции в интернете постепенно увеличивается, а коллеги в отрасли переманивают друг друга за высокие деньги. Качественный талант становится все востребованнее.

Методы. Анализ источников и результатов исследований, касающихся эффективности и процесса найма.

Основные идеи, полученные результаты и их обсуждение. В статье анализируются проблемы подбора персонала в интернет-компаниях на основе существующей теории найма персонала.

Заключение. Авторы предложили стратегии повышения эффективности найма, такие как улучшение планирования найма, повышение уровня компетенции рекрутеров и научное использование методов оценки найма, чтобы обеспечить четкое руководство для корпоративного найма.

Ключевые слова: социальные процессы; управление человеческими ресурсами; социальное взаимодействие; контрмеры; предприятия электронной коммерции.

Список литературы

1. Rynes Sara L. Recruitment, Job Choice, and Post-Hire Consequences: a Call For New Research Directions. URL: <https://ecommons.cornell.edu/handle/1813/77274> (дата обращения 25.11.2021).
2. Barber A. E. Recruiting employees: individual and organizational perspectives. London: SAGE Publications. 1998. 172 p.
3. Huselid M., Jackson S., Schuler R. Technical and Strategic Human Resource Management Effectiveness as Determinants of Firm Performance // Academy of Management Journal. 1997. Vol. 40. No 1. Pp. 171–188.
4. McClelland D. Testing for competence rather than for «intelligence» // The American psychologist. 1973. Vol. 28. No 1. Pp. 1–14.
5. Du J. Analysis of factors affecting the effectiveness of pop-up advertising recruitment // Science and Technology Outlook. 2015. Vol. 33. 224 p.
6. Zhang Y. K. Research on the effectiveness of enterprise talent recruitment // Modern business. 2015. Vol. 33. Pp. 55–56.

7. Holland J. L. Making Vocational choice: a theory of Vocational Personalities and work Environments // Psychological Assessment Resources. 2007. Vol. 06. Pp. 22–28.
8. Schein E. H. Career dynamics: Matching individual and organization needs. MA: Addison-Wesley. 1978. Pp. 32–38.
9. Clustering competence in emotional intelligence: Insights from the Emotional Competence Inventory. Boyatzis R. et al. URL: http://www.eiconsortium.org/reprints/clustering_competencies_insights_from_the_eci360.html (дата обращения 27.11. 2021).
10. Wan X. Recruitment management // Science Press, 2011. Pp. 241–243.
11. Shu J. Research on the effectiveness of recruitment in MK based on competency model // Beijing University of Chemical Technology. 2015.
12. Lipai T. P., Tchanturia N. G., Goderdzishvili B. G. Career, Stigmatization and Formation of the Entrepreneurial Potential [Карьера, стигматизация и формирование предпринимательского потенциала] // Communicology (Russia). 2019. Vol. 7. No 1. Pp. 43–52.

Авторская справка

ЛИПАЙ Татьяна, Минский городской институт развития образования, Минск, Беларусь.

E-mail: lipai@tut.by

ШЭНЬ Цянь, кафедра экономики и управления предприятием Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь; менеджер по персоналу SND Group. Suzhou SND Group CO., Ltd, Сучжоу, Китай.

E-mail: 425510020@qq.com

Библиографическая ссылка

ЛИПАЙ Татьяна, ШЭНЬ Цянь. Контрмеры в повышении эффективности найма в компаниях электронной коммерции // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 76–85.

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.76

УДК 364.08

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.86

МОНИТОРИНГ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНА СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ

Э. Н. Рычихина, М. В. Зотова, О. А. Прудникова

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский городской педагогический университет», Москва (Россия)*

Введение. Обосновывая актуальность работы по повышению кадрового потенциала специалистов по работе с семьёй, авторы статьи отмечают важность данного направления деятельности для общества в целом. Отсутствие единства взглядов на сущность мониторинга кадрового потенциала требует более тщательного подхода к этой деятельности в управлении персоналом.

Методы. Анализ научных публикаций по заявленной теме, официальных источников, социологического опроса специалистов по работе с замещающими семьями и членами замещающих семей, моделирование.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье проводится анализ подходов к понятию «кадровый потенциал», которые сложились у отечественных исследователей. Авторы статьи на основе системного, диалектического и компетентностного научных подходов, анализа научной литературы, а также результатов собственного эмпирического исследования обосновывают понятие формирования системы мониторинга кадрового потенциала службы по работе с замещающими семьями и необходимость его совершенствования. Рассматривая кадровый мониторинг как составную часть управленческого, учёные обосновывают необходимость и значение мониторинга кадрового потенциала в службе управления деятельностью специалистов по работе с замещающими семьями.

В работе показаны последовательность создания системы мониторинга кадрового потенциала, методы его организации, вычленяются основные показатели эффективности развития кадрового потенциала, влияние мониторинга на управленческие воздействия для повышения кадрового потенциала организации. В статье приводятся основные методы, позволяющие осуществлять мониторинг персонала и его кадрового потенциала, а также предлагаются критерии оценки эффективности работы по повышению кадрового потенциала. В предлагаемой работе обосновывается влияние системы мониторинга персонала и качества коммуникационных связей в организации, в том числе и исследуемой. Авторы предлагают модель системы мониторинга кадрового потенциала службы работы с замещающими семьями, которая позволит сформировать комплексную систему мониторинга с учётом необходимых компетенций, включённых в профессиональный стандарт специалистов по работе с семьёй.

Заключение. Подводя итоги проведённого исследования, авторы показывают важность получения своевременной и достоверной информации для системы управления персоналом, которая будет способствовать повышению общей эффективности управления и принятию обоснованных управленческих решений.

Ключевые слова: социальное управление; кадровый потенциал; управленческий мониторинг; мониторинг персонала; специалист по работе с замещающими семьями.

Введение. Замещающие семьи решают важную общественную проблему – создают условия для нормального существования и социализации детей, оставшихся без попечения родителей. При этом, взяв на себя обязанности по воспитанию ребёнка, замещающие семьи испытывают определённые сложности, помочь преодолеть которые должны службы их сопровождения. Для оказания такой помощи работники подобных служб должны обладать определёнными компетенциями и возможностью их развития в условиях быстрой трансформации современного общества. Именно это обуславливает актуальность формирования системы мониторинга кадрового потенциала службы сопровождения замещающих семей.

Понятие «кадровый потенциал» рассматривается в научной литературе с позиций разных дисциплин (социология, экономика, менеджмент, психология) как отечественными, так и зарубежными учёными. При этом сущностные различия можно свести к нескольким подходам. В основе первого основания лежат характеристики персонала. На основе этого могут быть вычленены следующие определения кадрового потенциала:

- с точки зрения рассмотрения кадрового потенциала – как весь состав работников организации. В данном подходе понятия «кадровый» и «трудовой потенциал» отождествляются (Ю. Г. Олегов, Т. В. Никонова и др.) [1];

- во втором случае кадровый потенциал характеризуется более широкой интерпретацией данного понятия, под которым подразумеваются совокупные способности и возможности персонала организации (В. Я. Афанасьев, Л. В. Беззубко и др.) [2, с. 48], [3, с. 17]. Данный подход характеризуется конкретизацией характеристик персонала, которые включают знания, умения и навыки (А. М. Козина и др.) [4], врождённые и приобретённые способности или возможности (Р. Ю. Болдырева и др.) [5], физические и духовные качества (О. Р. Скороходова и др.) [6];

- с третьей позиции, кадровый потенциал представляет собой совокупность интегральных количественных и качественных черт персонала организации (А. И. Ильин, Е. П. Третьякова и др.) [7], [8, с. 11].

Анализ многочисленных подходов к понятию кадрового потенциала позволяет сформировать определение в широком смысле, в котором основной упор сделан на совокупности качеств коллектива организации, используемых в процессе деятельности, а также их возможности для развития. В узком смысле под кадровым потенциалом будем понимать профессиональные качества и личностные черты персонала, используемые для функционирования и развития организации.

Методы. Методологическим основанием для проведения исследования по заявленной в статье теме стала совокупность научных подходов: системного, диа-

лектического и компетентностного. Анализ научных публикаций по заявленной теме, официальных источников, социологического опроса специалистов по работе с замещающими семьями и членами замещающих семей, моделирование.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Работа специалистов отделения по сопровождению замещающих семей требует особых качеств, позволяющих помогать в разнообразных сложных ситуациях, в которых могут оказаться подобные семьи. Для формирования кадрового состава учреждений социального обслуживания, а особенно для работы с замещающими семьями, необходимы особые управленческие воздействия. Значительную помощь в этом может оказать управленческий мониторинг. Проведённый опрос 24 специалистов в области управления кадрами по работе с семьёй показал, что общий компетентностный уровень они оценили в среднем на 7 баллов из 10. При этом не были поставлены крайние оценки (1, 2, 10), а 3, 5 и 6 поставили по 2 эксперта. Поэтому можно говорить о необходимости работы по повышению кадрового потенциала специалистов по работе с замещающими семьями. Определение необходимой работы в этом направлении можно осуществить на основе мониторинга, способствующего на регулярной основе отслеживать состояние кадрового потенциала и принимать управленческие решения по его совершенствованию.

Мониторинг персонала является составной частью управленческого мониторинга, при этом не менее важной составляющей, чем, например, финансовая, экономическая или конкурентная разновидности мониторинга, которые осуществляются на предприятии. Совокупность всех видов мониторинга, проводимого на предприятии и используемого для принятия управленческих решений, называем «управленческим», для которого характерны процесс систематического отслеживания и сбора данных об объекте управленческой деятельности как системе и внешних факторов, влияющих на него, обработка полученных результатов, их сохранение, использование и распространение с целью эффективного воздействия субъекта управления на управляемый объект.

Данные мониторинга служат основанием для принятий управленческих решений, реализации общих функций управления. Важной характеристикой мониторинга служат его непрерывность и наличие стабильных показателей и индикаторов. При этом в современной научной литературе не сложилось единого подхода к пониманию мониторинга, в том числе и в системе управления персоналом. Отдельные авторы отождествляют мониторинг персонала с оценкой [9], другие видят в нём однократное изучение комплекса отдельных проблем, связанных с составляющими кадрового потенциала, например, психоэмоционального состояния [10] или потребности в обучении [11].

Исходя из вышеприведённого определения понятия «управленческий мониторинг», можно вывести понятие «мониторинг персонала», под которым понимаем непрерывное систематическое отслеживание состояния системы управления персоналом (включая внутренние и внешние показатели), его составных элементов на основе постоянных индикаторов, а также создание условий для выполнения управленческих функций на основе полученной информации [12].

Основной целью мониторинга является создание необходимой информационной базы для руководства предприятия. Мониторинг должен стать одним из инструментов, способствующих эффективной работе развивающихся организаций как в условиях стабильного развития, так и в условиях кризиса. Системный мониторинг представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов регулярного наблюдения за состоянием процессов, связанных с трудовыми ресурсами, для своевременного выявления проблем и фиксации соответствия (или несоответствия) полученных результатов поставленным руководством организации целям. При организации системы мониторинга персоналом возможно использование целого комплекса диагностических методов, позволяющих получить валидную и релевантную информацию для составления прогнозов развития организации или возможных результатов инноваций. К данным средствам можно отнести:

- статистические наблюдения;
- экспертные опросы;
- количественный и качественный анализ кадровой документации;
- методы психологической диагностики;
- массовый опрос персонала организации;
- глубинные интервью;
- фокус-группы и др.

Для оценки эффективности развития персонала необходимо иметь базовые данные для определения динамики в изменении компетентности работника. Для этого необходимо выявить уровень компетенции, с которым работник приходит в организацию. В систему показателей развития должны быть отнесены данные о результатах оценки и аттестации персонала, повышении квалификации, карьерном росте, данные о саморазвитии, стремлении к обучению и т. д. В современных условиях эффективное развитие персонала будет тогда, когда можно саму организацию назвать обучающейся. Обучающимися организациями называют организации, умеющие создавать, приобретать и использовать знания, способные своевременно изменить свою деятельность в соответствии с новой информацией или переменами во внешней и внутренней среде. Именно мониторинг будет способствовать тому, чтобы отслеживать состояние организации, её возможности к обуче-

нию и созданию условий для обучения своих сотрудников на всех этапах существования и функционирования.

Мониторинг персонала направлен на выявление сфер с неэффективным или недостаточно эффективным использованием человеческих ресурсов и управления ими. Различные потери в финансовой, материальной, социальной, экологической сферах часто могут быть вызваны, прежде всего, отсутствием качественного обеспечения трудовыми ресурсами, что может в итоге привести к неуправляемости в деятельности отдельных направлений или организации в целом. Именно мониторинг персонала способствует предотвращению появления негативных ситуаций и может стать основой для подготовки новых проектов и предложений, которые будут направлены на совершенствование управления. Регулярный мониторинг персонала может способствовать кадровой безопасности как процессу, предотвращающему риски и негативные воздействия на безопасность организации, которые связаны с персоналом.

Организация проведения мониторинга предполагает выявлять следующие аспекты: определять объекты мониторинга; выявлять условия для сбора данных, при их отсутствии – создавать инструментарий для проведения исследований (если нет готовых разработанных методик) или перерабатывать существующие применительно к своим условиям и проблемам; определять стабильные индикаторы (показатели), по которым будут проводиться мониторинговые отслеживания; при необходимости принимать решения о выборке.

Показатели эффективности развития кадрового потенциала в условиях кризиса можно разделить на несколько составляющих:

- 1) результативность обучения;
- 2) обучение наперёд, которое необходимо для развития потенциала работников и их готовности к изменениям;
- 3) влияние обучения на реализацию должностных обязанностей, повышение эффективности их выполнения;
- 4) создание условий для изучения информации, в том числе и мониторинговой, с целью разработки предложений по совершенствованию работы;
- 5) способность сотрудника к развитию и переобучению.

Развитие персонала организации в настоящих условиях должно активно опираться на применение современных информационно-коммуникативных технологий. Применение данных инновационных технологий позволит организовать мониторинговые отслеживания процесса обучения и его результативности. Повышению результативности мониторинга кадрового потенциала будет способствовать его системный характер. Модель системного подхода к формированию данного мониторинга представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Система мониторинга кадрового потенциала

В соответствии с представленной системой на рисунке в качестве запросов внешней среды в социальную систему помощи замещающим семьям выступают потребности общества, государства и самих замещающих семей. Системообразующим фактором в данной социальной системе становится цель: создание мониторинга кадрового потенциала службы сопровождения замещающих семей, необходимого для предоставления наиболее эффективной помощи семьям при оказании качественной, своевременной помощи. Количественные показатели включают в себя общие данные о наличии вакансий, образовании, стаже. В основу определения качественных показателей кадрового потенциала должен быть положен профессиональный стандарт специалиста по работе с семьёй [13]. В результате на выходе должно отслеживаться качество предоставляемых услуг. Проведённый опрос 68 замещающих семей показал, что они не хотели бы заменить специалиста, но при этом около 30 % опрошенных отметили, что у них возникали конфликты со специалистом, и они обращались к руководству службы. Таким образом, подобные регулярные опросы, проведённые раз в полгода, позволят осуществлять обратную связь и соотносить её с потребностями и запросами.

Эффективному решению управленческих проблем, связанных с кризисной ситуацией и возможностями на перспективу, будет способствовать мониторинг, выполняющий разнообразные задачи, основные из которых заключаются в следующем:

- формирование основы для разносторонней оценки существующего потенциала персонала;
- создание данных для целостного видения всей системы организации;
- выявление имеющихся резервов для развития организации за счёт развития персонала;
- создание базы для написания истории развития организации с целью развития кадрового потенциала;
- формирование системы мотивации в организации;
- совершенствование информационной базы для анализа деятельности всей организации;
- определение тенденций развития персонала, направлений его подготовки и переподготовки;
- формирование базы данных для прогнозирования и разработки стратегии развития кадрового потенциала организации;
- совершенствование системы управления кадровым потенциалом.

Положительное влияние мониторинга также может проявляться в совершенствовании коммуникационных связей организации [14].

Для руководства организации результаты мониторинга персонала и его развития станут основой для оценки работы службы управления персоналом, так как именно эти показатели позволят выявлять слабые направления, производить перераспределение функциональных обязанностей, искать перспективные и эффективные пути совершенствования управления. Всё это необходимо для развития организации в кризисных условиях.

При всей важности обращения к вопросам развития уже имеющегося персонала необходимо обратить внимание на проблему комплектования штата, подбор на каждую должность наиболее грамотных и подходящих для неё работников. Тщательно подобранный персонал не только намного легче осваивает свои функции, но и в конечном итоге получает большее удовлетворение от результатов своего труда, чем те сотрудники, которые попали на эту должность случайно. Поэтому при формировании системы мониторинга персонала необходимо параллельно проводить отслеживание показателей рынка труда, что является важным в условиях выхода из кризиса.

Заключение. Совокупность методов контроля и кадрового аудита может лежать в основе разработки методов мониторинга развития персонала и планирования карьеры, обеспечения условий карьерного роста, разработки технологий подбора и найма работников. Особое внимание мониторинг персонала может уделить нормализации отношений между работниками и руководством организации, фор-

мированию заинтересованности работников в длительном пребывании в коллективе, за счёт выявления и отслеживания повседневных практик, сложившихся в конкретной организации.

Таким образом, существуют разные направления, которые позволят существенно повысить эффективность развития персонала в организации. Одним из таких направлений является организация мониторинга персонала в целом и его развития в частности, которое становится важной основой для реализации всех управленческих функций. Наличие полной и качественной мониторинговой информации позволит значительно улучшить содержание управленческого анализа, будет способствовать совершенствованию управления и достижению максимальной его эффективности. Результативность такого мониторинга возрастает при системном подходе к его организации и проведению на основе методологических подходов социологии повседневности. Проблемой использования мониторинга персонала выступают отсутствие системного представления результатов и их взаимосвязь. Для формирования системы мониторинга персонала и его развития в организации необходимо определить модель и концепцию, в которой будут сформулированы основные подходы к его проведению.

Список литературы

1. Олегов Ю. Г., Никонова Т. В. Аудит и контроллинг персонала: учебное пособие. М.: Альфа-Пресс, 2006. 560 с.
2. Афанасьев В. Я., Корнев И. К. Введение в государственное управление: учебное пособие: в 3 кн. М.: Финстатинформ, 1998. Кн. 3. 172 с.
3. Беззубко Л. В., Гончарова Л. О., Беззубко Б. И. Трудовой и кадровый потенциалы: монография. Донецк: Норд пресс, 2008. 215 с.
4. Козина А. М. Методология воспроизводства кадрового потенциала в сельском хозяйстве: автореферат дис. ... д-ра экон. наук. Великий Новгород, 2009. 44 с.
5. Болдырева Р. Ю., Мосин Ф. А. Анализ существующих подходов к понятию «кадровый потенциал» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. Выпуск № 1-2. С. 28–32.
6. Скороходова О. Р. Кадровый потенциал: понятие, сущность, основные характеристики // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 24. С. 67–71.
7. Ильин А. И. Планирование на предприятии. М.: Инфра-М; Минск: Новое знание, 2014. 667 с.
8. Третьякова Е. П. Оценка трудового потенциала организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 136–143.
9. Кузьмина А. А., Матвеева Т. Ю. Разработка системы мониторинга профессиональных компетенций персонала организации // Вопросы науки и образования. 2018. № 8 (20). С. 57–64.
10. Гайнетдинова А. Н., Абдуллина Л. В. Мониторинг психоэмоционального состояния в системе управления персоналом // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 1 (43). С. 26–29.

11. Фирсова Л. В. Система мониторинга профессионального развития кадрового потенциала государственных служб контроля и надзора России // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 3. С. 226–232.

12. Бершедова Л. И., Рычихина Э. Н. Социально-психологические основы системы мониторинга персонала // Системная психология и социология. 2013. № 8. С. 17–24.

13. Профессиональный стандарт «Специалист по работе с семьей», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.11.2013 г. № 683н. URL: <https://base.garant.ru/70558542/>.

14. Рычихина Э. Н. Мониторинг в системе социального управления муниципальным образованием: автореферат дис. ... д-ра социол. наук / Современная гуманитарная академия. М., 2010. 47 с.

Авторская справка

РЫЧИХИНА Элина Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей и практической психологии, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

E-mail: richihinaen@mgpu.ru

ЗОТОВА Марина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры специальной психологии и психолого-социальных технологий, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

E-mail: zotovamv@mgpu.ru

ПРУДНИКОВА Олеся Александровна, аспирант кафедры общей и практической психологии, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

E-mail: prudnikovaola@mgpu.ru

UDC 364.08

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.86

MONITORING OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF THE SUPPORT BODY FOR SUBSTITUTE FAMILIES

E. N. Rychikhina, M. V. Zotova, O. A. Prudnikova

Moscow City University, Moscow (Russia)

Introduction. Justifying the relevance of the work to increase the human potential of specialists in working with the family, the authors of the article note the importance of this area of activity for society as a whole. The absence of unity systematic, dialectical and competence-based scientific approaches, of views to the foundation of employees' potential monitoring requires a thorough approach.

Methods. Analysis of scientific publications on the stated topic, official sources, a sociological survey of specialists working with substitute families and members of substitute families, modeling.

Results. Therefore, the article analyzes the approaches to the concept of «personnel potential» that have developed among domestic authors. After analyzing the scientific literature and their own research, the authors explain the necessity to form a monitoring system of employees' potential when working with foster families. Considering personnel monitoring as an integral part of management, the authors of the article

substantiate the necessity and importance of monitoring human resources in the management service of specialists working with substitute families. This work shows the sequence of forming the monitoring system of employee's potential, methods of its organization, also the authors isolate main indicators of effective development of employees' potential, influence of monitoring on managerial impact to improve employees' potential of the corporation. The article presents the main methods for monitoring personnel and their human resources potential, and also offers criteria for evaluating the effectiveness of work to increase human resources potential. The proposed work substantiates the influence of the personnel monitoring system and the quality of communication links in the organization, including the one under study. The authors offer a model of the monitoring system of employee's potential for the foster families' service, which are included in the professional standard of specialists in working with the family.

Conclusion. Summing up the results of the study, the authors show the importance of obtaining timely and reliable information for the personnel management system, which will contribute to improving the overall efficiency of management and making informed management decisions.

Keywords: social management; human resources; managerial monitoring; personnel monitoring; specialist in working with substitute families.

References

1. Olegov U. G., Nikonova T. V. Audit and controlling of personnel: a textbook. Moscow, Alfa-Press, 2006. 560 p.
2. Afanasyev V. Ya., Kornev I. K. Introduction to public administration: textbook in 3 books. Moscow, Finstatinform, 1998. Book 3. 172 p.
3. Bezzubko L. V., Goncharova L. O., Bezzubko B. I. Labor and personnel potential: a monograph. Donetsk, Nord Press, 2008. 215 p.
4. Kozina A. M. Methodology of reproduction of human potential in agriculture / Abstract dis. ... Doctor of Economics. Veliky Novgorod, 2009. 44 p.
5. Boldyreva R. U., Mosin F. A. Analysis of existing approaches to the concept of «personnel potential». *Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences*, 2011. Issue 1-2. Pp. 28–32.
6. Skorokhodova O. R. Human resources potential: concept, essence, main characteristics. *Economics and management in the XXI century: development trends*, 2015. No. 24. Pp. 67–71.
7. Ilyin A. I. Enterprise planning. Moscow, Infra-M; Minsk, Novoe znanie, 2014. 667 p.
8. Tretyakova E. P. Assessment of the organization's labor potential. *Management in Russia and abroad*, 2009. No. 1. Pp. 136–143.
9. Kuzmina A. A., Matveeva T. U. Development of a system for monitoring the professional competencies of the organization's personnel. *Issues of science and education*, 2018. № 8 (20). Pp. 57–64.
10. Gainetdinova A. N., Abdulina L. V. Monitoring of the psycho-emotional state in the personnel management system. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2021. No. 1 (43). Pp. 26–29.
11. Firsova L. V. Monitoring system of professional development of the personnel potential of the state control and supervision services of Russia. *Izvestia of the Southern Federal University. Pedagogical science*, 2012. No. 3. Pp. 226–32.
12. Bershedova L. I., Richikhina E. N. Socio-psychological foundations of the personnel monitoring system. *System psychology and sociology*, 2013. No. 8. Pp. 17–24.

13. Professional standard «Family specialist», approved by the order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. 18.11.2013. No 683n. Available at: [https://base.garant.ru/70558542/..](https://base.garant.ru/70558542/)

14. Richikhina E. N. Monitoring in the social management system of the municipality. Abstract dis. ... Doctor of Sociological Sciences. Moscow, 2010. 47 p.

Author's Bio

RYCHIKHINA Elina Nikolaevna, D. Phill. in Social Science, Associate Professor, Professor, Department of General and Practical Psychology, Moscow City University, Moscow, Russia.
E-mail: richihinaen@mgpu.ru

ZOTOVA Marina Viktorovna, PhD in Education Science, Associate Professor, Department of Special Psychology and Psycho-Social Technology, Moscow City University, Moscow, Russia.
E-mail: zotovamv@mgpu.ru

PRUDNIKOVA Olesya Aleksandrovna, PhD student, Department of General and Practical Psychology, Moscow City University, Moscow, Russia.
E-mail: prudnikovaoa@mgpu.ru

Библиографическая ссылка

Рычихина Э. Н., Зотова М. В., Прудникова О. А. Мониторинг кадрового потенциала органа сопровождения замещающих семей // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 86–96.
DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.86

ИСТОРИЯ

УДК 338.484

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.97

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ГОРОДА БИЙСКА КАК ПОТЕНЦИАЛ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Н. Г. Прудникова, М. Н. Игнатенко, А. В. Дудник

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Введение. В статье рассмотрено значение архитектурных ресурсов города Бийска как потенциала для сохранения исторической памяти и развития туризма с помощью создания пешеходного пространства в купеческой части города. Актуальность работы обусловлена урбанизацией, загрязнением окружающей среды, ростом автомобильного и туристического потоков. Данные явления приводят к необходимости реорганизации градостроительной площади. Исходя из европейского опыта, пешеходная улица – это решение для снижения транспортной и экологической нагрузки на территорию. Благоустроенные общественные пространства формируют лучшие впечатления о городе.

Методы. Исходными теоретическими позициями исследования выступают идеи создания общественно-пешеходных пространств такими специалистами, как Н. В. Бевз, П. С. Велев, Б. В. Мейтленд. В ходе работы использовались сравнительный и аналитический методы, которые позволили проследить изменения формирования в городе элементов культурного наследия – старинной купеческой архитектуры, исторических особняков, оценить качество среды пешеходных улиц. Также в ходе работы были проанализированы документы государственного перечня памятников истории и культуры Алтайского края, исследованы документы и архивные источники культурно-исторических достопримечательностей и истории города Бийска.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Бийск является воротами Алтайских гор, именно отсюда начинаются маршруты на дестинации Алтая. Историю города Бийска связывают с именами П. А. Копылова, А. Д. Васенева, Н. А. Асанова, А. Ф. Морозова, Е. Г. Морозовой и др. Здесь находятся 277 памятников архитектуры, истории и культуры. В городе остались постройки бывших домов и особняков, которые можно реорганизовать и использовать как пешеходное пространство для туристов с целью сохранения исторической части купеческого города и культурно-исторического просвещения отдыхающих. Для развития общегородских функций нужно реорганизовать часть зданий и территорий. Необходимо провести диверсификацию ряда объектов в пешеходной зоне.

Заключение. Был разработан проект пешеходной улицы в центральной исторической части Бийска. Анализ культурно-исторического потенциала города, его концентрации в пределах город-

ской среды, значимости объектов для истории Бийска и Алтайского края в целом позволили нам определить улицу Советскую в качестве наиболее перспективной пешеходной зоны. Большинство строений имеют важное историческое значение, среди них 26 объектов со статусом регионального, а 24 – федерального значения. Парки и пешеходные пространства могут быть объединены, и тогда бийчане смогут совершать длинные прогулки и переходы по пешеходной улице из одной зоны в другую.

Ключевые слова: культурно-исторические ресурсы городов; культурное наследие; культурные объекты; памятники истории и культуры; пешеходные улицы; Бийск.

Введение. Актуальность работы обусловлена урбанизацией, автомобилизацией, загрязнением окружающей среды, ростом туристического потока. Данные явления приводят к необходимости реорганизации пешеходного пространства. Исходя из европейского опыта, пешеходная улица – это отличное решение для исторической части города. Такие пространства помогут снизить транспортную и экологическую нагрузки на территорию.

Культурное наследие – основа для формирования и развития туризма при использовании исторических ресурсов поселений. Сфера культуры является одним из направлений государственного развития, поэтому большое внимание уделяется культурным ресурсам городов, именно они в комплексе формируют общее культурное наследие государства. Стержень исторической памяти – коммуникативная память [9]. На основе зарубежного и российского опытов даются рекомендации по формированию пешеходных улиц, выявляются перспективные туристические ресурсы Бийска, разрабатывается проект пешеходной улицы в центральной исторической части города.

Методы. Создание и проектирование пешеходных улиц давно изучает архитектурная наука. Был проведён анализ работ А. П. Вергунова, Т. А. Кислых, А. И. Урбаха. Большое внимание уделили проблемам и организации российских пешеходных улиц З. В. Харитоновой, Е. А. Бабина, Н. В. Бевз, П. С. Велев [2, 3]. Методы исследования – анализ и синтез, дедукция и обобщение, сбор информации, а также сравнительный, аналитический, библиографический методы и системно-структурный подход. В ходе работы проанализированы документы государственного перечня памятников истории и культуры края, исследованы документы и архивные источники культурно-исторических достопримечательностей и истории города.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Бийск – второй по величине город в Алтайском крае, центр Бийского района – находится на берегу реки Бия; правая его часть резко повышается на крутой береговой склон, а левая прилегает к сосновому лесу. Рядом с городом – слияние рек Бии и Катунь, именно там начинается своё течение река Обь.

Являясь старейшим городом Алтайского края, Бийск становится интересным объектом для посещения [7], а ещё он является воротами Алтайских гор, и именно отсюда расходятся маршруты на основные дестинации края.

В городе берёт своё начало главная дорога Алтая – Чуйский тракт, ему посвящён единственный в России музей дороги (открыт в конце XX в.) – Музей Чуйского тракта. Здесь представлены экспозиции, показывающие развитие торговли на Алтае. С помощью экспонатов можно проследить, как тропа превратилась в автомобильную магистраль. Музей располагается в особняке Варвинского, собиравшего редкие экземпляры книжных изданий. Самым популярным экспонатом является макет Чуйского тракта.

История Бийска – это история крепости, купеческого города, построенного по указу Петра I больше 300 лет назад. Здесь находятся 277 памятников архитектуры, истории и культуры [5]. Например, здание Бийского драматического театра (бывшего народного дома) – яркий пример эклектичной архитектуры 1913 года. В городе сохранились древние пушки XVIII в., две из них установлены на постаменте в сквере Бийской крепости. Большой интерес также представляет историко-архитектурный комплекс XIX века «Бийское Архиерейское подворье».

С 1880 по 1920 годы *город был центром Алтайской духовной миссии*. Макарий Невский служил епископом Бийска, а уже с 1912 года – митрополитом Московским и Коломенским. С 1917 года здесь работали епископское подворье, 17 соборов и церквей, 8 часовен, 2 монастыря, более двух десятков приходских училищ, Успенский собор (постройка 1903 года). Строительство Тихвинского женского монастыря датируются 1900 годом.

Также вблизи Бийска расположено село Коробейниково, где находится икона Казанской Божией Матери (утерянная и вновь обретенная). В 1906 году там был возведён Большой Каменный однопрестольный храм. В период правления советской власти храм переоборудовали в зернохранилище, а иконы использовали как простые куски дерева. Святая икона во многом утратила своё изображение и была спасена в 1960 году. Её перенесли в Барнаул. В 1972 году образ Богородицы полностью отреставрировали. В 1994 году святыня вернулась в храм села Коробейниково. После этого события каждый год в первое воскресенье июля сельчане устраивают празднование Дня иконы Казанской Божией Матери [8].

Культурное наследие. Историю города связывают с именами П. А. Копылова, А. Д. Васенева, Н. А. Асанова, А. Ф. Морозова, Е. Г. Морозовой и др. Наиболее важной достопримечательностью является Пассаж купца Второва (ул. Льва Толстого, 144). Начало строительства датируется 1904 годом, осуществлялось оно по заказу товарищества «Сыновья и сыновья». В то время это было самое крупное текстильно-торговое предприятие города.

В сквере Бийска, рядом с площадью памяти героев Великой Отечественной войны, стоят пушки (1702 г.), установленные на гранитном постаменте. Они отно-

сятся к истории городской крепости. В бывшем жилом доме купца Н. И. Асанова расположился музей. Здание построено в 1912 году в стиле модерн, в 2019 году оно было полностью отреставрировано [1].

Памятник Петру и Февронии Муромским (ул. Л. Толстого) утверждён Московской духовной академией. Автор – Сергей Исаков. Размер скульптуры равен человеческому росту. Открытие и освящение памятника состоялось в 2011 году. Пётр и Феврония являются покровителями семейного очага, символом любви и верности, их брак – это образец христианской любви.

Проект пешеходной улицы. Анализ культурно-исторического потенциала Бийска, его концентрации в пределах городской среды, значимости объектов для истории города и Алтайского края в целом позволили нам определить в качестве наиболее перспективной пешеходной улицы – улицу Советскую (см. рис. 1). Именно здесь сконцентрировано большинство архитектурных памятников и объектов культуры, имеющих важное историческое значение, 26 из которых – в статусе регионального значения, среди них: усадьба наследников купца Измайлова, бывшее Архиерейское подворье, дом А. Д. Васенёва и др. 24 объекта имеют статус федерального значения – это электростанция Е. Г. Морозовой, торговый дом Сычёвых, Сибирский торговый банк и др.

Улица Советская (до 1778 г. – Омская, до 1925 г. – Успенская) – старейшая в Бийске, с купеческой историко-культурной планировкой XIX – нач. XX вв., и самая протяжённая (3 600 м). Первый торговый каменный домом в городе появился именно на этой улице – это дом купца Гилёва, возведённый в 1860 г. (ул. Советская, 4) [8].

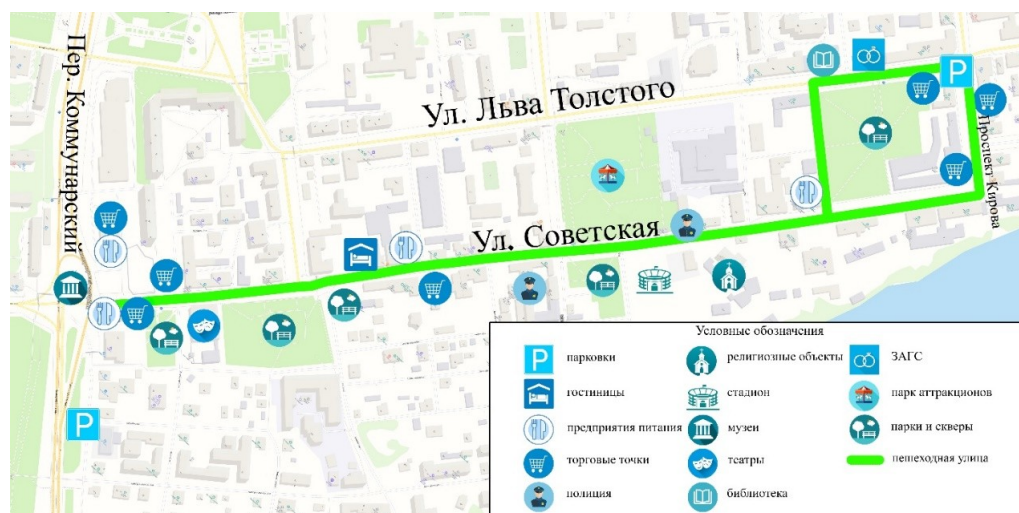

Рисунок 1. Карта-схема пешеходной улицы Советской в городе Бийске

В Бийске насчитывается 233 памятника архитектуры регионального и 228 – федерального значения, большая и более привлекательная часть которых расположена именно на улице Советской. Как уже было отмечено в статье, изначально улица называлась Омской, так как она вела к Омским воротам Бийской крепости, а ворота, в свою очередь, находились на пересечении переуллка Гилёва и улицы Советской. Впоследствии, после строительства Успенской церкви, её переименовали в Успенскую. Сейчас улица Советская начинается от проспекта Кирова и заканчивается на Зелёном Клине.

Большинство домов возведено из красного кирпича. Если учитывать годы постройки, то здания достаточно хорошо сохранились. Их стойкость во многом определяется качеством строительных материалов и строительными нормами, принятыми в XIX – нач. XX вв. По воспоминаниям старожилов, перед строительством нанимали специальных людей для проверки кирпичей. Кирпичи подбрасывали на 10–15 м, тем самым проверяя их на прочность. Если кирпич после такой проверки оставался цел, то его могли использовать при строительстве.

В XIX в. Бийск застраивали торговыми домами и магазинами. Большинство строений на улице Советской и во всём старом центре выполнены в стиле эклектики. При этом здания совмещают в себе разные стили – модерн, классицизм и барокко. Результатом является насыщенность исторического центра старинными особняками. Можно увидеть много архитектурных памятников – это мужское реальное училище им. А. С. Пушкина, Николаевская женская гимназия и Сибирский торговый банк. Сейчас в зданиях находятся корпуса Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им В. М. Шукшина.

Для развития общегородских функций нужно реорганизовать часть зданий и территорий, провести диверсификацию ряда объектов в пешеходной зоне. Для привлечения потока туристов необходимо переоборудовать вышеперечисленные объекты. Пешеходная улица должна иметь свою неповторимую атмосферу и вызывать яркие ассоциации у людей. Для этого предлагается создать сувенирную лавку (ул. Советская, 1), где будут представлены работы местных ремесленников, художников и др., и каждый посетитель сможет приобрести памятную вещь. Нужно переоборудовать старый магазин (пр. Кирова, 5 а) под фермерскую лавку, чтобы горожане могли покупать продукты местного алтайского производства. Необходимо реконструировать и старый Торговый центр (пр. Кирова, 3; ул. Советская, 2). Тогда в проекте пешеходной улицы в самом начале (ул. Советская, 40) будет располагаться торговая точка, а в конце улицы в переделанном здании – музей детства, где появится возможность играть в настольные игры, проводить экскурсии, мастер-классы для детей и взрослых, организовать различные кружки [4].

На старом стадионе «Авангард», который сейчас не используется, следует обновить материально-техническую базу. Уже сейчас он является местом притяжения спортсменов, а с появлением там крупного спортивного комплекса, поток

желающих заниматься спортом только увеличится. Ранее здесь проводили городскую новогоднюю ёлку, и после завершения всех работ мероприятие вернётся. Городской сад тоже ждёт своего обновления: необходимо реконструировать имеющиеся аттракционы, установить новую современную сцену для проведения различных перформансов и концертов.

Предложения открыть ЗАГС, галерею и банкетный зал на месте старого пассажа (ул. Л. Толстого, 144) поступают напрямую от горожан, так как большинство бийчан очень любят это строение. Пассаж находится напротив парка Леонида Гаркавого, и уже сейчас молодожёны и просто посетители приходят сюда за красивыми фотографиями. В целях привлечения данной категории населения необходимо сконцентрировать привлекательные объекты в одном месте. Для этого в представленном проекте предлагается создать в парке фотозону, установить светящиеся деревья, актуальные в любое время года, они помогут с освещением.

На улице Советской среди зданий, имеющих культурно-историческое значение, есть строения, внешний облик которых требует проведения реставрационных работ, стоят жилые дома, не вписывающиеся в эстетический образ окружающего. Необходимо провести декоративные работы и реконструкцию исторических объектов с целью повышения привлекательности пешеходной зоны.

Одним из условий формирования пешеходной улицы является концентрация в одном месте социальных, исторических и досуговых функциональных объектов [10]. На рисунке 2 видно, сколько учреждений, относящихся к разным сферам деятельности, сосредоточено сегодня на улице Советской.

Рисунок 2. Количество объектов (в %), находящихся на пешеходной улице

Соотношение в исторической зоне общественной и жилой застроек составляет 97 % и 3 % соответственно, что является показателем эффективности использования исследуемой территории в качестве пешеходной улицы.

Необходимо адаптировать точки питания для пешеходной улицы, например, как классические веранды на Арбате, где люди смогут отдыхать в кафе на открытом воздухе. Культурно-просветительское назначение пешеходной улицы связано с информативно-познавательной функцией, индустрией досуга и развлечений. На улице Советской представлены следующие учреждения культуры: музей Чуйского тракта, Бийский городской драматический театр, Центральная городская библиотека им. В. М. Шукшина. Предусмотрены новые комплексы, которые будут совмещать культурно-просветительскую, спортивную и зрелищную функции. На улице уже расположен гостиничный комплекс «На старом месте» с прилегающим рестораном. Культурно-развлекательная сфера представлена городским садом с парком аттракционов, рядом расположен стадион «Авангард», где будут созданы оздоровительные и спортивные комплексы.

Заключение. Парки и пешеходные пространства в городе должны сосуществовать вместе для прогулок гостей и жителей и представлять собой пешеходные улицы. Тогда горожане смогут совершать длинные прогулки и переходы из одной зоны в другую. Кажется, что очень легко организовать пешеходную улицу, достаточно лишь закрыть на ней транспортное движение. Но, кроме этого, необходимо создать особую атмосферу, привлечь туристов и местных жителей, т. к. людям разных возрастов должно быть комфортно и интересно на такой территории. Для этого нужно брать во внимание опыт зарубежных стран по устройству подобных зон. Лучшие пешеходные общественные пространства развиваются годами, их секрет успеха в пластичности, умении ориентироваться во времени и приспосабливаться к потребностям горожан.

Больше всего на пешеходных улицах привлекают посетителей активные первые этажи. Людям нравится ходить и рассматривать витрины, посещать магазины или сидеть в кафе и наблюдать за жизнью улицы. То есть необходима «уличная жизнь» и точки притяжения. Именно для этого при создании пешеходных улиц обычно рассматривают места с уже готовыми торговыми точками, чтобы процесс преобразования шёл быстрее. Главная задача пешеходной улицы – привлечение туристов. Обычно подобные зоны располагаются в исторических центрах с характерной для города архитектурой – там кипит культурная жизнь и проводятся народные гуляния.

Концентрация расположения максимального количества культурного наследия в одном районе города (старинная купеческая архитектура, исторические особняки) даёт возможность формировать в Бийске свой Арбат для жителей и ту-

ристов. Каждая пешеходная улица должна быть богата туристическими объектами, формируя маршруты для гостей города.

Список литературы

1. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. Муниципальное учреждение культуры. URL: <http://www.museum.biysk.ru/> (дата обращения 17.11.2021).
2. Бевз Н. В. Пешеходные пространства в центре города // Строительство и архитектура. 1988. № 2. С. 12–13.
3. Велев П. С. Пешеходные пространства городских центров. М.: Стройиздат, 1983. 191 с.
4. Лаврентьев Б. Ф., Шалаев В. П. Музейные ресурсы региональной культуры // SocioTime / Социальное время. 2020. № 24 (20). С. 120–128. DOI: 10.25686/2410-0773.2020.4.120.
5. Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) Алтайского края. URL: http://ukn22.ru/upload/medialibrary/e39/Spisok-_sayt_.pdf/ (дата обращения 18.11.2021).
6. Перечень объектов культурного наследия Алтайского края. URL: http://www.culture22.ru/culture_heritage/perechni_okn/ (дата обращения 20.11.2021).
7. Третьякова О. С., Быкова В. А., Прудникова Н. Г. Анализ историко-культурного кластера «Барнаул – горнозаводской город» // SocioTime / Социальное время. 2019. № 4 (20). С. 139–148. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.139.
8. Щеглова Т. К. Бийский район: история и современность. Барнаул: БГПУ. 2015. 128 с.
9. Широкалова Г. С. Малая / большая родина: как формируется историческая память // SocioTime / Социальное время. 2021. № 2 (26). С. 107–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107.
10. AIS: Архитектурно-строительный портал. URL: <http://ais.by/> загл. с экрана / (дата обращения 16.11.2021).

Авторская справка

ПРУДНИКОВА Наталья Геннадьевна, кандидат географических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: belukha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2002-8919>.

ИГНАТЕНКО Мария Николаевна, старший преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: anikina-mn@mail.ru

ДУДНИК Андрей Викторович, старший преподаватель кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

E-mail: rafting22@mail.ru

UDC 338.484

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.97

CULTURAL AND HISTORICAL RESOURCES OF THE CITY OF BIYSK AS A POTENTIAL FOR PRESERVING HISTORICAL MEMORY AND TOURISM DEVELOPMENT

N. G. Prudnikova, M. N. Ignatenko, A. V. Dudnik

Altai State University, Barnaul (Russia)

Introduction. The article considers the importance of the cultural and historical resources of the city of Biysk as a potential for preserving historical memory and developing tourism by creating a pedestrian space in the historical part of the city. The relevance of the work is due to urbanization, motorization, environmental pollution, and the growth of tourist flow. These phenomena lead to the need to reorganize the pedestrian space. Based on European experience, a pedestrian street is an excellent solution for the historical part of the city. Such spaces will help reduce the transport and environmental burden on the territory.

Methods. The initial theoretical positions of the research are the ideas of creating public pedestrian spaces by the following specialists Bevez N. V., Velev P. S., Maitland B. In the course of the work, comparative and analytical methods were used, which made it possible to trace the changes in the formation of elements of cultural heritage in the city - ancient merchant architecture, historical mansions, to assess the quality of the pedestrian street environment. Also, in the course of the work, the documents of the state list of historical and cultural monuments of the Altai Territory were analyzed, documents and archival sources of cultural and historical sights and the history of the city of Biysk were examined.

Results. Biysk is the gateway of the Altai Mountains; it is from here that the routes to the Altai destinations begin. The history of the city of Biysk is associated with the names of P. A. Kopylov, A. D. Vasenev, N. A. Asanov, A. F. Morozov, E. G. Morozov and others. There are 277 monuments of architecture, history, culture in Biysk. There are buildings of former houses and mansions left in the city, which can be reorganized and used as a pedestrian space for tourists to preserve the historical part of the merchant city and cultural and historical education of vacationers. For the development of citywide functions, it is necessary to reorganize part of the buildings and territories. It is necessary to diversify several objects in the pedestrian zone.

Conclusion. A pedestrian street project was developed in the central historical part of the city of Biysk. The analysis of the cultural and historical potential of the city, its concentration within the urban environment, the significance of objects for the history of Biysk and the Altai Territory allowed us to identify Sovetskaya Street as the most promising pedestrian street. Most of the buildings have important historical significance. 26 objects have the status of regional significance, 24 objects have the status of federal significance. Parks and pedestrian spaces in the city can be combined and then citizens will be able to take long walks and transitions from one zone to another along a pedestrian street.

Keywords: cultural and historical resources of cities; cultural heritage; cultural objects; historical and cultural monuments; pedestrian streets; Biysk.

References

1. Bijskij kraevedcheskij muzej im. V. V. Bianki. Municipal'noe uchrezhdenie kul'tury. Available at: <http://www.museum.biysk.ru/> (accessed 17.11.2021).

2. Bezv N. V. Peshekhodnye prostranstva v centre goroda. *Stroitel'stvo i arhitektura*, 1988. No 2. Pp. 12-13.
3. Velez P. S. Peshekhodnye prostranstva gorodskih centrov. Moscow, Strojizdat, 1983. 191 p.
4. Lavrent'ev B. F., SHalaev V. P. Muzejnye resursy regional'noj kul'tury. *SocioTime / Social'noe vremya*, 2020. No 24 (20). Pp. 120–128. DOI: 10.25686/2410-0773.2020.4.120.
5. Perechen' ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatniki istorii i kul'tury) Altajskogo kraja. Available at: http://ukn22.ru/upload/medialibrary/e39/Spisok-_sayt_.pdf/ (accessed 18.11.2021).
6. Perechen' ob"ektov kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja. Available at: http://www.culture22.ru/culture_heritage/perechni_okn/ (accessed 20.11.2021).
7. Tret'yakova O. S., Bykova V. A., Prudnikova N. G. Analiz istoriko-kul'turnogo klastera Barnaul – gornozavodskoj gorod. *SocioTime / Social'noe vremya*, 2019. No 4 (20). Pp. 139–148. DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.139.
8. Shcheglova T. K. Byskij rajon: Istoriya i sovremennost'. Barnaul: BGPU, 2015. 128 p.
9. Shirokalova G. S. Malaya / bol'shaya rodina: kak formiruetsya istoricheskaya pamyat'. *SocioTime / Social'noe vremya*, 2021. No 2 (26). Pp. 107–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107.
10. AIS. Arhitekturno-stroitel'nyj portal. Available at: <http://ais.by/> Zagl. s ekrana (accessed 16.11.2021).

Author's Bio

PRUDNIKOVA Natalia Gennadievna., Candidate of Geographical Sciences, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: belukha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2002-8919>

IGNATENKO Maria Nikolaevna, Senior Lecturer of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: anikina-mn@mail.ru

DUDNIK Andrey Viktorovich, Senior Lecturer of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

E-mail: rafting22@mail.ru

Библиографическая ссылка

Прудникова Н. Г., Игнатенко М. Н., Дудник А. В. Культурно-исторические ресурсы города Бийска как потенциал сохранения исторической памяти и развития туризма // *SocioTime / Социальное время*. 2022. № 1 (29). С. 97–106. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.97

УДК 930.1 + 167.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.107

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КАК ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ РЕАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

М. В. Салимгареев

*Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань (Россия)*

Введение. Цель статьи – рассмотреть процедуры понимания прошлого, находящиеся на стыке исторической онтологии и исторической эпистемологии. Предлагается взглянуть на проблему постижения прошлого в контексте экзистенциальных состояний субъекта познания. В статье делается попытка решения вопроса о возможности, условиях и границах понимания прошлого. Анализируются субъективные условия и пределы научного познания. Проблема понимания прошлого рассматривается под разными углами зрения, прежде всего, в эпистемологии, феноменологии, историографии, а также в контексте психологизации познающего субъекта. Автор обнаруживает ряд мыслительных предпосылок, определяющих познавательные акты, которые предпринимает познающий субъект в процессе практики понимания исторического прошлого.

Методы. В основу исследования положены конкретные методы: рациональной реконструкции различных гносеологических подходов; системного и логического анализа основных подходов к исторической истине; теоретическое конструирование системной модели истины; системно-синергетической проблематизации истины.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Очевидная дистанция между субъектом и объектом познания порождает стремление эпистемологически преодолеть её, что может привести, с одной стороны, к смелым априорным догадкам по поводу исторического события, а с другой – выводить следствия, верифицируя их историческими фактами как временными результатами рациональной реконструкции, которая всегда недостаточно эмпирически аргументирована. Если мы действительно осознанно идём на такое глубинное действие, как понимание прошлого и как некогда случившейся жизни, то нам для этого будут необходимы не только интеллект и воображение с их разнообразным инструментарием, но и ряд иных важных внутренних усилий, направленных на создание такой конструкции, содержание которой внутри нас может порождать определённые состояния, раздвигающие перед нами границы исторического мышления, где возможно актуальное конструирование действительности, что представляется важным объектом для дальнейшего изучения.

Заключение. Глубочайшая проблема исторического мышления – это то, как понять, что конкретно и действительно понято, ведь то, что случилось в прошлом, скрыто от нас не только буквально, но и ментально, своеобразным внутренним экраном нашего воображения, скрыто занавесом слабо устранимых психологических и интеллектуальных интенций и состояний.

Ключевые слова: эпистемология; познание; субъект познания; историческое прошлое; истина.

Введение. Цель данной статьи, отталкиваясь от таких категорий, как познание, субъект, объект – рассмотрение рефлексивных компонентов понимания, находящихся на стыке исторической онтологии и исторической эпистемологии.

Предлагается взглянуть на проблему постижения прошлого в контексте экзистенциальных состояний субъекта познания в контексте разнообразных когнитивных доминант.

Проблема понимания исторического прошлого, в контексте рефлексивного внимания к субъекту познания как одному из источников смыслополагания, обнаружение в нём разнообразных когнитивных и социокультурных векторов, является ключевой для современной эпистемологии. Корни поисков субъекта как смыслоносителя можно увидеть ещё в античности, однако специфическая рефлексивность философии Нового времени сделала важный шаг в понимании различных интеллектуальных процедур и способов обнаружения действительности. Вопрос о смыслоносителе и смыслопорождении с различных позиций поднимался значительной когортой мыслителей. Р. Декарт, И. Кант, Ф. Шлейермахер, Р. Эмерсон, Г. Зиммель, Э. Гуссерль, А. Бергсон, В. Дильтей, Э. Кассирер, М. Вебер, М. Хайдеггер, Н. Бердяев, Г. Гадамер П. Рикер, Р. Барт, Ж. Дерида Ф. Р. Анкерсмит, Р. Арон, А. Бадью, З. Бауман, Г. Башляр, Д. Белл, Д. Ваттим, Ф. Йейтс, К. Касториadis, П. Хаттон, М. Хардт, А. Негри, И. Валлерстайн, Г. Маркузе, К. Вульф, Ф. фон Хайек произвели тот необходимый интеллектуальный импульс, который лёг в основу появления и развития эпистемологии истории и её открытия внутренней реальности субъекта, его взаимоотношений с самим собой и миром им созданных значений, смыслов и используемых им интеллектуальных практик. Очевидно, что вопрос о понимании исторического прошлого отнюдь не самый простой, о чём свидетельствует многообразие существующих точек зрения, разбор которых мог бы стать предметом отдельного исследования [1; 2; 3; 4; 5].

Методы. В основу исследования положены конкретные методы рациональной реконструкции различных гносеологических подходов, системного и логического анализа основных подходов к истине, теоретическое конструирование системной модели истины, системно-синергетической проблематизации исторического мышления.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

Итак, с одной стороны, мы можем обнаружить, что понимание случившегося в прошлом, а также интеллектуального ландшафта им порождённого, выступают в виде отыскания и определения смысла чего-то и когда-то случившегося, где есть условная демаркация между субъектом и объектом познания. Историческое мышление, как научная система процедур понимания, не может не настаивать на том, что между этими дуальными категориями имеется важная связь, а ориентация на объективность в познании, выступает как непреложная данность познавательного процесса. Очевидная дистанция между субъектом и объектом познания порождает стремление эпистемологически преодолеть её, что в условиях использования ра-

циональных приёмов реконструкции произошедшего создаёт познавательные предструктуры в терминах самих вещей, что может привести, с одной стороны, к смелым априорным догадкам по поводу исторического события, а с другой – выводить следствия, верифицируя их историческими фактами как временными результатами рациональной реконструкции, которая всегда недостаточно эмпирически аргументирована.

Субъект-объектная ориентация здесь выступает как важное качество классического историознания. Обнаруживаемую в нём онтологическую сущность истории обыкновенно описывают совокупностью таких категорий, как исторический процесс, историческое событие, историческое время и пространство, историческая причинность [1]. Онтологический ракурс направлен в сторону установления твёрдых оснований, позволяющих нам размышлять о реальности в контексте беспроблемных очевидностей, где находится весь человеческий мир во всём его многообразии [6].

Понять произошедшее – значит не только постичь его смысл в онтологическом значении. Однако, поскольку сфера знания не совпадает со сферой понимания, и так как знание какого-то дошедшего из прошлого события или, допустим, выражения не означает, что мы его понимаем, мы неизбежно делаем шаг в сторону историзации онтологии, которая обладает тотальной неоднозначностью протекающей из пространства субъективности [7].

Вспомним дискуссию между А. Никитиным и Д. Лихачёвым по поводу «тмутараканского идола» упоминаемого в «Слове о полку Игореве» [8]. Как известно, первый утверждал, что это выражение отсылает нас не к языческому изображению на территории древней Тамани, а к живому герою. По сюжету произведения, к нему обращается «див» с предостерегающим князя Игоря воззванием. Кто же такой этот див? Никитин полагает, что это искажённое слово «зив», то есть птица, которая, по сюжету произведения, общается с неким тмутараканским соколом (видимо, аллегорический образ князя Романа Святославича), то есть «балабаном» (древнее наименование степного пернатого хищника) [9, с. 185]. Д. Лихачёв придерживается иной позиции, которая более прозрачна: тмутараканский балван не что иное, как известные культовые изваяния Санерга и Астарты, просуществовавшие в той местности до XVIII века [10]. Кому отдать предпочтение в возникшей дискуссии, каждый решает сам для себя. Чьи доводы более убедительны? Этот вопрос больше интеллектуального и эстетического вкуса, и мы вряд ли узнаем, какая из этих позиций соответствует авторскому замыслу.

Очевидно, что в процессе конструирования понимания прошлого к познавательным объектам могут быть применены гносеологические категории истинности и ложности. Каждый из участников дискуссии совпадает или не совпадает с аутентичным содержанием смысла. В случае, если бы стал известен исходный

замысел автора, и было бы возможно сравнить его с гипотетическими смыслами исследователей, вступивших в дискуссию, то возникла бы классическая знаниевая ситуация, где взаимоисключающая полярность перестала мучить нас своей неопределённостью, ведь тогда возникла ситуация чёткого различения знания истинного от знания ложного.

Как видим, к категории понимания можно отнести все известные проявления всякого знания – абсолютность, относительность, проверяемость, достоверность и т. д. Если рассматривать историческое понимание в этом контексте, то мы наталкиваемся на эпистемологическую данность, которая указывает, что всякий объект понимания, например, конкретный факт прошлого, наделён содержанием «сам по себе», то есть обладает некоторыми объективно заданными параметрами времени и места, на конкретизацию которых часто направлены усилия историков. Другими словами, прошлое существует в глубине своей автономности и онтологически отделено от познающего, что до некоторого времени способно усиливать стремление историка к разрешению познавательной неопределённости с помощью активного направленного мыслительного действия и особых интеллектуальных процедур.

Поскольку понимаемое есть содержание мышления то, вероятно, для его опознавания необходимо обладать определёнными навыками владения языком как универсальной основой всякой культуры познания. Именно язык задаёт известные горизонты реальности. Что касается исторического прошлого, то оно описывается и опознаётся в контексте и пространстве не только знаниевой парадигмы, но и внутри символов и образов конкретного времени. В этом процессе обнаруживается проявление движения языковых эквивалентов смыслов, значений, которые определяют горизонты познания, раскрывая историческую онтологию как доопытное условие любого исторического видения и его интеллектуальное освоение внутри исторической эпистемологии [11].

Другой важной проблемой является двойная феноменальность понимания, с одной стороны, как части социокультурного опыта, а с другой – как факта «внутренней» жизни сознания субъекта. Как в такой ситуации соотнести различные понимания, которые возникают у многих субъектов исторического познания, с конкретным и действительным смыслом, который существует автономно, и есть ли эта автономность в принципе, если всё, что мы обнаруживаем вокруг и внутри истории, есть особая «внутренняя» реальность?

Вопрос о предсуществовании действительности до мышления и вне мышления – один из самых неочевидных в феноменологии знания. Согласно Фреге, «...мысль не принадлежит ни моему внутреннему миру, как представление, ни внешнему миру, миру чувственно воспринимаемых вещей» [12]. Из чего можно вывести особое пространство, существования мыслей, компоненты которого в

равной степени недоступны чувствам и не принадлежат сознанию, хотя в полной мере соотносятся и с нашими представлениями, и с миром вещей [3]. Поэтому в самом мышлении мысли не появляются, но воспринимаются, постигаются, а истина не зависит от когнитивных свойств сознания. То, что мы обычно признаём за истину, будет истиной вне всякой связи от нашего мыслительного аппарата, она рождается только в ситуации её открытия [13].

Если вспомнить Платона, то в эпистемологическом пространстве мышления мы имеем дело с триадой знание-понимание-вспоминание, которая свидетельствует о бесконечном круге возвращения к тому, что уже оказалось запечатлено сознанием в виде какого-то впечатления [14]. Поиск автономной истины, которая предшествует субъективной реальности и существует помимо воли субъекта, будоражит интеллект своей неопределённостью. Попытку поставить жирную точку в этом вопросе, как известно, предприняла диалектико-материалистическая мысль, пытавшаяся раскрыть ограниченность абсолютизации аспектов относительной автономности смыслов. Но, опираясь на известную формулу примата бытия над сознанием, данный вектор рассуждений не позволяет глубоко оценить природу самого сознания, в которой оказывается заперта фундаментальная неразрешимость проблемы непознаваемости прошлого как формы действительности. Возможно, что абсолютного объективного бытия нет вне сознания, а последнее фундирует, кодирует наличную действительность посредством всяких значений и категорий, наделяя всё и вся смыслами [15].

Действительно, как только мы конкретизируем смысл произошедшего, исходя из позиции субъекта, который при всех своих научных или иных детерминант начинает для себя объяснять случившееся, структурировать его и назначать смыслы произошедшему, ситуация меняется [16]. Как же тогда быть с объективностью? Можно предположить, что она принципиально не исчезает, но выступает как регулятивная интенционность, как важная цель, главная характеристика которой – её недостижимость. Очевидно, историческое понимание объективизируется, то есть в определённый момент переходит на обобществлённый, социокультурный уровень, где мы вступаем в пределы культурной памяти как особого вида конвенции, которая, некоторым образом, задаёт вектор содержанию смыслов прошлого [17, с. 90].

Если конвенциональные основания понимания отсутствуют, то на помощь приходят нерациональные способы осмысления прошлого, но даже и они однажды могут стать результатом договорённости. Очевидно, что конкуренция несопадающих пониманий прошлого не даёт нам основания считать одни точки зрения истинными, а другие – не истинными, поскольку все позиции равноценны в несопадении с произошедшим, так как все они равно удалены от него и не обладают исчерпывающей полнотой соответствия. Здесь возникает важная ситуация

смыслообразования, которая связана с сопоставлением неравноценных и альтернативных интерпретаций прошлого [4, с. 64].

Возникающее несовпадение двух обозначенных выше позиций есть следствие впадения в категориальную дуальность того, чем же является по содержанию всякое понимание, в том числе понимание истории. Пытаясь реконструировать его через наличие конкретного познавательного акта вне процессуальной глубинности, где нет контекстаульности и историчности, где царствует абсолютизация либо субъекта, либо объекта познания, мы искусственно противопоставляем одно другому, но обе эти позиции едины в своей основе, поскольку всякая сверхактивность познающего, приводящая к потере объективности в понимании, превращается рано или поздно в гносеологическую бессильность перед лицом конкретной исторической действительности [18, с. 20].

Реагируя на действительность, субъект всегда в позиции конструктора, он не только воспроизводит реальность из глубины собственных переживаний, используя возникающие смыслы по своему назначению (как в сторону объективизации, так и субъективизации), он так же может подвергнуть забвению историческое явление. В последнем случае мы имеем дело с известным парадоксом исторического знания, которое только в беспамятстве обеспечивает постижение. Забвение обеспечивает пониманию содержательность благодаря историческому времени, и всякое искажение исторического события играют роль необходимого условия его познания [19, с. 13].

Актуальной формой восприятия прошлого становится самопознание через преодоления неизбежных ограничений. «Познать самого себя – это, прежде всего, познать впечатления, говорящие о чём-то скрытом в нас, о чём-то, из-за чего мы волнуемся, из-за чего мы нечто переживаем, так как то, что волнует одного, вовсе не волнует другого» [19, с. 151]. Перед взором воспринимающего возникают определённые исторические знамения, ставящие перед ним задачу постижения собственной глубины, на каком бы уровне рефлексии она ни происходила. А поскольку всякое подобное знамение – это, прежде всего, впечатления, которые воздействуют на субъект в силу своего содержания, в них обнаруживаются какие-то скрытые истины не только о конкретной исторической бытийности, которая попадает в фокус исторического познания, но, прежде всего, о себе самом [20, с. 18].

При погружении в то или иное историческое произведение, или исторический источник обнаруживается не просто слепок ушедшей реальности, но символ, требующий не столько интерпретации, сколько определённого рода интроспекции. В таком контексте понимание прошлого можно рассматривать как процесс наполнения смыслом того, что случилось из собственной глубинности. Это делает очевидной ситуацию, когда знание не тождественно пониманию. Понимание в таком контексте субъективно. То есть познающий субъект опознаёт по возник-

шим «историческим следам» произошедшее, обнаруживает в нём действительно существенное, то есть наделяет его смыслом в соответствии со своими эстетическими, идейными или иными усмотрениями, или социальными ракурсами [2].

Возможный выход из сложившейся неопределённости нам подсказывает установка, указывающая, что генерация смыслов в большей или меньшей степени зависит от практики, от действия, в том числе мыслительного. Через конкретное действие проходит путь к миру причинности и пониманию реальности, истины. Но интеллектуальное, рациональное понимание действительности в системе «субъект – субъект» всегда ограничено определённой дистанцией. Поэтому в процессе историописания, желая понять мир «другого», историк не может сделать это в полной мере, не может уловить саму глубинную, абсолютную основу произошедшего с ним, так как реальность всегда вспыхивает и пылает только в ситуации настоящего, только в момент проживания, в момент конкретного контакта сознания с действительностью [21]. При этом необходимо отдавать себе отчёт в том, что случившееся в прошлом не является ни абсолютной ценностью, ни абсолютной реальностью для познающего, мыслительные конструкции по поводу произошедшего в целом есть орган сознания того, что есть прямо сейчас. Более того, историческое понимание всегда остаётся относительным и никогда не может быть завершённым.

Прошлое как вообразимое – не предмет потребления, где кто-то может непосредственно присутствовать в нём, восхищаться, удивляться, переживать и делать всё это на определённом расстоянии. Прошлое – всегда бывшее настоящее, и оттого осуществляется «прямо сейчас», то есть в настоящий момент времени, это живой опыт субъекта. Поэтому метод понимания изменчив и подвержен флуктуации. Кроме того, оказывается, что историознание, как мыслительное действо внутри представлений и символов, есть определённое движение, в котором содержится какое-то состояние, возникающее не само по себе, а поскольку нарратор к нему каким-то образом готов, наверное, тем, что уже состоял в определённой связи с тем, что воспринимал, поэтому объект прошлого, который входит в фокус как идея, является причиной возникающего отношения к объекту внимания, таким образом благодаря возникшему предпониманию осуществляется известный «прыжок в герменевтический круг».

В вопросе понимания субъекта как объекта, есть ещё один важный аспект, который должен здесь прозвучать. «Другой», как категория целого, подлежит безусловному осмыслению, но он при всех стараниях остаётся тайной, лежащей в глубине субъектности, рассмотрение которой даёт нам основание, шанс становиться сознающими, понимающими себя [22]. В этом контексте понимание можно рассмотреть, как акт, которому предшествует обнаружение самосознания как отделённости от «Другого», что одновременно не является чистым моментом

описания последнего. Возникающие в таком случае повествования начинают действовать как способы появления никогда ещё не случившегося переживания нового опыта, где он сам выходит на границу того, чего нельзя постичь усилиями интеллекта.

Однако вернёмся к тому, с чем в самом мышлении сопряжено рождение понимания. Вероятно, появление любого смысла, возникающего на основе или объектов-текстов, или в глубинах субъективных интерпретаций, не опережает понимание. Можно предположить, что не только языковые грамматические конструкции, но и любые фрагменты реальности, артефакты культуры, собственные состояния, которые переживает субъект, пропуская их через себя, сами по себе не несут никакого смысла, они его обретают в процессе непосредственного понимания [23]. В этом процессе познающий своими творческими усилиями воспроизводит либо имеющиеся смыслы, подключаясь к культуре, где понимание есть результат социальной обусловленности (хотя это не исключает воссоздание как бы заново не только образца, но и способа его возникновения), либо создаёт новые, ранее не существовавшие смыслы как результат собственного контакта с действительностью.

Отметим, что профессиональный исследователь истории, анализируя смысл события в прошлом, действует на ощупь, индуктивно-эмпирически, конструируя апостериорное понятие, используя анализ множества разных свидетельств, при этом сталкиваясь с возрастающим регрессом оснований, он не ощущает драматизма возникающей ситуации, так как для него все имеющиеся факты обретают контингентный, случайный смысл [3, с. 53]. Исследовательский инструментарий историка направлен из настоящего в прошлое. Кружа вокруг исторического события, он стремится подойти на максимальное расстояние. Он может использовать различные исторические аналоги, известные образы и подтверждения из исследуемого исторического времени, никогда им тотально не доверяясь. Историк хочет синтеза теории и фактов посредством последовательной трансформации фактов в историческое событие. Он истово пытается проникнуть в прошлое, встречая в самом себе первичный импульс увидеть и суметь передать его смысл в близком к первоначальному моменту проявления, то есть так, как это случилось на самом деле [24]. В результате он может не видеть никакого прошлого «на самом деле», но воссоздавать благодаря воображению, воспроизводить в самом себе действительные моменты прошлого, вовлекая их в свою ментальную орбиту, в свой текст, в свою реальность, которая уже сложилась в глубинах мысли и той традиции, из которой происходит интеллектуальное движение [24].

Для исторической науки и эпистемологии всякая реконструкция вносит упорядоченность в хаос действительности и возникающих от неё впечатлений, что даёт надежду на обнаружение равновесия и баланса, где кристаллизуется исти-

на. Историческое мышление, как и всякое мышление, не функционирует лишь на уровне соотнесения компонентов возникающей картины прошлого с определёнными суждениями. Познающий прошлое не может проникнуть в него, не запуская процесс гипотетикодедуктивной отстройки, которая задана внутренней интенциональной определённостью и связана не только с интеллектуальным горизонтом, но и с имеющимся экзистенциальным опытом [17]. Однако важно заметить, что познаваемая историческая реальность может быть представлена перед субъектом как расширяющийся и обновляющийся метатекст прошлого, осмысление которого в целом и в каждом своём компоненте обеспечивается степенью готовности признать одновременность собственной ограниченности и обнажённости перед истинной, которая может быть неполной [25].

Признание несовершенства и ограниченности своей неготовности к полноте познания прошлого может быть фундаментом интеллектуального и духовного потенциала человека как субъекта понимания [26]. Можно предположить, что способность признавать историческую истину, понимать её доступны любому человеку, это является основой для достижения солидарности между людьми, гражданскому, политическому консенсусу в то время как ложное понимание ведёт к обратному процессу, в котором взаимодействие между людьми имеет временный и преходящий характер [27]. Однако не всё так очевидно.

Понимание истории не объединяет и не солидаризирует настолько, насколько это обыкновенно принято считать, ибо сам акт понимания прошлого порождает тотальное неравенство, ведь поиск истины, её отыскание возникают только на глубине собственных индивидуальных умений каждого. Интересно тут ещё и то, что понимание случившегося невозможно поделить на всех, так как невозможно делиться тем, чего больше нет. Блага исторической истины не подлежат коллективному обобществлению на условиях интеллектуального равенства, поскольку могут быть получены только в действиях жизненного постижения, которые у всех разные [28]. Каждый погружается в прошлое только через себя и только на свою глубину. Это так ещё и потому, что понимание прошлого есть момент, когда мы должны увидеть в нём то, что говорит только о нас самих и ни о ком другом. На этом пути можно использовать нашу природную возможность представлять то, что перед нами буквально отсутствует как действительность, то есть то, чего мы хотим осознать, скрыто от нас в недрах нас же самих. Поэтому роль воображения в процессе понимания прошлого – вопрос научно обоснованный, но далеко не раскрытый [29].

Очевидно, что без воображения нет творческой адаптации случившегося к наличной действительности, вне его процедур мы попадаем в пространство дурной бесконечности, то есть вынуждены возвращаться к безысходной буквально-

сти, зацикливающей эмпирическое содержание исторического сознания в жёсткую структуру социальной предметности [30].

Заключение. Таким образом, то, как субъекту понять, что конкретно и действительно понято – глубочайшая, экзистенциальная проблема. Опознаваемые границы последней могут быть обозначены рядом вопросов. Каким образом субъект на пути понимания прошлого должен выйти за рамки представлений, которые у него уже есть о том, что могло бы быть, а чего не могло бы быть в прошлом? Что есть в субъекте такого, что позволяет ему понимать случившееся так, как он это делает в момент «здесь и сейчас»? Что меняется в субъекте, когда он начинает всё это действительно понимать? Очевидно, то, что случилось в прошлом, скрыто от субъекта не только буквально, но и ментально, своеобразным внутренним экраном собственного воображения, занавесом субъективных психологических и интеллектуальных интенций, которые стремится преодолеть научное мышление.

В экзистенциальном смысле преодоление конвенциональных конструкций акта понимания несёт для субъекта важное значение, поскольку таким образом создаются условия для более глубокого постижения того, как же на самом деле происходит понимание собственных жизненных процессов. Если субъект решается на такое сложное интеллектуальное действие, как понимание понимания произошедшего, где событие возникшего знания становится объектом рефлексии, то от него требуется предельная внимательность к себе самому. Ему понадобится весь арсенал интеллекта, воображения, усердия с их разнообразным инструментарием, направленный на открытие такой внутренней реальности, содержание которой может порождать неожиданное для субъекта экзистенциальное открытие, когда обнаруживаемая непрозрачность действительности собственного «Я» может стать критическим моментом и началом движения за границы мышления, где сознание, которое говорит: «Я есть», и сознание, которое мыслит, – не одно и то же.

Список литературы

1. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
2. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
3. Шиповалова Л. В. Научная революция: разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 47–57.
4. Шульга Е. Н. Истина и интерпретация. Многомерность истины // Рос. акад. наук, Ин-т философии; редкол.: А. А. Горелов, М. М. Новосёлов. М.: ИФРАН, 2008. С. 52–72.
5. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 235 с.
6. Историческая эпистемология: проблемы и перспективы: монография / научн. ред. и сост. Л. В. Шиповаловой. М.: Русское общество истории и философии наук, 2020. 130 с.

7. Алексеев И. С. Об универсальном характере понимания // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 73–74.
8. Слово о полку Игореве. М.: Худ. лит., 1983. 221 с.
9. Никитин А. Испытание «Словом...» // Новый мир. 1984. № 7. С. 176–208.
10. Касавин И. Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 6–19.
11. Лихачев Д. Еще раз в защиту великого памятника // Литературная газета. 1985. 28 авг.
12. Stapelfeldt G. Gesellschaftliche Bedingungen von Erkenntnis und Wissen // Erkenntnis und Kritik: Zeitgenössische Positionen. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. Pp. 19–40.
13. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
14. Горелов А. А. Истина и смысл. М.: ИФРАН, 2010. 147 с.
15. Платон. Государство // Платон. Сочинения в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. 345 с.
16. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
17. Соловьёв О. Б. Историзм и антиисторизм социокультурной динамики понимания // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия Философия. 2008. № 1 (10). С. 86–95.
18. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности / пер. с франц. // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 19–38.
19. Мамардашвили М. Беседы о мышлении. СПб: Азбука, 2019. 480 с.
20. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
21. Follesdal D. Understanding and Rationality // Meaning and Understanding, eds. H. Parret and J. Bouveresse. Berlin–N. Y., 1981. Pp. 154–168.
22. Ищенко Е. Н. Познавание другого – эпистемологические проблемы и социокультурные приложения. Логос, 2005. № 4 (49). С. 172–188.
23. Heidegger M. Being and Time. New York: Harper & Row, 1962. 590 p.
24. Чеканцева З. А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 5–20.
25. Шашлова Е. И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология и философия науки. М., 2017. Т. 51. № 1. С. 42–46.
26. Гавриленко С. М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 20–28.
27. Щедровицкий Г. П. Схема мышлестеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание: избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 281–298.
28. Щедрина Т. Г. Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.
29. Гадамер Х. -Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
30. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: ГУВШЭ, 2004. 56 с.

Авторская справка

САЛИМГАРЕЕВ Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань, Россия.

E-mail: msalimga.dis@mail.ru

UDC 930.1 + 167.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.107

THE HISTORICAL PAST UNDERSTANDING AS THE SUBJECT'S INNER REALITY PROBLEM

M. V. Salimgareev

Kazan National Research Technology University, Kazan (Russia)

Introduction. The purpose of this article is to consider procedures for understanding the past, which are at the intersection of historical ontology and historical epistemology. We propose to consider the problem of understanding the past in the context of existential states of the subject of cognition. This article addresses the possibilities, conditions and boundaries of understanding the past. Subjective conditions and limits of scientific knowledge are analyzed. From different angles, the problem of understanding the past, epistemology, phenomenology, historiography, and in the context of the psychologization of the subject who knows the problem is considered. The author discovers mental prerequisites that determine cognitive actions.

Methods. The study is based on specific methods: rational reconstruction of various epistemological approaches; a systematic and logical analysis of the main approaches to historical truth; theoretical design of the system truth model; the systemic-synergistic problem of truth.

Results. The obvious distance between the subject and the object of knowledge gives rise to the desire to epistemologically overcome it, which can lead to bold a priori guesses about a historical event and derive the consequences, checking them with the historical facts as temporary results of rational reconstruction, which is insufficiently argued empirically. If we really consciously take such a profound action as understanding the past, as what once happened in our lives, then we need not only intelligence and imagination, but also a number of other important internal efforts. These efforts are aimed at creating a structure whose content can give rise to certain states within us that show the possibilities of historical thinking. An important object for further study is the current design of reality.

Conclusion. The deepest problem of historical thinking is how to understand what is specifically and really understood, since what happened in the past is hidden from us not only literally, but also mentally, by a kind of internal screen of our imagination, hidden by a curtain of weakly eliminated psychological and intellectual intentions and states.

Keywords: epistemology; cognition; subject of cognition; historical past; truth.

References

1. Zareckij Yu. P. Strategii ponimaniya proshlogo: teoriya, istoriya, istoriografiya [Strategies of understanding the past: Theory, history, historiography]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 p.
2. Mazur L. N. *Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati* [The image of the past: shaping the historical memory]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki, 2013. No 3 (117). Pp. 243–256.
3. Shipovalova L. V. *Nauchnaya revolyuciya: razryv s proshlym ili ego vozobnovlenie? O dvusmyslennom otvete sovremennoj istoriografii* [The Scientific Revolution: breaking with the past or re-

newing it? The ambiguous answer of modern historiography]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2018. No 45. Pp. 47–57.

4. Shul'ga E. N. *Istina i interpretaciya* [Truth and Interpretation]. Mnogomernost' istiny. Ros. akad. nauk, In-t filosofii; redkol.: A. A. Gorelov, M. M. Novosyolov. Moscow, IFRAN, 2008. Pp. 52–72.

5. Shul'ga E. N. *Kognitivnaya germenevtika* [Cognitive hermeneutics]. Moscow, IF RAN, 2002. 235 p.

6. Istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy: monografiya [Historical epistemology: problems and perspectives: monograph]. Nauchn. red. i sost. L. V. Shipovalovoj. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk, 2020. 130 p.

7. Alekseev I. S. *Ob universal'nom haraktere ponimaniya* [On the universality of understanding]. Voprosy filosofii. 1986. No 7. Pp. 73–74.

8. Slovo o polku Igoreve [Lay of Igor's Warfare]. Moscow, Hud. Lit., 1983. 221 p.

9. Nikitin A. *Ispytanie Slovom...* [Word's verification]. Novyj mir. 1984. No 7. Pp. 176–208.

10. Kasavin I. T. *Znanie i real'nost' v istoricheskoy epistemologii* [Knowledge and reality in historical epistemology]. Epistemologiya i filosofiya nauki. 2020. Vol. 57. No 2. Pp. 6–19.

11. Lihachev D. *Eshche raz v zashchitu velikogo pamyatnika* [Once again in defense of the great monument]. Literaturnaya gazeta. 1985. 28 avg.

12. Stapelfeldt G. Gesellschaftliche Bedingungen von Erkenntnis und Wissen [Social conditions for understanding and knowledge]. Erkenntnis und Kritik: Zeitgenössische Positionen. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. Pp. 19–40.

13. Frege G. Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov [Logic and logical semantics. A collection of works]. Moscow, Aspekt Press, 2000. 512 s.

14. Gorelov A. A. *Istina i smysl* [Truth and sense]. Moscow, IFRAN, 2010. 147 p.

15. Platon. *Gosudarstvo* [Compositions. Sochineniya v 3-h t. T. 3. Ch. 1 e]. Moscow, Mysl', 1971. 345 p.

16. Repina L. P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and historical problems (historiographic notes)]. Moscow, GU VSHE, 2003. 44 p.

17. Solov'yov O. B. *Istorizm i antiistorizm sociokul'turnoj dinamiki ponimaniya* [Historical and anti-historical sociocultural dynamics of understanding]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Seriya Filosofiya. 2008. No 1 (10). Pp. 86–95.

18. Artog F. *Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti* [Order of time, historical modes]. Per. s franc. Neprikosnovennyj zapas. 2008. No № 3 (59). Pp. 19–38.

19. Mamardashvili M. *Besedy o myshlenii* [Conversations about the mindset]. Saint Petersburg, Azbuka, 2019. 480 p.

20. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of the perceiving]. Saint Petersburg, Yuventa, Nauka, 1999. 605 p.

21. Follesdal D. Understanding and Rationality. Meaning and Understanding, eds. Parret H. and Bouveresse J. Berlin–N. Y., 1981. Pp. 154–168.

22. Ishchenko E. N. *Poznanie drugogo – epistemologicheskie problemy i sociokul'turnye aplikacii* [Knowledge of the other – epistemic problems and sociocultural applications]. Logos, 2005. No 4 (49). Pp. 172–188.

23. Heidegger M. *Being and Time*. New York, Harper & Row, 1962. 590 p.

24. Chekanceva Z. A. *Istorichnost' i istoriya v intellektual'noj kul'ture XXI veka* [Historicity and history in the intellectual culture of the 21st Century]. Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 65. Pp. 5–20.

25. Shashlova E. I. *O znachenii istoricheskoy epistemologii dlya sovremennoj filosofii nauki* [The significance of historical epistemology for modern philosophy of science]. Epistemologiya i filosofiya nauki. Moscow, 2017. T. 51. No 1. Pp. 42–46.

26. Gavrilenko S. M. *Istoricheskaya epistemologiya: Zona neopredelennosti i prostranstvo teoreticheskogo voobrazheniya* [Historical epistemology: the zone of uncertainty and the space of the theoretical imagination]. *Epistemol Epistemology & Philosophy of Science. Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2017. Vol. 52. No 2. Pp. 20–28.

27. Shchedrovickij G. P. *Skhema mysledeyatelnosti – sistemno-strukturnoe stroenie, smysl i sodержanie* [Thinking Patterns – Structure, Meaning and Content]. *Izbrannye trudy*. Moscow, Shkola Kul'turnoj Politiki, 1995. Pp. 281–298.

28. Shchedrina T. G. *Problema ponimaniya istoricheskoy real'nosti (metodologicheskij opyt Gustava SHpeta)* [Problem of understanding historical reality (methodological experience of Gustav Speth)]. *Voprosy filosofii*. 2018. No 12. Pp. 90–93.

29. Gadamer H. -G. *Istina i metod: Osnovy filos. germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. *Per. s nem. Obshch. red. i vstup. st.* B. N. Bessonova. Moscow, Progress, 1988. 704 p.

30. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. *Social'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya* [Social ideas about the past: types and mechanisms of formation]. Moscow, GUVSHE, 2004. 56 p.

Author's Bio

SALIMGAREEV Maxim Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State Municipal Administration of History and Sociology, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia.

E-mail: msalimga.dis@mail.ru

Библиографическая ссылка

Салимгареев М. В. Понимание исторического прошлого как проблема внутренней реальности субъекта // SocioTime / Социальное время. 2022. № 1 (29). С. 107–120.

DOI: 10.25686/2410-0773.2022.1.107

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписуточные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction);*
- *Методы (Methods);*
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results);*
- *Заключение (Conclusion).*

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т.д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
 - References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
 - List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
 - Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
 - Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "AntiPlagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).

ISSN 2410-0773

